

УЧРЕЖДЕНИЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ РАН

**СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
РАЗВИТИЕ В РОССИИ (ВЗГЛЯД ИЗ ЕВРОПЫ)**

Под редакцией В.П. Гутника и А.В. Авиловой

Москва
ИМЭМО РАН
2009

УДК 338.1
332.012.2
ББК 65.012.2
66.3(2 Рос) 0
Социаль 692

Серия «Библиотека Института мировой экономики и международных отношений»
основана в 2009 году

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательских проектов № 06-02-02048а и № 06-02-02050а.

Социаль 692

Социально-экономическое и политическое развитие в России (взгляд из Европы) / Под ред. В.П.Гутника и А.В.Авиловой. – М.: ИМЭМО РАН, 2009. – 105 с.

ISBN 978-5-9535-0227-6

В сборнике подведены итоги мониторинга мнений западноевропейских экспертов (Германии, Великобритании, Франции, Италии) об экономических и политических процессах, происходивших в России в 2006-2008 гг. Изучены оценки перспектив экономического роста России, возможностей и масштабов энергетического сотрудничества между Россией и ЕС, политической эволюции российского общества.

Для исследователей и всех интересующихся социально-экономическими проблемами современной России.

Socioeconomic and Political Development in Russia (Look from Europe) /
Ed. by V.P.Gutnik and A.V.Avilova. – M.: IMEMO RAN, 2009.

The collection represents the summary of opinions of West European experts (in Germany, Great Britain, France, Italy) on the developments in the Russian economy and politics in 2006-2008. The prospects of economic growth in Russia are examined, as well as the scope and scale of the energy cooperation between Russia and the EC, and political evolution of the Russian society.

For scientists and all who is interested in the socioeconomic problems of modern Russia.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0227-6

© ИМЭМО РАН, 2009

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Д.э.н. А.В. Кузнецов. Восприятие российской экономической политики в ЕС: акцент на краткосрочных перспективах развития торгово-инвестиционных связей.....	6
<u>Д.э.н. В.П. Гутник</u> . Германские эксперты о современной экономической политике России.....	14
Д.э.н. Е.С. Хесин. Восприятие в Великобритании экономической и социальной политики России.....	21
К.э.н. Е.П. Островская. Отношение Франции и французов к России	28
К.э.н. М.В. Клинова. Французские исследователи об укреплении позиций государства в экономике России	40
К.э.н. А.В. Авилова. Итальянская печать об экономических и социальных процессах в России (обзор за 2006-2007 гг.)	63
К.э.н. И.А. Подколзина. Отказ от двойственности целей как инструмент повышения доверия к действиям центрального банка: российская денежно-кредитная политика в исследованиях европейских экономистов	76
Д.п.н. Н.К. Арбатова. Эксперты Европейского Союза о внутривнутриполитической ситуации в России в 2007 г.....	88
Д.э.н. А.В. Кузнецов. Когнитивный фактор формирования представлений о российской экономической политике в странах ЕС.....	95

Предисловие

Настоящий сборник представляет собой публикацию работ, осуществленных специалистами Центра европейских исследований ИМЭМО РАН в рамках двух грантов РГНФ (№№ 06-02-02048а и 06-02-02050а) в 2006-2008 гг. Авторы статей ставили целью провести мониторинг и отразить эволюцию представлений западноевропейских экспертов о важнейших аспектах экономической и политической жизни России на этом переходном – и, как оказалось, предкризисном – этапе ее развития.

По сравнению с 1990-ми гг. восприятие российской тематики в странах ЕС заметно изменилось. Ключевой составляющей сотрудничества России с ЕС стал бизнес – стремительно растущие товарооборот и инвестиционные связи, создающие мощный стимул для преодоления возникающих внешнеполитических противоречий (как, например, в связи с событиями 2008 г. в Грузии). Жизненно важным для обеих сторон является их энергетическое партнерство, которое именно в эти годы подверглось первым испытаниям на прочность. Растущий российский рынок обладает в глазах западноевропейских деловых кругов безусловной притягательностью, что делает их оценки перспектив взаимоотношений с Россией гораздо более позитивными, а критику российских порядков – более конструктивной, чем со стороны профессиональных политологов и экономистов. Вместе с тем в экспертном сообществе Западной Европы сохраняется и чисто исследовательский интерес к специфике проведения российских социально-экономических реформ, общий ход которых во многом определяет перспективы дальнейшего сотрудничества.

Западноевропейские эксперты достаточно остро критикуют те лакуны и препятствия в проведении реформ, наличие которых, с их точки зрения, закладывает под этот процесс мины замедленного действия: сохранение рентного характера экономики, коррумпированность госаппарата, недостаток внимания к малому бизнесу как важнейшему инструменту модернизации страны, огосударствление наиболее перспективных отраслей, отставание в области развития инфраструктуры. Много критических оценок вызывают внутривнутриполитические процессы, как и внешнеполитические действия России.

Для немецких экспертов особенно характерно восприятие экономического развития и экономической политики России сквозь призму ее внутри- и внешнеэкономической политики. В экспертном сообществе ФРГ сложился консенсус относительно того, что основной причиной, мешающей преодолеть барьеры и узкие места процесса российских реформ, является ухудшающееся в течение последних 5 лет состояние демократии и гражданского общества. В условиях растущей зависимости от мировых цен на энергоносители экономика России потенциально слабеет, а это не отвечает интересам ее европейских партнеров. Под этим углом зрения лучшей помощью России со стороны европейцев было бы содействие созданию рамочных условий для ее модернизации – своего рода «инфраструктуры сотрудничества».

Британское экспертное сообщество в эти годы обостренно реагировало на проявление ценностных расхождений в позициях и действиях обеих сторон (конфликты по поводу «ТНК-ВР», «дела Литвиненко» и др.). В этом свете дискутировался и вопрос о создании общеевропейского экономического и политического пространства: различие ценностных подходов представляет собой гораздо больший барьер для переговоров, чем понятная для всех борьба за ресурсы. Выходом может служить прагматичное признание этого факта и выработка приемлемых способов повседневного взаимодействия, тем более что в этом непосредственно заинтересована российская элита; глобализация и императивы научно-технического прогресса так или иначе будут подталкивать Россию и ЕС, и прежде всего – их деловые круги, к сближению хозяйственных структур.

Французская специализированная пресса, как и немецкая, неразрывно связывает между собой экономические и политические аспекты оценок российской действительности.

сти. Подчеркивая специфику российской политической культуры, она отмечает ее влияние на ориентацию экономической политики современной России в области энергетического взаимодействия с внешним миром («газовая дипломатия»), характер государственного регулирования («рениационализация», «государственный капитализм») и процесс централизации экономической власти. Однако попытка России реализовать таким образом собственную «управляемую модель» развития представляется большинству французских экспертов внутренне противоречивой и вряд ли совместимой с рыночными принципами хозяйствования в условиях глобализации.

Итальянская печать внимательно следила за подъемом российской экономики в 2006-2007 гг., отдавая должное ее огромному ресурсному потенциалу, позволяющему со временем занять лидирующие позиции на европейском континенте. В то же время детально анализировались уязвимые места российской производственной системы, особенно те, которые имеют непосредственное значение для итальянского бизнеса, ведущего операции на российском рынке. Высокая степень зависимости Италии от импорта российских энергоносителей заставляет аналитиков просчитывать способность России выдержать взятую на себя роль крупнейшего и надежного поставщика в условиях политико-административных, финансовых и технологических ограничений.

Отдельный интерес западноевропейских экспертов вызывает денежно-кредитная политика России. Отмечается, что попытки ЦБР одновременно достичь двух целей – сдерживания инфляционного давления и стабилизации валютного курса – противоречивы и малоэффективны в условиях свободного движения капитала и нестабильного спроса на деньги. Положение осложняют долларизация российской денежной системы и объективные трудности выбора основного направления денежно-кредитной политики в экономике переходного типа.

Внутриполитическая ситуация в России анализировалась значительной частью западноевропейских экспертов с позиций критического восприятия неготовности российской стороны принять точку зрения Запада по наиболее актуальным вопросам международной безопасности. Сложность проблемы заключается в необходимости выработки особой модели сотрудничества, принимающей во внимание существенные расхождения ценностных моделей обеих сторон (права человека, защита частной собственности, правовое государство), для чего, по-видимому, требуется время.

С этой проблемой связана активизация в России попыток формирования за рубежом, в частности в странах Западной Европы, позитивного образа нашей страны. Представляется, что использование для этого мер преимущественно пропагандистского характера малопродуктивно, учитывая, прежде всего, весьма значимый в нашем случае языковой барьер. Ошибкой было бы считать, что в ЕС проводится целенаправленная политика дискредитации России: среди европейских экспертов можно встретить совершенно различные оценки событий, происходящих в нашей стране, и проводимой властями экономической политики – иногда точно схватывающие суть процессов, в ряде случаев дающие им справедливо негативную оценку, а иногда и откровенно фальсификаторские. Необходимо считаться и с феноменом когнитивного диссонанса – трудностью принятия людьми новой информации, противоречащей устоявшимся мнениям или суждениям признанных специалистов. Средством преодолеть эти барьеры могло бы стать распространение качественных англоязычных сайтов, поддерживаемых российскими организациями различного статуса и специализации – от министерств и ведомств до независимых исследовательских структур. В процессе дискуссии, благодаря многообразию мнений и информации, это помогло бы завоевать доверие широкой аудитории и изменить бытующие ныне негативные представления о России, способствуя плодотворному развитию российско-европейского диалога.

А.В. Кузнецов

Восприятие российской экономической политики в ЕС: акцент на краткосрочных перспективах развития торгово-инвестиционных связей

Изменение восприятия экономической политики России в ЕС

В 90-е гг. в странах-членах Евросоюза публиковалось немало исследований, посвященных задачам российских реформ, специфике их реализации, получаемым результатам. Внимание к социально-экономическим преобразованиям в России со стороны ЕС было вполне понятно – европейцы опасались реставрации в России советского режима в той мере, в какой он мог угрожать политической стабильности на всем континенте, равно как и серьезных социальных потрясений в стране при неудачном ходе реформ, что неминуемо отразилось бы на самом Евросоюзе (через сворачивание взаимной торговли, массовую миграцию и т.п.). Такой подход нашел свое отражение даже в подписанном в 1994 г. и вступившем в силу через три года «Соглашении о партнерстве и сотрудничестве». И в преамбуле соглашения, и в его отдельных статьях (56, 71, 74, 79 и др.) высказывалась уверенность, что партнерство с ЕС обеспечит продолжение и завершение экономических и социальных реформ в России, в том числе путем прямой поддержки в планировании, разработке отдельных мер по осуществлению этих реформ¹.

В начале текущего десятилетия, если судить по объему публикаций, интерес экспертов из ЕС к специфике российской внутренней экономической политики заметно снизился. Во-первых, значительная часть кардинальных преобразований в России к тому моменту уже была проведена. С одной стороны, это снимало с повестки дня многие принципиальные вопросы о возможных путях реформирования, а с другой – вселяло в европейцев уверенность, что чреватый политическими потрясениями возврат в прошлое уже исключен. Во-вторых, после оздоровления экономики вследствие кризиса 1998 г., а затем формирования благоприятной мирохозяйственной конъюнктуры Россия вышла на траекторию экономического роста. Это также способствовало отходу на второй план для многих экспертов в Евросоюзе большого спектра проблем экономической политики в России. К тому же и в самой России авторитет западных советников в 2000-е гг. заметно упал, что снизило спрос на их рекомендации.

В результате детальное изучение внутренних экономических преобразований в стране осталось в центре внимания лишь нескольких исследовательских структур в ЕС, главным образом страноведческого характера. Большинство же экспертов сохранило интерес лишь к направлениям федеральной экономической политики, прямо или косвенно существенно влияющих на внутривнутриполитические преобразования в России, на изменение внешнеполитической стратегии страны или на характер ее внешнеэкономических связей. При этом косвенное воздействие интересует исследователей только в краткосрочной перспективе, когда оно явно может повлиять на характер торгово-инвестиционных связей России и ЕС в самые ближайшие годы и даже месяцы.

Хорошим примером, на наш взгляд, служит гипертрофированное внимание многих западных исследователей к укреплению позиций компаний под государственным контролем в некоторых отраслях российской экономики на фоне пренебрежения ими рассмотрения таких острых проблем, как слабое противодействие государства антиконкурентной политике крупных частных сырьевых компаний или неспособность властей предложить пути обеспечения населения доступным жильем. В качестве лишь одного

¹ Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими сообществами и их государствами-членами, с другой стороны // Дипломатический вестник. 1994. №15-16. С. 29-59.

примера приведем доклад, опубликованный в начале осени 2008 г. «под шапкой» известного брюссельского института CEPS, в котором на более чем 100 страницах рассматривается экономическая политика в России при Б.Н. Ельцине и В.В. Путине. Так, укреплению или сохранению веса государственных компаний в разных сферах экономики в докладе уделяется довольно существенное место (правда, в основном на уровне нейтральной констатации фактов). При этом провальная политика обеспечения доступности жилья рассматривается вскользь лишь в трех местах и только в более широком контексте предвыборного наращивания социальных расходов в рамках «национальных проектов» (более подробно содержание этого доклада, написанного Л.В. де Соуза – чиновником, курирующим Россию в Генеральном директорате по экономическим и финансовым вопросам Еврокомиссии, – рассмотрено в Приложении)².

Вместе с тем такой во многом поверхностный подход к анализу внутренних социально-экономических преобразований в России представляется нам закономерным. Ведь в первом случае – при укреплении государства в корпоративном секторе – прослеживается связь (пусть и не всегда прямая) с российской инвестиционной экспансией в странах Евросоюза и с вытеснением европейских инвесторов из стратегических отраслей российской экономики путем использования административного ресурса либо с помощью усиления конкуренции со стороны российских компаний. Во втором случае российские проблемы имеют в основном национальное значение: например, деформация рынка жилья в крупных городах России напрямую влияет на рынок недвижимости лишь в нескольких наименее развитых странах ЕС. Таким образом, эксперты из ЕС не учитывают лишь долгосрочных последствий, хотя они как раз оказываются очень серьезными и в перспективе могут изменить потенциал хозяйственных связей России и ЕС. Так, отсутствие в России доступного жилья искажает структуру потребления, приоритеты в инвестировании сбережений, а в долгосрочном плане оказывает крайне негативное воздействие на мобильность населения (важную для развития рынков труда) и демографическую ситуацию.

Конечно, не исключено, что разразившийся в 2008 г. экономический кризис вновь вернет интерес многочисленных экспертов из ЕС к мерам экономической и социальной политики, предпринимаемым федеральным правительством в России, ориентированным на решение внутренних проблем безотносительно к их кратко- и даже среднесрочным эффектам для внешнеэкономической и внешнеполитической сферы. Однако это будет не возврат к первому этапу – периоду реформ 90-х гг., а началом третьего этапа – восприятия России как одной из тесно интегрированных в глобальную экономику крупных стран с довольно своеобразной национальной моделью развития, которую придется изучать, чтобы понять перспективы ее развития, характер ее потенциального воздействия на другие страны.

Поскольку сейчас говорить об эффективности мер российского правительства, а уж тем более об адекватности их восприятия за рубежом, на наш взгляд, можно лишь в самых общих чертах, нами данная проблема оставляется пока вне рамок представленной работы. В качестве одного из обоснований такого решения можно процитировать, например, выступление назначенной в октябре 2008 г. новым комиссаром Еврокомиссии по торговле Кэтрин Эштон на очередном заседании Круглого стола промышленников России и ЕС, которое состоялось 13 ноября в Каннах. Она предпочла пока не обсуждать ситуацию на финансовых и сырьевых рынках, лишь отметив, что они оказывают очень

² *De Souza L.V. A Different Country: Russia's Economic Resurgence // Centre for European Policy Studies. 2008.* Правда, не исключено, что автору хочется признаться в любви к авторам проводимой в текущем десятилетии в России экономической политики, ретушируя их неудачи. Ведь не случайно эпиграфом ко всей работе стали строки «Я к Вам пишу – чего же боле? Что я могу еще сказать?» (Op. cit. P. i).

заметное влияние на российскую экономику, а российское правительство при этом всячески стремится быстро восстановить стабильность и уверенность в экономике³.

Таким образом, наше исследование оказалось сконцентрировано на анализе восприятия экономической политики России в странах ЕС в период, предшествовавший кризису 2008 г. При этом повышенное внимание уделено оценкам, связанным с возможностями осуществления в России прямых инвестиций из стран ЕС. Дело в том, что именно в этой сфере ставшее типичным замыкание европейцев на собственные интересы в анализе любых российских проблем оказывается все же весьма продуктивным, так как прямые капиталовложения – тот вид внешнеэкономических связей, который тесным образом связан с внутренней экономической и социальной политикой (как ключевыми факторами инвестиционного климата). Правда, необходимо заметить, что речь будет идти не столько о российском инвестиционном климате как таковом, сколько о его восприятии предпринимателями из Евросоюза (то есть, по сути, инвестиционном имидже России).

Бизнес как ключевая составляющая партнерства России и ЕС

Во всех выступлениях высокопоставленных чиновников из ЕС отмечают тесные экономические связи России и ЕС, стремительно растущий товарооборот, укрепляющиеся инвестиционные связи (причем за счет роста встречных потоков капиталовложений). Действительно, по данным Евростата, совокупный товарооборот России с 27 членами Евросоюза вырос с 86,5 млрд. евро в 2000 г. до более чем 233 млрд. евро в 2007 г. (за первое полугодие 2008 г. показатель увеличился еще на 1/4), При этом за текущее десятилетие заметно возросли как российский товарный экспорт в страны Евросоюза (в 2,3 раза), так и российский импорт из ЕС (в 3,9 раза)⁴. В результате Россия, наряду с США и Китаем, вошла в тройку ведущих торговых партнеров ЕС-27 среди стран за пределами данной интеграционной группировки. У самой России на ЕС приходится больше 1/2 внешнеторгового оборота. В инвестиционной сфере связи России и Евросоюза еще теснее: по накопленным прямым иностранным инвестициям в России удельный вес ЕС превышает 4/5, причем абсолютные масштабы капиталовложений в последние годы заметно выросли⁵. Одновременно на страны ЕС приходится около 40% долгосрочных зарубежных активов зарождающихся российских ТНК. При этом в странах Балтии, Болгарии, Румынии, а также Германии, Италии и Австрии российский бизнес вошел в число заметных игроков среди компаний, представляющих страны за пределами ЕС (хотя, конечно, роль российских ТНК в странах СНГ значительно выше)⁶.

Как показало очередное временное охлаждение политических отношений между Россией и ЕС, последовавшее за событиями августа 2008 г. на Кавказе, именно деловые контакты бизнесменов из России и стран Евросоюза обеспечивают мощный стимул для преодоления внешнеполитических противоречий и возобновления диалога (что и удалось достигнуть в ноябре). При этом чиновники ЕС прекрасно осознают, что за хорошей динамикой основных показателей двусторонних экономических связей нельзя не замечать вызовы их дальнейшему устойчивому развитию. Прежде всего следует отметить сохраняющиеся диспропорции в экономических связях России и ЕС, которые обусловлены преимущественно сырьевой специализацией российской экономики. Действи-

³ Ashton K. Foreign Investment, strategic industries and protectionism // Speech 08/613. Date: 13/11/2008 (<http://europa.eu>).

⁴ EU – Russia Summit. EU27 trade in goods with Russia up by a quarter in the first half of 2008 // 11 November 2008 (<http://europa.eu>).

⁵ Об этом свидетельствуют данные как Росстата, так и Евростата, хотя они используют сильно различающиеся методики подсчета (<http://www.gks.ru>; <http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

⁶ Кузнецов А.В. Инвестиции в Центральной Азии: проблемы конкуренции российских и зарубежных ТНК // Мировое развитие. Выпуск. 4. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. С. 31.

тельно, пока торговля между Россией и странами ЕС базируется преимущественно на межотраслевом, а не внутриотраслевом разделении труда, говорить о формировании единого экономического пространства с устойчиво растущим взаимным переплетением бизнеса разных стран не приходится.

В настоящее время в ЕС одной из основных проблем в сфере российских структурных реформ признается выбор адекватного пути достижения не вызывающей возражений цели диверсификации экономики России. Так, комиссар Еврокомиссии по торговле К. Эштон призвала делать ставку на трансферт технологий с помощью либерализации торговли и прямых иностранных инвестиций, заявив, что чем более стратегически важной для экономики России является отрасль, тем меньший (а отнюдь не больший) протекционизм должен в ней сохраняться⁷. Ее предшественник на посту комиссара Питер Мандельсон особо отмечал неспособность России использовать потенциал, связанный с фактором соседства с ЕС – с его огромным рынком сбыта, качественными трудовыми ресурсами, промышленным и научным потенциалом. При этом в качестве критики российской экономической политики можно признать комментарий П. Мандельсона о сохранении низкой роли малого и среднего бизнеса в российской экономике, барьеров для импорта, а также общего состояния неуверенности как характерной черты предпринимательского и политического климата в стране⁸. Тем не менее ранее, весной 2007 г., П. Мандельсон признал, что реформы 90-х гг. были огромной задачей для целого поколения, но проводились в спешке (в том числе под давлением Запада), так что сейчас неизбежно исправление каких-то ошибок. В то же время он предостерегал российские власти от самоуверенности, которая базировалась на успехах экономического роста, вызванных девальвацией рубля в 1998 г. и стремительным ростом мировых цен на углеводороды. Государству в России, по мнению комиссара Еврокомиссии по торговле, целесообразно проявлять свою силу путем укрепления правосудия и инвестирования в человеческий капитал. Кроме того, государство и частный бизнес в России должны научиться эффективно взаимодействовать в сфере НИОКР, что требует подготовки необходимых кадров, совершенствования налогового законодательства, соблюдения интеллектуальных прав собственности и т.д. При этом во внешнеэкономической сфере, на его взгляд, требуется проведение неуклонного курса на либерализацию⁹.

В июне 2008 г., накануне саммита Россия – ЕС в Ханты-Мансийске, П. Мандельсон, отметив успехи России в социальной и экономической сфере, подтвердил свою точку зрения на то, что диверсификации российской экономики, укреплению позиций малого и среднего бизнеса и в целом повышению стабильности будет способствовать экономическая интеграция России с ЕС. Он особо подчеркнул роль идущих из стран Евросоюза технологий, управленческих ноу-хау, прямых иностранных инвестиций¹⁰. По сути, в очередной раз комиссар Еврокомиссии, не углубляясь особо в анализ реальных проблем и задач российской экономической политики, продвигал идею улучшения инвестиционного климата для ТНК из стран Евросоюза в России.

Хорошо известно, что и другие высокопоставленные чиновники из Евросоюза (в том числе из отдельных стран-участниц) постоянно предпринимают попытки тем или иным образом защищать интересы европейских ТНК в России. Это вполне объяснимо, однако при этом возникает вопрос о том, что реально думают о российском инвестици-

⁷ Ashton K. Op.cit.

⁸ Mandelson P. Russia and the EU // Speech at the EU-Russia Centre. Brussels. 17 October 2007 (<http://ec.europa.eu>).

⁹ Mandelson P. Russia, its future and the WTO // Speech at the Joint Event Association of European Business (AEB) and the Russian Confederation of Business Industries (RSPP). Moscow. 27 March 2007 (<http://ec.europa.eu>).

¹⁰ Mandelson P. EU and Russia need to find 'new footing' in economic relationship // Moscow. Reference: IP/08/974. Date: 19/06/2008 (<http://europa.eu>).

онном климате сами предприниматели. Иначе говоря, в каких случаях даже политизированные конфликты на самом деле являются следствием конфликта сугубо экономических интересов, а когда реально существуют серьезные проблемы для осуществления прямых инвестиций в России всем массивом компаний-инвесторов из ЕС вследствие проведения государством определенной экономической политики.

На наш взгляд, показательным является регулярно публикуемый рейтинг благоприятности для прямых инвестиций известной консалтинговой фирмы «А.Т. Карни», который непосредственно базируется на опросах бизнесменов. В декабре 2005 г. был опубликован 8-й рейтинг, в котором Россия заняла рекордное для себя 6-е место, причем европейские инвесторы поставили ее вообще на 4-е место. Через два года, в 9-м рейтинге, Россия опустилась на 9-е место, но у европейских предпринимателей поднялась до 3-й позиции, пропустив вперед только Индию и Китай¹¹. О конкретных сильных и слабых сторонах российского инвестиционного климата более подробное представление дают аналитические материалы разных торгово-промышленных палат и прочих (чаще всего национальных) ассоциаций, объединений зарубежных инвесторов в России. При этом речь идет даже не об инвестиционном климате в чистом виде, а об инвестиционном имидже, поскольку ситуация в России описывается с точки зрения иностранных бизнесменов. Что особенно важно, основное внимание в данных материалах обычно уделяется краткосрочным изменениям инвестиционного климата России, что непосредственно связано с оценками российской внутренней социально-экономической политики.

К сожалению, многие такие публикации доступны только для членов соответствующих объединений бизнесменов и оказываются закрыты для общественности, но есть и исключения – например, доклады, публикуемые Российско-германской внешнеторговой палатой (до 2007 г. – Союзом немецкой экономики в Российской Федерации). В 2008 г. это объединение предпринимателей обнародовало новый годовой отчет за прошедший 2007 г. При этом в данном материале даются оценки не только уже предпринятых правительством шагов, но и краткие комментарии по поводу провозглашенного новым президентом Д.А. Медведевым экономического курса. В частности, отмечается, что важнейшими задачами он определил обеспечение правовой защищенности и социальные реформы¹². Отмечая важность таких мер, германские предприниматели, естественно, интересуются в первую очередь возможностями наращивания собственного сбыта в России. Особые перспективы они связывают с ростом бюджетных капиталовложений в инфраструктурные проекты (на транспорте и в связи, в коммунальном хозяйстве, а главное, в электроэнергетике) за счет ранее консолидированных средств в Стабилизационном и других государственных фондах. Отдельно в отчете Российско-германской внешнеторговой палаты отмечаются создаваемые в стране госкорпорации, поскольку они расцениваются как ограничивающие здоровую конкуренцию, нанося в долгосрочной перспективе вред экономической стабильности¹³.

В материале этой ассоциации германского бизнеса отмечается нарастание и многих других негативных тенденций в российской экономике, вызванных соответствующими мерами правительства. Среди них можно выделить общее усиление в России инфляционных рисков и медленную динамику производительности труда на фоне быстрого роста зарплат. В то же время германские предприниматели с удовлетворением отмечают, что россияне, стремясь наверстать упущенное за годы дефицита, тратят на потребительские товары значительно большую часть своего дохода, нежели немцы. Среди прочего это способствует наращиванию поставок в Россию бытовой техники, мебели

¹¹ New Concerns in an Uncertain World. The 2007 A.T. Kearney Foreign Direct Investment Confidence Index. P. 2, 32 (<http://www.atkearney.com>).

¹² Russland 2007. Dynamik, Kontinuität und Wandel / Jahresbericht der Deutsch-Russischen Auslandshandelskammer. S. 7.

¹³ Ibid. S. 9.

и других товаров из ФРГ. Иначе говоря, германский бизнес в принципе не желает замечать проблемы низкой нормы накопления, рассматривая Россию только с точки зрения получения краткосрочных выгод.

Однако, отмечая практически неисчерпаемые возможности для иностранных инвесторов, производителей, поставщиков, проектировочных и архитектурных бюро, консультантов на российском рынке, представители германских предпринимателей довольно скептически настроены к перспективам интеграции страны в общее европейское пространство. По их мнению, в России продолжается процесс модернизации, который, тем не менее, весьма далек от завершения, хотя страна идет успешно по этому пути (одновременно Россия возвращает свои позиции важного игрока на мировой политической и экономической сцене).

В целом рассмотренный документ, как и многие другие материалы такого рода, показывает, что тесные экономические связи России и ЕС на Западе не отрицаются, более того, отмечаются даже хорошие перспективы их развития. Соответственно, в охлаждении отношений с Россией в Евросоюзе мало кто заинтересован. Вместе с тем, оценки экономических реформ в стране довольно поверхностные, а по тональности сдержанные. По сути, отмечается прогресс в постсоциалистической трансформации, позволяющий говорить о снижении рисков ведения в России бизнеса компаниями из Евросоюза до приемлемого уровня, учитывая особо привлекательный экономический потенциал страны. Одновременно этот прогресс признается недостаточным для полноценной интеграции России в экономическое пространство, образуемое странами ЕС и их ближайшими партнерами.

Приложение. Пример позитивно-поверхностного взгляда в ЕС на российскую экономическую политику в период президентства В.В. Путина¹⁴

Складывается впечатление, что в последнее время в российских СМИ осознанно разогревается истерика вокруг доминирования негативных оценок российской экономической политики со стороны экспертов и политиков в ЕС. Безусловно, в странах Евросоюза (особенно в определенных политических кругах в Великобритании, ряде стран ЦВЕ) часто высказываются негативные оценки, причем далеко не всегда объективные. Однако с точки зрения формирования адекватного образа России проблема значительно глубже – в странах ЕС существует огромное количество исследователей, позитивно воспринимающих страну и происходящие в ней преобразования (что, естественно, не исключает обоснованной критики отдельных мер). Другое дело, что, к сожалению, их анализ также во многом поверхностный. Иначе говоря, вместо глубокого и по возможности объективного анализа российской экономической политики мы можем увидеть в ЕС в основном публикации с негативно-поверхностными и позитивно-поверхностными оценками. Примером последнего служит уже упоминавшаяся в основной части статьи свежая работа доктора Лусио Виньяс де Соуза.

Этот эксперт уже три года возглавляет отдел по России и Белоруссии в Генеральном директорате по экономическим и финансовым вопросам Еврокомиссии. В 2008 г. Л.В. де Соуза опубликовал весьма нетипичную для чиновников ЕС брошюру, в которой проводится анализ российской экономической политики. Возможно, сказывается национальность автора (он португалец), его опыт работы (в 90-е гг. – в Экономической комиссии ООН по Латинской Америке и Карибским странам, в 2002-2005 гг. – в знаменитом Кильском институте мировой экономики в ФРГ).

Португальский исследователь считает, что с приходом к власти В.В. Путина был заполнен вакуум в процессе реформирования, возникший в связи с укреплением оли-

¹⁴ De Souza L. V. Op. cit. P. 40 ff.

гархических структур во второй президентский срок Б.Н. Ельцина, равно как и с его ухудшившимся состоянием здоровья и другими факторами. При этом Л.В. де Соуза считает неверным трактовать социально-экономическую политику В.В. Путина как неререформаторскую. Напротив, он считает, что на основе детально разработанного плана Грефа действовал целый квартет реформаторских институтов (Минфин, МЭРТ, Центральный банк, а затем и ФСФР), причем в значительной мере эти институты были представлены единой командой чиновников – выходцев из Санкт-Петербурга. Другое дело, что часто их усилия по преобразованию российской экономики были параллельными, к тому же они вынуждены были конкурировать с так называемыми «силовиками».

Эффективность российских реформ в период президентства В.В. Путина Л.В. де Соуза предлагает оценивать не путем сравнения с постсоциалистическими странами ЦВЕ – «новыми» членами Евросоюза, поскольку они получают помощь со стороны ЕС (к тому же меньше по времени «строили социализм»), а с государствами СНГ, а также Хорватией и Македонией. Оказывается, что, например, по «индексу транзита» ЕБРР Россия демонстрирует показатели на уровне балканских стран-кандидатов на вступление в Евросоюз и превосходит средние по СНГ значения. Правда более детальное рассмотрение разных параметров приводит португальского исследователя к выводу о том, что Россия в основном преуспела в улучшении макроэкономических показателей, тогда как реформы на микроуровне буксуют. В частности, регулирование бизнеса со стороны государства (включая деятельность таможи, налоговое администрирование, да и общий уровень коррумпированности чиновников) и состояние конкурентной среды оставляют желать лучшего. Сохраняются в России и огромные структурные диспропорции.

Л.В. де Соуза указывает на то, что многие успехи в период президентства В.В. Путина определялись ростом цен на углеводороды. Он признает важность налоговых преобразований (введение плоской шкалы подоходного налога, реформу бюджетного федерализма), которые сочетались с началом проведения более взвешенной бюджетной политики в целом. Однако португальский исследователь отмечает, что по мере роста «нефтяных» доходов бюджета происходило нарастание расходных обязательств, выполнение которых ставится под угрозу при низких мировых ценах на экспортируемое из России сырье. Например, в 2006 г. баланс федерального бюджета без учета «нефтяных» доходов сводился с дефицитом – 3,8% ВВП. Предвыборные расходы в 2007 г. в еще большей мере ухудшили данный показатель.

Не оставлена без рассмотрения в работе и ситуация в денежно-кредитной и валютной сфере. Правда, феномен инфляции рассматривается в основном с монетаристских позиций, тогда как о росте издержек производителей (особенно так называемых естественных монополий) практически не говорится. При анализе банковской системы отмечается введение системы страхования вкладов населения, которой оказалось охвачено 99% депозитов. При этом основной акцент в анализе сделан на сохранении доминирующих позиций банков под государственным контролем на фоне сравнительно низкой доли финансовых учреждений с иностранным капиталом (то есть опять, вполне закономерно, во главу угла ставятся не внутренние проблемы России, а возможности экспансии европейских ТНК). Исследуя ситуацию с внешним долгом, Л.В. де Соуза справедливо указывает на сокращение государственного долга на фоне роста квазигосударственных заимствований государственных компаний, а также увеличения долгов частных системообразующих компаний. Вместе с тем анализ российского фондового рынка предложен португальским исследователем очень поверхностный, так что излишний оптимизм автора не позволил ему предвидеть последствия обвала этого рынка осенью 2008 г.

Отдельное внимание в работе Л.В. де Соуза уделено реформам в сфере регулирования прямых иностранных инвестиций. При этом он обоснованно отмечает, что да-

леко не все нововведения носят ограничивающий характер. Наряду с противоречивыми реформами в сфере энергетики (когда либерализация электроэнергетики совпала по времени с укреплением позиций государственных компаний в добыче нефти и газа) в России стартовала, например, программа развития современных свободных экономических зон.

Кроме того, Л.В. де Соуза отмечает значительный успех социальной политики в России. В частности, к концу 2007 г. безработица в стране упала до 6%, значительно сократилось число бедных (с 36% после кризиса 1998 г. до 17% в 2004 г.), немного стала расти продолжительность жизни (хотя и на фоне старения населения и его депопуляции). Отмечается также принятие нового миграционного законодательства в ответ на необходимость привлечения иностранной рабочей силы в условиях экономического роста.

В заключение Л.В. де Соуза особо подчеркивает, что по сравнению с концом 80-х гг. Россия стала принципиально другой страной. Более того, реформы в стране продолжаются, хотя наиболее актуальной задачей, с его точки зрения, для современной России является преобразование самих государственных институтов и государственной политики. Соответственно, португальский исследователь указывает на необходимость поддержки другими странами реформаторских усилий России, в том числе путем передачи ей опыта внедрения лучшей практики. Для этого России требуются «внешние якоря» – членство в «Группе восьми», вступление в ВТО, присоединение к ОЭСР, новое соглашение с ЕС, а также внедрение в экономические отношения России и ЕС формата «зона свободной торговли плюс» и секторальных соглашений.

В.П.Гутник

Германские эксперты о современной экономической политике России

Немецкие эксперты преломляют оценки экономического развития и экономической политики через призму внутри- и внешнеполитических действий российского государства. Политический фактор, наряду с коррупцией, становится важнейшим критерием оценки предпринимательского и инвестиционного климата, т. е. учитывается не только в межгосударственных отношениях, но и в стратегии отдельных компаний. Правда, нередко этот политический фактор (или, точнее, отдельные политические события – будь то отмена выборности губернаторов или военная операция в Грузии) просто усугубляет складывающуюся общую ухудшающуюся обстановку или возрастающие экономические риски и становится не причиной, а лишь акселератором принимаемых компаниями решений.

Вместе с тем аналитики, особенно выступающие в средствах массовой информации, выдвигают на первый план именно политическую составляющую. Она более понятна не только предпринимателям, но и простым гражданам, легче вписывается в контекст преподносимой информации, наконец, материалы, написанные на основе такого подхода, более «читабельны» и лучше способствуют повышению рейтинга издания, чем научный анализ статистических показателей или экономических документов правительства и Госдумы. В частных беседах журналисты ведущих немецких периодических изданий признают «некоторую односторонность» изображения происходящих в российской экономике процессов и явлений. Однако они оправдывают это не только тем, что стремятся дать читателю материал, который, по их мнению, его заинтересует, но и нехваткой квалифицированных журналистов, работающих в России и вообще в СНГ.

Один из известнейших немецких специалистов по экономике России профессор Х.-Х. Хёманн подчеркивал, что экономический рост в России стал результатом действия нескольких факторов. При этом изначально и до сих пор сравнительно малую роль играли традиционные («советские») экстенсивные факторы роста – увеличение использования рабочей силы и капитала, тогда как появились неожиданные и не вполне экономические факторы роста. Согласно Хёманну¹, экономический рост в России определялся шестью дополнительными факторами, значимость которых была различна: 1) рост цен на нефть; 2) снижение курса рубля к иностранным валютам (особенно этот фактор действовал в 1999-2003 гг., но потом его действие ослабло и сошло на нет); 3) позитивные результаты относительно рестриктивной финансовой и денежной политики, направленной на стабилизацию; 4) прогресс (хотя и недостаточный) в политике хозяйственного порядка, т. е. в формировании рыночных институтов; 5) изменения (хотя и неустойчивые) в сфере «хозяйственной культуры» – нарастание норм и правил предпринимательского поведения и государственного управления, адекватных рыночной экономике; 6) «эффект Путина» – более решительные и последовательные хозяйственно-политические меры, порождавшие оптимистические надежды на улучшение ситуации как на индивидуальном, так и на общенациональном уровне.

Образ успешно развивающейся в экономическом и социальном плане России был связан с укреплением и дальнейшим развитием 3-го, 4-го и 5-го факторов, для чего было необходимо преодолеть целый ряд барьеров и узких мест – от сопротивления чиновников реальной антибюрократической (и тем самым антикоррупционной) реформе до нехватки квалифицированной и ответственной рабочей силы, способной проявлять европейскую производительность и качество труда. В среде немецких экономистов и по-

¹ См.: Nur ein Ölboom? Bestimmungsfaktoren und Perspektiven der russischen Wirtschaftsentwicklung / Hrsg.: Höhmann H.-H., Pleines H., Schröder H.-H. – Münster: Lit, 2005. S. 19-24.

литологов после 2003 г. и вплоть до сегодняшнего дня (причем сейчас более, чем еще 2-3 года назад) выработался консенсус относительно того, что основной причиной, мешающей преодолеть эти барьеры, эти границы экономического роста, является недостаточное развитие к началу десятилетия и ухудшающееся в течение последних пяти лет состояние демократии и гражданского общества.

В результате экономическое и социальное развитие еще в большей степени стали зависеть от мировых цен на энергоносители, что беспокоит немецких специалистов не потому, что Россия становится сильнее и стремится расширять свое присутствие в мировой экономике и реализовать идею «возрождения великой державы», а потому, что потенциально Россия слабеет и при более или менее значимых изменениях цен на нефть ее экономика рухнет. Начинаясь в конце 2008 г. мировая рецессия скорее всего будет иметь для России в силу деформированного развития более негативные последствия, чем для породивших эту рецессию экономик США и некоторых западноевропейских стран. Диверсификация экономики, развитие конкуренции и среды современного малого и среднего бизнеса как обязательные условия инновационной экономики, создание условий для преодоления чрезмерного социального расслоения и разрывов в уровнях доходов, кардинальное улучшение инфраструктуры (которая наряду с коррупцией расценивается в настоящее время немецкими предпринимателями в качестве основной причины трудностей расширения бизнеса в России), совершенствование качества государственного регулирования – все эти необходимые для дальнейшего прогресса российской экономики и общества элементы возможны, по мнению позитивно настроенных к России экспертов, лишь при неуклонном и нарастающем развитии демократических институтов и институтов гражданского общества.

Попытки развести эти проблемы как задачи разноуровневые и даже невзаимосвязанные, предпринимаемые иногда с нашей стороны, не воспринимаются немецкими экспертами или понимаются как стремление выстраивать иную (не европейски ориентированную) модель развития с элементами реставрации дореволюционного порядка, соединяемых с элементами «модернизации особого рода» (российский вариант рыночной экономики с сильным переплетением государства и бизнеса, выстраиванием структур, базирующихся на крупных концернах и холдингах, использующих не только свое монопольное положение, но и административно-политический ресурс, новое геополитическое и «геоэкономическое» позиционирование и т. п.). Такое восприятие российской модели социально-экономического развития не может стать помехой для продолжения торговых и инвестиционных связей, но о более тесной кооперации и интеграционном взаимодействии говорить не приходится. Судя по реакции немецких экспертов на развитие российской экономики в 2006-2008 гг., сотрудничество может так и не перерасти в партнерство. Хотя в условиях нынешнего кризиса более тесное взаимодействие с Европейским союзом и, в частности, с Германией, может поддержать обе экономики от более глубокого обвала.

Одновременно – и даже вследствие признания динамичного развития российской экономики в последние 9 лет – нарастала озабоченность экспансией российского бизнеса с сильным государственным участием. Отсюда – неприятие последних структурных преобразований в российской экономике с усилением роли государства не только в регулировании и администрировании, но и в собственности компаний ключевых («стратегических») отраслей. Хотя эксперты (например, тот же Р.Гётц) не считают это возвратом к старой социалистической плановой системе, они считают такое развитие деформацией рынка. Очевидно, хотя бы минимальная приемлемость формирующихся структур «государственно-монополистического капитализма» могла бы быть признана при параллельном содействии развитию малого бизнеса и эффективном антимонопольном регулировании. Однако конкуренция в России рассматривается в гипертрофированном «французском варианте» (она поддерживается, если приносит большую пользу, чем

монопольные или олигополистические структуры), а не в «германском» (конкуренция – ценность сама по себе, в долгосрочном плане оптимизирующая структурные сдвиги и распределение ресурсов, а также обеспечивающая экономическую свободу). И хотя даже в самой Германии установки на приоритет свободной конкуренции и открытые рынки считаются, по меньшей мере частично, устаревшими, почти полное их отсутствие в России считается несовместимым с принципами рыночной экономики. Кроме того, в Германии (в отличие, например, от Франции или Италии) болезненно воспринимается тенденция к протекционистской политике, которая обнаруживалась с начала 2000-х гг., но особенно усилилась в конце 2008 г. в связи с угрозой огромного спада промышленного производства.

В германских СМИ уже с 2006 г. постоянно публикуются статьи о растущей экспансии крупных российских корпораций, которые зачастую действуют нерыночными методами. Анализ материалов газет «Франкфуртер альгемайне цайтунг», «Ди цайт», «Зюддойче цайтунг», имеющих в общем разную общественно-политическую ориентацию, свидетельствуют об общей озабоченности растущей мощью «Газпрома», «Роснефти» и ряда других компаний, которые могут «по указанию политического руководства» использовать «энергетическое оружие» для реализации собственных геополитических целей или предотвращения действий, противоречащих российским интересам. Вместе с тем германские СМИ активно пропагандируют идею либерализации российского энергетического рынка, с тем чтобы получить доступ к значимым месторождениям углеводородов и возможностям их транспортировки. Для аргументации используются как прогнозы газового дефицита и неспособности «Газпрома» наращивать объемы производства, так и риск «поворота сибирских газовых рек» на юг, в направлении Китая, Кореи, Японии. Хотя последняя возможность рассматривается чисто гипотетически (эксперты подчеркивают, что это технически весьма сложно, а экономически абсолютно невыгодно для российской экономики), уверенности в рациональном поведении российского партнера они не проявляют. Российские же аргументы, что наша страна никогда, даже в годы «холодной войны», не нарушала обязательств и не срывала поставки топлива в западноевропейские страны, не представляются нашим контрагентам убедительными: если чего-то не было в прошлом, то это не доказательство его невозможности в будущем, а конфликт с Украиной, ремонт прибалтийской ветки газопровода «Дружба» и т. п. лишь действуют в качестве контраргументов. Совершенно очевидно необходима разработка других форм институционализации энергетических отношений России с ЕС (и Германией), а также с транзитными странами, чтобы полностью (или максимально) исключить политическую составляющую из этого механизма – причем движение к этой цели должны предложить мы, как не менее заинтересованная в энергетической безопасности сторона.

Тем не менее, в последние 2-3 года можно зафиксировать явное снижение интереса немецких экспертов – особенно ученых-экономистов – к анализу собственно экономического развития России. Подавляющая часть работ о современной России – это политологические публикации и проекты: о характере и путях эволюции современной российской политической системы, о государственной управляемости в условиях выстроенной «вертикали власти» (и взаимосвязанном вопросе, актуальном в 2007 – начале 2008 гг., о преемственности власти), а после «мюнхенской речи» В.В. Путина в начале 2007 г. – во все возрастающей степени о внешнеполитических амбициях России, возможностях ее экспансии и внешнеполитического давления. После событий в Грузии в августе 2008 г. резко усилились обвинения (или опасения?), что внешнеполитический курс становится все более имперским и великодержавным², но лишь иногда этот сдвиг увязывался с внутриэкономическими успехами России, осознававшей себя динамично

² См. напр.: Schwarz K.-P. Von Breschnew zu Putin // FAZ. 2008, 20.Aug.

растущей экономической державой, способной войти в круг наиболее развитых стран мира.

Исключение составляет российская энергетика и российский экспорт нефти и газа, которые жизненно важны для европейских стран и их энергобезопасности. Правда, и здесь экономический анализ переплетается с созданием политических конструкций о якобы возрастающих возможностях для России использовать «энергетическое оружие» для достижения внешнеполитических целей и прежде всего – для «наказания» своих нравных соседей.

По мнению многих немецких аналитиков, вопрос энергетической безопасности Германии и всей Европы вернулся в повестку дня после российско-украинского газового конфликта в январе 2006 г. Декларированное в октябре 2000 г. «стратегическое энергетическое партнерство» стало подвергаться испытаниям на прочность³. Россия требует от ЕС помощи в процессе модернизации своего энергетического сектора, да и всей экономики, и сохранения своих геополитических интересов в Европе (главным образом имеется в виду невступление Украины в НАТО), а европейцы стремятся к открытию российского энергетического рынка (разумеется, с целью получения доступа к добыче и транспортировке нефти и газа, хотя открыто это почти не звучит) и обеспечения общего позитивного делового климата в нашей стране.

Но и сами немецкие эксперты подчеркивают недопустимость сведения сотрудничества между Россией и ЕС только к энергетической сфере. Ключевым элементом нового базового договора между Россией и Евросоюзом должны стать вопросы безопасности и политического доверия – они не должны быть подчинены проблеме обеспечения поставок топливно-энергетических товаров из России⁴.

Несмотря на преобладание в немецкой прессе негативных материалов о политическом развитии России, представители деловых кругов и предприниматели Германии в основном высказывались позитивно или, по крайней мере, с надеждами на нормальное и даже успешное развитие взаимоотношений с Россией. Весной 2007 г., когда отношения между Россией и Евросоюзом были на грани длительного замораживания и торговля и приток европейских капиталов достигали рекордных значений, один из ведущих представителей германского бизнеса, Председатель Восточного комитета германской экономики, уполномоченный правительства Германии по зарубежным инвестициям К. Мангольд заявил об особой важности России для германского бизнеса: «Эта страна находится в центре внимания германских компаний не только как рынок сбыта, охватывающий 143 миллиона потребителей, но и как одна из самых привлекательных инвестиционных зон Европы»⁵. Сотрудничество в понимании Мангольда строится на общих интересах – модернизации, диверсификации, кооперации.

Ясно, почему в этом заинтересована Россия, но в чем выгоды такой стратегии или такого комплекса интересов для Германии? Продвижение России в этом направлении резко расширит возможности как взаимовыгодной торговли, так и инвестиционного взаимодействия, проникновения германских компаний в производственное пространство России. Иными словами, сделать российский рынок своим для Германии и всего Евросоюза, что принесет огромные выгоды и европейцам и россиянам – такова линия поведения. Что же касается разделительных линий и противоречий, то их нужно не выдвигать на первый план и демонстрировать в качестве труднопреодолимых барьеров, а постепенно преодолевать согласованными совместными усилиями. В частности, это относится к вопросу о приоритете общих ценностей в конструкции стратегического партнерства. Мангольд нашел весьма разумную формулу: «...Надо, однако, исходить из того,

³ Umbach F. Asymmetrien in den EU-Russland-Beziehungen // Weltverträgliche Energiesicherheitspolitik: Jahrbuch Internationale Politik. Bd. 27 / Hrsg.: J.Braml u.a. – München: Oldenbourg, 2008. S.313 ff.

⁴ См.: Stewart S. Ein neues EU-Russland-Abkommen (SWP-Aktuell 59). Juni 2008. S.4.

⁵ Мангольд К. Наш рынок в России // Internationale Politik. 2007, март-апрель (русское издание). С.20.

что полное единство наших ценностей не может быть предварительным условием сотрудничества: эти ценности предстоит совместно вырабатывать в течение длительного процесса»⁶. Предприниматели поддерживают стратегию федерального правительства Германии – «Взаимное проникновение и интеграция».

Прагматическую точку зрения, которая в целом рассматривает сотрудничество с Россией как неизбежный императив и наиболее рациональную стратегию, представляет известный немецкий политолог Александр Пар. В многочисленных публикациях, подчеркивая существенные противоречия между Россией и ЕС и зачастую неадекватные действия с обеих сторон, он, тем не менее, однозначно выступает против нагнетания враждебности, проведения политики «сдерживания» (которую многие в европейских странах, особенно в новых членах ЕС, пытаются навязать Сообществу). В частности, он подчеркивает: «Нравится это Западу или нет, но сегодня – с экономической точки зрения – музыку заказывает Восток. Постсоветское пространство – это основной рынок будущего для ЕС. ... ЕС не сможет долго позволить себе роскошь дискутировать на тему, следует ли ему сотрудничать с Россией, которая ориентируется в своем внутреннем развитии на иную модель ценностей, или держать эту страну на расстоянии»⁷.

Против сдерживания и изолирования России выступает и экономист Р.Гётц. По его мнению, такая политика еще более будет подталкивать Россию к реализации сценария «Реставрация», тогда как сотрудничество, пусть и трудно осуществляемое, вполне будет способствовать реализации иного, альтернативного сценария «Развитие»⁸.

В целом немецкие предприниматели расценивают перспективы экономического сотрудничества гораздо позитивнее, чем политики, политологи, экономисты-исследователи и журналисты. На одном из российско-германских симпозиумов пришлось наблюдать разительный контраст между сугубо критическими и негативистскими выступлениями работников СМИ и аналитических центров из Германии и выступлением представителя Торгово-промышленных палат Германии А.Маркуса⁹. Хотя критики относительно барьеров на пути к эффективному экономическому взаимодействию им было высказано также немало, это была конструктивная критика, а главная – помогающая понять, что представляет собой предмет реальной озабоченности немецких предпринимателей в России и каким образом можно исправлять ситуацию.

В обобщенном виде позицию германского бизнеса можно выразить тезисами, близкими к тому, что заявлял в 2007 г. К.Мангольд. Российский рынок трудный, но очень выгодный. Выгоды заключаются в следующем: высокие доходы и рентабельность, обнадеживающие среднесрочные перспективы развития, достаточная ликвидность, высокая потребность российской экономики в инвестиционных товарах. Но российскому рынку присущи и серьезные недостатки: административные барьеры, недостаток специалистов, неразвитая инфраструктура (транспорт, электроснабжение, связь), растущие издержки, в том числе на заработную плату. Борьба с коррупцией в России, как полагает Маркус, безнадежная и несерьезная.

Поэтому России надо обратить максимальное внимание к структурным слабостям своей экономики, которых немало:

- коррупция;
- новые стремления к централизации;
- отсутствие контрольных механизмов (биржи и т.п.);
- предпочтение лояльности, а не компетенции;

⁶ Там же. С. 21.

⁷ Пар А. «Холодная война» – это история // Internationale Politik. 2007, март-апрель (русское издание). С.14.

⁸ Götz R. Putins Nachfolge: Rückschritt oder Fortentwicklung des politischen Systems? (Diskussionspapier FG 5 2007. 14.Oktober 2007). S. 6-8.

⁹ 1-й Российско-германский симпозиум журналистов. Москва, 12 октября 2008 г.

- отсутствие ротации элит (это связано с предыдущим пунктом), которое ведет в тупик к «брежневскому застою»; нужен приток новой крови в управление, как в центре, так и на региональном уровне;
- недооценка малых и средних предприятий, без которых многие рыночные механизмы просто перестают работать (по мнению бывшего министра экономики Германии В. Клемента, развитие малого и среднего бизнеса – это важнейший инструмент модернизации России).

Насколько же должны упасть цены на нефть, вопрошает Маркус, чтобы российское правительство вновь обратилось к структурным (институциональным) реформам?

Вместо стимулов к реформированию возникают ложные ориентиры, основанные на ряде заблуждений. Среди них, по мнению германского бизнеса и многих аналитиков, наиболее существенны следующие, относящиеся к государственной политике:

- государственное регулирование успешно управляет экономическими процессами;
- государственное планирование и государственные деньги стимулируют и даже индуцируют инновации;
- правительство может сверху регулировать процессы гражданского общества;
- если что-то осуществляется (внедряется) плохо, нужно только усилить контроль.

Но с такими подходами вряд ли реализуется программа перехода к инновационно ориентированной экономике. Собственно, немецкие и российские эксперты здесь едины: если не будет здоровых, дееспособных рыночных механизмов и принципов хозяйствования, то не будет и инноваций, которые дойдут до потребителей.

Немецкие предприниматели на 95% согласны с текущей политикой российского правительства (чего не было в 1990-е гг.), довольны налоговой политикой; хотя есть проблемы (рейдерство – одна из главных озабоченностей). Но нужно отличать анализ с точки зрения предприятия, который позитивен, и анализ макроэкономический, который более критичен. Если посмотреть вперед на 5-10 лет, отмечает Маркус, то ситуация не столь благоприятная. И одна из главных задач для решения долгосрочных проблем – развитие гражданского общества.

Законом о контроле за инвестициями в стратегические отрасли европейские (и германские) компании скорее довольны, поскольку главное – они знают с кем говорить. Система контроля стала более прозрачной и понятной. Но слишком большие изъятия отпугивают немецких предпринимателей.

Отпугивает и тенденция к огосударствлению (причем успешного или перспективного бизнеса, а не только проблемного автопрома). Венчурные компании не идут на российский рынок, поскольку как раз и опасаются, что созданные инновационные предприятия будут национализировать. Поэтому надежнее инвестировать в производство пива, спагетти или обуви – у них больше шансов остаться в частных руках – а не современной техники.

Разумеется, эффективное переплетение (или, как говорилось выше, взаимопроникновение) российской и европейских экономик было бы рационально осуществлять через кооперацию. Но две проблемы особенно сильно мешают развивать производственную кооперацию российских и германских компаний:

1. низкий уровень производственного развития в России: устаревшие оборудование и производственная инфраструктура, недостаток квалифицированных кадров и особенно – плохой менеджмент;
2. культурные различия (различные предпринимательские культуры Германии и России), которые сильно затрудняют коммуникации; решение вопросов подчиняется разным представлениям (русские партнеры не отвечают на письма, а привыкли согласовывать все по телефону или при личной встрече; немцы же считают официальные письма самым надежным способом согласований).

Таким образом, шансы на углубление сотрудничества и формирования единых хозяйственных механизмов у России с другими европейскими государствами есть. Но они реализуются, только если происходит постоянный процесс взаимной адаптации и следования эффективным правилам.

Действительно, происходит настоящее переплетение («взаимосвязывание») российской и европейской экономик. Но еще только необходимо создавать адекватную инфраструктуру сотрудничества. По мнению В.Клемента, создать для модернизации России рамочные условия – это наилучшая помощь со стороны европейцев. Для России необходимы правила, институты, правовое государство, а этому способствует вступление в ВТО, привлечение России к участию в международных организациях, чтобы прививать элементы правового государства. И европейцы должны всячески этому способствовать – немцы, во всяком случае, свою заинтересованность подчеркивают.

Возникли и новые проблемы. Проблема менеджмента, ответственности, прозрачности в глобальной финансовой системе – общая тема для всех. И к ее решению необходимо, по мнению немецких экспертов, активно привлекать Россию. Это неизбежная проблема для дискуссий после финансового кризиса.

Россия для лучшего восприятия ее контрагентами в Европейском союзе должна демонстрировать готовность к кооперации и реализации мер, которые приведут к восстановлению доверия и развитию на этой основе партнерских отношений.

Е.С. Хесин

Восприятие в Великобритании экономической и социальной политики России

Охлаждение в последнее время российско-британских отношений оказывает негативное воздействие на восприятие британскими экспертами как экономической и социальной политики России, так и характера взаимодействия между Россией и ЕС, в том числе в контексте создания общего европейского экономического пространства.

Ответственность за развертывание дипломатического конфликта между Москвой и Лондоном вокруг «дела Литвиненко», взаимной высылки дипломатов, закрытия региональных отделений Британского совета лейбористское правительство и лично премьер-министр Г.Браун возлагают на российскую сторону. Британский бизнес активно реагирует на меры российских властей, которые, по их мнению, существенно ограничивают деятельность крупнейших энергетических корпораций Великобритании – «БП» и «Шелл» – и используют поставки энергоресурсов в Европу как орудие политического давления. Значительная часть британских средств массовой информации обвиняет российское руководство в нежелании следовать базовым ценностям демократии и сползании к авторитаризму.

Более жесткая, чем в других европейских странах, критика происходящего в России, по всей видимости, объясняется тем, что в Великобритании, представляющей «идеальный тип» западной демократии, всегда болезненно воспринимается любое посягательство на ее базовые ценности, где бы оно ни наблюдалось.

Вместе с тем, как это ни парадоксально, на ухудшении репутации России в Великобритании сказываются рецидивы имперского прошлого этой страны. Так, обозреватель «Обзервер» П. Бемон отмечает, что британские публикации о России «выявили одну странную черту нашей национальной идентичности – ощущение собственной исключительности... проявление нашей уверенности в превосходстве британских ценностей, «морального кодекса», перед которым должен склониться весь мир. Подобной точки зрения придерживаются многие наши политики, журналисты и даже интеллектуалы. Ее отличают в первую очередь высокомерные двойные стандарты, а высказывается она, как правило, с видом оскорбленной добродетели, тоном людей, абсолютно уверенных в собственной правоте. Если честно, и в собственной стране мы не можем похвастаться особыми достижениями, хотя и любим читать лекции другим, если у них возникнут проблемы. Еще недавно казалось, что наша страна научилась более реалистично оценивать собственное место в мире, но в последнее время по всему политическому спектру возрождается консервативное и, по сути, высокомерное представление об особой роли Британии, якобы призванной нести человечеству добро»¹.

Опрос общественного мнения, проведенный в начале 2008 г. социологической службой «Файнэншл таймс / Харрис», выявил, что 60% респондентов видят в России скорее врага, чем друга². По оценке, содержащейся в прогнозе исследовательской организации «Экономист интеллидженс юнит», в 2008-2009 гг. плохие отношения России не только с Великобританией, но и с Западом в целом сохранятся³. (Economist.com/ Country Briefings.Russia Forecast 16.06.2008).

Следует признать, что вина за ухудшение репутации нашей страны в Великобритании лежит и на России. И дело не только в политике российских властей. Как пишет член палаты лордов британского парламента, профессор Уорвикского университета

¹ The Observer, 16.12.2006.

² Financial Times, 18.02.2008.

³ Economist.com/Country Briefings. Russia Forecast 16.06.2008.

Р. Скидельский, Кремль своим публичным поведением сам умудряется генерировать для России незаслуженно негативную прессу. В области связей с общественностью у России две большие проблемы. Во-первых, скрытность. Во-вторых, умение давать такие объяснения своим действиям, которые категорически не выдерживают испытания здравым смыслом. Два этих обстоятельства дают почву для непрекращающихся спекуляций о настоящих мотивах практически каждого российского шага. В результате Россия чуть ли не единственная страна, в отношении которой даже умные люди не отбрасывают теории заговоров как откровенно безумные. Официальные российские лица часто действуют так, будто не знают слова «дипломатия». Вина же западных СМИ в том, что они всегда приписывают русским самые худшие намерения. Активное пиар-наступление, подобное тому, которое ведет Китай, послужит целям России лучше, чем запугивание и ответная агрессия⁴.

Таков политический фон, на котором в Великобритании обсуждается экономическая и социальная политика российских властей. Оценка этой политики неоднозначна.

С одной стороны, отмечаются конкретные направления и меры экономического регулирования, которые в основных чертах совпадают с политикой, проводимой в настоящее время странами ЕС, в том числе Великобританией. Они способствуют сближению экономической политики России и стран ЕС, принципам формирования общего европейского пространства.

В сфере денежно-кредитной политики это – большое внимание, уделяемое правительством и Банком России борьбе с инфляцией. В этой связи в целом положительно оценивается создание Фонда стабильности и его преемников – Резервного фонда и Фонда национального благосостояния и использование их средств за границей. По мнению ряда британских экономистов, интересам России отвечает ужесточение денежной политики, укрепление рубля.

В области финансовой политики и налогового регулирования – сдерживание, как и в большинстве стран Евросоюза, бюджетных расходов, упрощение налоговой системы, снижение налогообложения нефтегазового сектора.

В социальной сфере – стремление, подобно многим странам ЕС, внедрить рыночные принципы в сферу социального обеспечения, попытки монетизации льгот, реформирования систем здравоохранения и пенсионного обеспечения⁵.

Во внешнеэкономической политике – желание стать членом Всемирной Торговой Организации.

С другой стороны, многие британские эксперты полагают, что в некоторых ключевых аспектах экономическая политика, проводимая в России, препятствует гармонизации условий хозяйствования в России и ЕС.

Речь, прежде всего, идет о возрастающей роли государства в жизненно важных сегментах российской экономики. Британские экономисты склонны критически оценивать эффективность создаваемых в последнее время различных государственных корпораций, высказывают опасения, что усиление вмешательства государства в предпринимательскую деятельность может затруднить сотрудничество российского и европейского бизнеса и в любом случае идет вразрез с процессами, происходящими в странах ЕС.

Действующая сегодня система распределения ренты в централизованном государстве, пишет известный экономист-международник, заместитель главного редактора «Файнэншл таймс» М. Вулф, похожа на прежние системы с той только разницей, что сейчас самым ценным активом являются природные ресурсы, а не «души», как когда-то⁶.

⁴ Ведомости, 21.12.2006, 11.01.2007.

⁵ Guardian, 26.05.2008; Chatham House, Round Table Summaries, 24.06.2008.

⁶ Financial Times, 13.02.2008.

Еще одна проблема, мешающая приспособлению российской экономики к стандартам общего европейского экономического пространства, полагают в Великобритании, состоит в том, что большую часть российской экономики контролирует маленькая группа олигархов, так что концентрация собственности в российской экономике значительно выше, чем в ЕС. В стране все еще невелико число предприятий малой и средней величины. Уровень жизни россиян также намного ниже, чем в среднем по Европе, что вызывает опасения конкуренции со стороны дешевой рабочей силы.

Среди наиболее часто упоминаемых проблем российской экономической политики, грозящих ухудшить перспективы расширения взаимодействия России с ЕС – неспособность государства уменьшить зависимость хозяйства от сырьевого сектора и диверсифицировать экономику, повысить норму накопления капитала, решить проблему нехватки рабочей силы в условиях ухудшения демографической ситуации, преодолеть тенденцию к усилению социального неравенства. Растущий потребительский и инвестиционный спрос, пишет «Экономист», не может быть удовлетворен экономикой, отягощенной коррупцией, инфраструктурой советских времен и неудовлетворительной и немобильной рабочей силой⁷. Формирование российской модели экономической и социальной политики, адекватной современной рыночной экономике, требует более гибкого трудового законодательства. Правительство должно повышать мобильность рабочей силы посредством эффективных инвестиций в инфраструктуру⁸.

Особой критике в последнее время подвергается избирательная политика российских властей по отношению к бизнесу, в частности дискриминация, по мнению английских экономистов, британского капитала, действующего в нефтегазовом секторе промышленности. Нет признаков того, что Россия в ближайшем будущем станет более безопасной для бизнеса. На данный момент инвесторы должны осознавать, что риски прочно укоренились здесь, а русские – что в конечном итоге им придется за них расплачиваться⁹. Президент России Медведев, пишет экономист Д. Вайтон, хочет превратить Москву в финансовый рынок Восточной Европы, сделав рубль его резервной валютой. Это благородная цель, но кто-то забыл сказать президенту, что на рынках должны быть участники и дверь лучше держать открытой¹⁰.

Важнейший тормоз хозяйственно-политической и институциональной трансформации в России, по мнению большинства британских экспертов – правовой нигилизм. Как отмечает обозреватель «Таймс» Б. Мэддокс, инвесторы не могут сбрасывать со счетов риск занятий бизнесом в стране, правительство которой, по-видимому, не придает большого значения принципу верховенства закона в случаях, когда этот принцип конфликтует с его интересами. Очевидно, дело в том, что Россия особенно не встревожена перспективой отпугнуть некоторых инвесторов – сколько бы новый президент ни заверял в обратном. Когда баррель нефти стоит 140 долларов, это чрезмерно укрепляет мировоззрение, которое изначально тяготело к паранойе и изоляции¹¹.

Случай с «ТНК-ВР», подчеркивается в передовой статье «Файнэншл таймс», является наглядной иллюстрацией центральной проблемы России: слабые институты власти означают, что правовые нормы применяются случайным образом и находятся в зависимости от власти и денег. Правительство поощряло вольное толкование чиновниками закона в ряде случаев, и самым вопиющим примером стало дело ЮКОСа. Нет ничего удивительного, что должностные лица столь же избирательно относятся к применению закона. Когда государственные институты притесняют иностранные компании, а частные лица избегают выполнения своих контрактных обязательств, правительства не должны

⁷ Economist, 12.07.2008.

⁸ Financial Times, 18.04.2008.

⁹ Financial Times, 6.06.2008.

¹⁰ Financial Times, 10.06.2008.

¹¹ The Times, 18.06.2008.

оставаться в стороне, оставляя акционеров наедине со своими проблемами. Некоторые компании всегда будут стремиться присвоить себе все, что плохо лежит, и в отсутствие правильно функционирующих институтов российские компании могут присвоить многое. Если государство отказывается вступить и применить силу закона, победителем станет не тот, кто прав, а тот, кто жестче и не идет на компромиссы. Этот закон джунглей означает, что партнеры являются не союзниками, а конкурирующими друг с другом хищниками¹².

Есть как минимум три резона, побуждающих Россию серьезнее относиться к принципу верховенства закона, полагает известный британский экономист Г. Рахмен. Во-первых, Россия не может себе позволить быть «экономикой одной отрасли». Российское правительство постоянно уверяет, что хочет диверсифицировать экономику, не довольствуясь одной нефтегазовой промышленностью. Но лишь энергетические компании вынуждены работать в России – для других отраслей частного бизнеса это необязательно. Вторая причина, по которой России следует считаться с верховенством закона, – ее нынешние проблемы с имиджем, выходящие далеко за рамки делового мира... российское государство все более ассоциируется с использованием законных предлогов для оправдания разбойничьего запугивания. Подобная репутация в долгосрочном контексте означает, что даже когда позиция России обоснованна, к ней будут относиться с подозрением. Но третья, самая веская причина для того, чтобы российское правительство стало серьезно относиться к верховенству закона, связана с благосостоянием российских граждан. Состоятельные западные бизнесмены в конечном итоге как-нибудь о себе позаботятся. В обстановке беззакония более всего страдают рядовые россияне¹³.

В британской экономической литературе практически отсутствуют сколько-нибудь значительные работы об общеевропейском экономическом пространстве. Новый формат сотрудничества, вопросы совместимости принципов и механизмов экономической и социальной политики рассматриваются сквозь призму общего взаимодействия хозяйств России и стран ЕС, российского и европейского бизнеса.

Особенность британского восприятия этих проблем – крайняя политизированность подхода. Характерно в этой связи высказывание заместителя редактора международного отдела «Экономист» Э. Лукаса, автора недавно вышедшей книги «Новая холодная война»: «Мы столкнулись с людьми [россиянами], которые хотят причинить нам вред, сорвать наши планы и ослабить нас. Их главное оружие – наша величайшая слабость: деньги. Раньше мы тревожились из-за огневой мощи советской военной машины, а теперь нам в той же мере следует страшиться десятков миллиардов долларов в ее сундуках»¹⁴. Как, в частности, видно из исследования Королевского института международных отношений в Лондоне «Торговая политика ЕС», посвященного отношениям между Евросоюзом и Россией, интерес смещается в сторону анализа международно-политических аспектов экономической политики нашей страны¹⁵.

Оценивая перспективы развития отношений между Россией и ЕС, профессор Университета в Глазго С. Уайт и сотрудники Лондонской школы экономики Р. Аллисон и М. Лайт подчеркивают, что России и Европе не обязательно достигать полного согласия. В книге «Россия Путина и расширенная Европа» они представили сценарии будущего развития отношений между Россией и Европой, которые можно было бы описать как «включение без членства» и которые вовсе не обязательно означают, что обе стороны разделяют ценности друг друга или имеют всегда совпадающие интересы.

На Западе, пишут они, есть два видения будущего таких отношений. Первый, «оптимистический», подразумевает углубление отношений посредством различных

¹² Financial Times, 6.06.2008.

¹³ Financial Times, 10.06.2008.

¹⁴ Lucas E. The New Cold War and How To Win It. London, 2008.

¹⁵ Chatham House. Briefing Paper, June 2008.

форм практического сотрудничества, ведущего к общему пониманию и общему набору ценностей. Расширение практического сотрудничества может привести к общему видению задач, стоящих перед «большой Европой», а затем к созданию новых институтов, в рамках которых бывший «Восток» и бывший «Запад» смогут координировать свои усилия.

Однако другие полагают, что такой сценарий вряд ли осуществим по нескольким причинам. Одна из них заключается в том, что отношения ЕС и России существенно отличаются от отношений России и НАТО. ЕС придает большую важность внутреннему развитию России – главенству закона, политическому плюрализму и рыночной экономике. Но здесь сейчас гораздо меньше взаимопонимания, чем это было в недавнем прошлом. Едва ли можно ожидать прогресса в рамках «общего пространства», пока не будет достигнут большой уровень взаимопонимания по базовым ценностям. Но российская политика, скорее всего, не будет принимать во внимание взгляды других стран – вероятнее, акцент будет сделан на «суверенную демократию». Более реалистичен сценарий, предполагающий прагматическую кооперацию на базе общих интересов, а не на базе общих ценностей. Россия продолжит партнерство с ЕС и НАТО, но как независимый центр власти. Это означает Россию, которая, как минимум в среднесрочной перспективе, останется на периферии расширившейся Европы и за пределами ее основных институтов, но будет искать новые формы практической кооперации с ней¹⁶.

Профессор Р. Скидельский подчеркивает, что нужно просто отринуть сам подход, предусматривающий обязательное вступление России в ЕС. Однако если будет достигнуто согласие в том, что Россия и ЕС создают общее экономическое и политическое пространство, тогда интеграция сможет продвинуться гораздо дальше, нежели теперь. Требуется подлинный прорыв в сознании, чтобы покончить с мнением о том, что ЕС – это единственный представитель европейских институтов. Союз – это один элемент, без сомнения, пока самый важный, в потенциально более широком государственном устройстве Европы. Например, можно говорить о своего рода «Совете Безопасности» для Европы, включающем в себя и Россию; об оборонительной организации, в которую Россия может войти, минуя ЕС или НАТО; о зоне свободной торговли; об упразднении виз и о многих других начинаниях во имя создания общего пространства.

Британские эксперты называют основные причины, которые, с их точки зрения, тормозят интеграционные процессы в отношениях между Россией и Евросоюзом. Важнейшая из них, по мнению профессора Университета в Глазго С. Уайтом и его коллег, – «глубокое расхождение в ценностях» между Россией и остальной Европой. Это означает, что бесполезно даже пытаться прийти к согласию по поводу тех принципов, на которых строится ЕС¹⁷. Им возражает журналист «Файнэншл таймс» Т.Барбер. В настоящий момент, пишет он, лидеры России вряд ли разделяют ключевые ценности ЕС – свободу, демократию и законность. Однако такая же ситуация сложилась и в других странах, важных для ЕС – включая, например, большую часть наших соседей на южном побережье Средиземного моря. И, как и в случае с этими соседями, так и в случае с Россией – нет иного выбора, кроме как пытаться улучшить отношения¹⁸.

Проблема осложняется трудностями в нахождении общего языка международных отношений, утверждает профессор Р. Скидельский: то, что россияне рассматривают как попытку взять их в кольцо, западные политики считают распространением принципов свободы, демократии и рынка. Эта разница в восприятии представляет куда больший барьер для переговоров, чем приземленная борьба за ресурсы, которая всем хорошо понятна¹⁹. ЕС представляет собой ведущий мировой союз демократических держав, ос-

¹⁶ Коммерсант, 4.12.2006.

¹⁷ Коммерсант, 4.12.2006.

¹⁸ Financial Times, 15.05.2008.

¹⁹ Ведомости, 8.05.2008.

нованный на принципах свободы и законности. Так как Россия является основным соседом и партнером, уважение Россией этих принципов служит важным фактором здорового сотрудничества. Демократическая и открытая Россия, граничащая со странами ЕС, важна как с этической, так и с экономической точки зрения²⁰.

В этих условиях перед Западом, пишет в редакционной статье «Файненшл Таймс», стоит вопрос о том, как строить отношения с Россией. Ответ в том, что с Россией следует общаться в различных сферах, но избегать компромиссов относительно ценностей Запада, особенно принципа верховенства закона. Это будет нелегко, но США и Евросоюзу следует попытаться применить ряд базовых принципов.

Во-первых, забудьте о попытках превратить Россию в демократию извне. Если в России разовьется демократия, это будет сделано в основном россиянами. Во-вторых, признайте, что Россия имеет законное право на защиту своих интересов. В-третьих, в межправительственных связях главным должно стать прагматическое политическое и экономическое сотрудничество. Россию и Запад многое объединяет, когда дело касается ключевых глобальных проблем. В энергетической сфере, где Россия является ключевым поставщиком для ЕС, отношения никогда не будут легкими, учитывая трения между основным добытчиком и его клиентами. Но некоторые сложности можно преодолеть, способствуя прозрачности и уменьшая роль политики в энергетическом сотрудничестве как в ЕС, так и в России. В-четвертых, держитесь заодно. ЕС в особенности позволяет России эксплуатировать его разобщенность, предоставляя привилегии некоторым государствам, особенно в контрактах на энергоносители, и наказывая другие. Западу легче будет иметь дело с Россией, если ЕС будет выступать единым фронтом. И, наконец, готовьтесь к разочарованиям²¹. Той же позиции придерживаются министры иностранных дел Великобритании и Франции Д. Милибэнд и Б. Кушнер, «Опыт показывает, что Россия уважает ЕС, когда мы способны занять единую позицию и действовать соответственно. И наоборот, Россия ловко использует разобщенность среди государств-членов ЕС», – говорится в их совместном письме к стране-президенту ЕС Словении²².

Критически оценивая ряд аспектов внутренней и внешней политики России, британские, как и другие западные эксперты полагают, что существуют объективные факторы – прежде всего глобализация и императивы научно-технического прогресса, которые будут подталкивать и Россию и страны Евросоюза к усилению экономического взаимодействия и в конечном итоге к сближению хозяйственных структур. « Мы более склонны считать ухудшение отношений, которое имело место в последние три года, эпизодом в длительном процессе преобразований», – пишут бывший британский посол в Москве Р. Лайл, видный в прошлом американский дипломат С. Тэлботт и бывший премьер-министр Японии К. Ватанабе²³.

Антизападные заявления, указывает обозреватель «Таймс» П. Хоскинг, и угрозы президента Путина, даже готовность Кремля вмешиваться в сделки с западными компаниями, похоже, не остудили пыл западных инвесторов. Наоборот, капитал скорее тянется к жестким руководителям – по крайней мере, к стабильности, которую они способны поддерживать. Для инвесторов Россия открывает слишком интересные возможности, чтобы их игнорировать²⁴. В свою очередь, российские интересы, отмечает Г. Рахмен, слишком тесно переплетены с западными, чтобы откровенная политика конфронтации была возможна – особенно в сферах бизнеса и торговли. В сохранении нормальных коммерческих связей с европейскими потребителями весьма заинтересовано не только

²⁰ Guardian, 26.06.2008.

²¹ Financial Times, 27.12.2007.

²² Financial Times, 15.05.2008.

²³ Lyne R., Talbott S., Watanabe K. Engaging with Russia. A Report to Trilateral Commission. Washington, Paris, Tokyo. 2006.

²⁴ Times, 27.02.2008.

российское государство. Тесные взаимоотношения между политикой и бизнесом в современной России означают, что самые могущественные люди страны часто напрямую заинтересованы лично в том, чтобы Западная Европа процветала и далее. Им нужно поддерживать деловые связи и гарантировать сохранность своих инвестиций, они имеют дома на юге Франции, а их дети учатся в британских школах. Хотя российские инвесторы могут попытаться влиять на решения компаний в соответствии с интересами Кремля, они вряд ли пойдут по пути открытой конфронтации. Покупать доли в экономике Европы, а затем сознательно провоцировать конфликт с ЕС – значит вредить самим себе²⁵. (Financial Times, 9.04.2008).

Российский частный сектор рассчитывает на то, чтобы в любой момент быть в состоянии воспользоваться конкурентными преимуществами. Это существенный фактор положительных перемен и более тесной интеграции России в мировую экономическую систему, отмечают Р. Лайл и его соавторы. Западные страны только приветствуют вхождение российских компаний и инвесторов на свои внутренние рынки, поскольку готовы конкурировать на равных условиях и по тем же правилам (членство России в ВТО должно способствовать этому процессу). Российские бизнесмены хотят, чтобы их страна выступала в «высшей лиге», и знают, что она на это способна, если только возобладает курс на модернизацию²⁶.

²⁵ Financial Times, 9.04.2008.

²⁶ www.trilateral.org/library/stacks/EngagingWithRussia.pdf.

Е.П. Островская

Отношение Франции и французов к России

Франция активно включилась в процесс вывоза производительного капитала только во второй половине 90-х гг. Однако ускоренное наращивание прямых иностранных вложений позволило ей в начале нынешнего столетия войти в первую тройку стран-экспортеров капитала. Довольно быстро наращиваются французские инвестиции и в Россию. К июлю 2008 г., по данным Роскомстата, объем накопленных вложений Франции в России почти достиг 6700 млн. долл. Эта сумма равнялась 5,5% общего объема зарубежных вложений в российскую экономику. По данному показателю Франция сейчас находится на пятом месте: ее заметно опережают такие западноевропейские страны, как Великобритания, Нидерланды, Люксембург (в частности, разрыв между французскими и голландскими инвестициями более чем втрое).

В настоящее время в России имплантированы 500 французских компаний. Объем накопленных ими в России прямых инвестиций к июлю 2008 г. составил примерно 1700 млн. долл., или около 20% от общего объема накопленных французских инвестиций. Несмотря на то, что эти вложения быстро растут, министр экономики Франции Кристин Лагард отмечает, что современный уровень совершенно недостаточен и что интерес французских инвесторов к российскому хозяйству сравнительно невысок по сравнению с их возможностями¹.

Это обстоятельство констатируют порой и французские политики. Так, в докладе Сенату сенатора И. Поццо ди Борго отмечается, что «взаимозависимость между ЕС и Россией достигла таких масштабов, что сейчас уже не существует никакой альтернативы их стратегическому партнерству... Поэтому представляется совершенно необходимым расширение сотрудничества между ними, в частности, в экономической сфере. Цель этого сотрудничества – создание единого хозяйственного пространства»².

Среди причин сравнительно невысокого интереса французских инвесторов к отечественной экономике определенную роль играет следующее обстоятельство. Французы, начав масштабный вывоз производительного капитала позднее своих зарубежных конкурентов, в течение длительного времени были в большей мере заинтересованы в освоении развитых рынков – европейского и североамериканского, – чем развивающихся, в том числе восточноевропейского (включая российский). И сегодня по темпам и объему инвестиций в Восточной Европе французские корпорации заметно отстают от, например, немецких, а также компаний некоторых малых стран (особенно нидерландских).

Необходимо также учитывать специфику концентрации французского капитала: очень небольшое число ведущих промышленных и финансовых фирм как айсберги возвышаются над остальной частью бизнеса, на порядок опережая ее по величине оборотов. Во французском списке 500 ведущих компаний первые 50 – действительно крупнейшие национальные производители, еще 70-80 представляют собой в основном филиалы зарубежных ТНК. Лишь после примерно 150-го участника этого рейтинга снова обнаруживаются национальные предприятия. Конечно, масштабы деятельности последних весьма скромны даже по европейским, не только по мировым меркам. Они тоже вывозят капитал. Но, во-первых, стали осваивать эту форму внешних связей только в самое последнее время, во-вторых, распространяют свою зарубежную деятельность главным образом на «ближнее зарубежье», каковым для них является Евросоюз (преимущественно ближайшие соседи – Германия, Италия, Бенилюкс). В настоящее время

¹ <http://www.sénat.fr/international/collrussie2006/collrussie20068html>.

² <http://www.sénat.fr/rap/r06-307/r06-3071.pdf>, p.81

подавляющая часть общего вывоза производительного капитала (70-80%) приходится на 50 ведущих фирм. Они же осуществляют прямые инвестиции в России, и многие из них (промышленные, торговые, строительные компании) уже создали или создают в нашей стране производственные мощности. К сожалению, у нас нет данных о фирменной структуре французских инвестиций в России. Но, судя по соответствующей статистике по другим странам, подавляющая часть прямых вложений на российской территории также осуществляется этими «левиафанами».

Однако на наш взгляд, те небольшие (по европейским меркам) французские компании, которые сейчас начали активно экспортировать капитал, способны довольно быстро «нарастить мускулы» за пределами страны происхождения и в обозримом будущем превратиться в достаточно солидные корпорации, в важных инвесторов. Их привлечение в Россию уже на нынешнем этапе их развития представляется весьма нужным и важным для нашей экономики.

По ряду причин, о которых будет сказано ниже, имплантация на российской хозяйственной территории является для таких компаний трудной. Однако те, кто смогли преодолеть многочисленные барьеры, видят перед собой хорошие перспективы. По словам одного из французских бизнесменов – участников вышеупомянутого франко-российского коллоквиума, «Россия – сложная страна, но здесь можно добиться заметно лучших результатов, чем во Франции»³.

Среди причин, препятствующих более активному проникновению французского бизнеса в Россию, можно выделить **внешние и внутренние**.

Внешние причины (действующие в России) общеизвестны и препятствуют расширению роста не только французских, но и других зарубежных вложений. Это бюрократизм, сложность и запутанность российского законодательства, недостаточная надежность российских партнеров. Данные обстоятельства отмечаются как исследователями, так и экономистами-практиками. «Коррупция – одна из важнейших проблем России; необходимо увеличить прозрачность экономической политики, – отмечает издающийся во Франции L'Observateur de l'OCDE. – Необходимо сократить время, уходящее на получение разрешения на ведение хозяйственной деятельности, на регистрацию владения земельными участками и прочими видами недвижимости. Законы по особым экономическим зонам и по концессиям, принятые в 2005 г., носят, несомненно, позитивный характер. Но их применение должно быть прозрачным, понятным и недискриминационным»⁴. Консалтинговая компания Eligne адресует французам, решившим создать бизнес в России, следующие рекомендации: во-первых, обязательно действовать «в связке» с местным партнером; во-вторых, тщательно проверить надежность этого партнера; в-третьих, учитывая сложность российского законодательства, стараться никогда не доводить возникающие хозяйственные споры до суда; наконец, заранее обзавестись российским адвокатом – специалистом в конкретной сфере хозяйственной практики⁵.

К внутренним причинам недостаточного интереса французского бизнеса к России относится то качество малого и среднего французского бизнеса, которое во французской экономической прессе называется «иммобилизмом». Это недостаточная, особенно по сравнению с зарубежными конкурентами, склонность к риску, стремление действовать по преимуществу в хорошо известной и «нерискованной» среде и т.п.

Но следует подчеркнуть, что более массовому приходу французского капитала в Россию в немалой мере мешает то видение нашей страны, которое формируется французскими средствами массовой информации. Их публикации создают у читателя настроенное, если не сказать, негативное **отношение к российской власти и проводи-**

³ Ibidem.

⁴ http://observateurocde.org/news/fullstory.php/aid/1763/Investir_en_Russie_html

⁵ <http://www.Eligne.com/russie>.

мой ею экономической политике. Во французском анализе экономический аспект жизни России неразрывно связан с политическим. Французы вообще смотрят на экономику прежде всего через политическую призму. Во-первых, потому что их подход определяется вековой национальной ментальной традицией, для которой характерен примат политики над экономикой. Во-вторых, потому что, по мнению ряда аналитиков, политический режим во многом обуславливает тип капитализма, формирующегося в той или иной стране.

В какой-то мере вышеупомянутое негативное отношение к России досталось «в наследство» от 2-й половины XX в. Оно традиционно было характерно для представителей правоцентристской части французской биполярной партийной системы (антисоветизм был одним из основных идеологических столпов партии, сформированной Ш. де Голлем, а затем ее разнообразных преемниц). Левоцентристы (в первую очередь социалисты) также прониклись этим отношением в начале 80-х гг. – прежде всего, «по результатам» опубликованных на Западе книг А. Солженицына, впечатлений рядовых французов от поездок в СССР и т.п. Французы, в отличие, например, от британцев и тем более немцев, получивших от перестройки прямую выгоду в виде объединения своей страны, весьма сдержанно отнеслись и к М. Горбачеву, и к его реформам. В начале 90-х гг. без всякого энтузиазма были встречены реформы Б.Н. Ельцина. С одной стороны, считалось, что Россия остается недемократической страной (такому взгляду особенно способствовали события в Чечне); с другой стороны, изменения в российской экономике не одобрялись в связи с их «излишне неолиберальным», «проамериканским» характером. (Французский электорат, особенно голосующий за левоцентристов, до сих пор весьма многочисленный, и сегодня не приемлет неолиберализма⁶, и последним правоцентристским правительствам – Ж. Ширака, а сейчас и Н. Саркози – приходится проводить мероприятия из неолиберального арсенала, не называя их таковыми).

Рассматривая российский политический режим, французские исследователи подчеркивают, что в его основе – весьма специфическая русская политическая культура, никогда не характеризовавшаяся демократической традицией. «Коммунизм – не единственная страница русской истории»; «России, возникшей на обломках СССР, всего 10 лет; было бы наивно предполагать, что за такой короткий отрезок времени ей удастся забыть свою вековую историю... Затруднения с выбором названия, возврат к двуглавному царскому орлу – одновременно возврат к «советскому» гимну, канонизация Николая II и широкий выход на арену общественной жизни Православной Церкви, с ее возросшим узким национализмом и подчинением политической власти – все это отражает растерянность страны перед ее политическим наследием»⁷. При этом подчеркивается, что в конце 90-х гг. в сознании русских произошел поворот (возврат) к советско-имперским ценностям, который был во многом спровоцирован Западом. «С 1999 г. Россия видится /Западу – Е.О./ как гигантская черная дыра, место, где отмываются грязные деньги, производится незаконный оборот всего подряд... Западу безразлична чувствительность страны, побежденной в холодной войне: восточно-европейские страны вступают в НАТО, который к тому же наносит удары по Боснии... Ослепленный отсутствием военных рисков, Запад недооценивает долгосрочный политический эффект своих действий: русские больше не верят в «общеевропейский дом», столь милый сердцу Горбачева. Этому способствует и поведение американцев на Кавказе и в Центральной Азии. Русские продолжают считать все бывшее советское пространство своим домом; у них возникает

⁶ Во французской экономической лексике такого термина не существует – употребляется слово «ультралиберализм», причем всегда с негативным оттенком.

⁷ Martin S. La Russie actuelle à la lumière de la culture politique russe. Conférence donnée au Grep-mp, année 2001-2002. www.grep-mp.org/cycles/cultures/politique-russe.htm

ощущение «враг у ворот», которое провоцирует возвращение к имперским взглядам, в частности, к евразийству, нацеленному на легитимизацию понятия «империя»⁸.

Одним из элементов империи, безусловно, является сильная власть метрополии. Возврат к «сильной власти» в политике в текущем десятилетии отмечают практически все исследователи. Причем сначала в этом явлении выделялись положительные моменты для политического, а также для экономического развития. Очень популярный французский экономист левого толка Э. Тодд отмечал в 2001 г., что усиление государства нужно для внутреннего равновесия русского общества, что оно необходимо после анархии 1990-2000 гг.; что конечно, «правительство Путина ведет в Чечне грязную войну», но зато «Россия в состоянии снова вести себя на международной арене как надежный партнер, выплачивая внешний долг»⁹.

Однако довольно скоро это мнение изменилось. В начале предыдущей легислатуры французы обратили внимание на то, что «в области внутренней политики... Путин пытается примирить либерализм с некоторыми советскими ценностями. В области внутренней политики он намерен восстановить общественный порядок, не покушаясь на свободы. Но, столкнувшись с трудностями при создании эффективной системы управления, он решил навести порядок в политике через ослабление своих различных противовесов – региональных администраций, парламента, крупных частных компаний. Волюнтаристские методы, примененные к «олигархам», наносящие удар по свободе выражения и по инвестиционному климату, отмечают отход от того либерального духа, которым были проникнуты русские реформы со времен Горбачева»¹⁰. Все эти ощущения затем продолжали усиливаться. После президентских выборов 2004 г. один из ведущих французских советологов Мари Мандра писала: «Прошедшие выборы подтвердили, что политическое пространство в России закрылось и что команда Путина больше не затрудняет себя сохранением демократических приличий». Французская исследовательница указывала, что выборы 2004 г. явились тем рубежом, за которым стал очевидным откат России от политической открытости, гласности и свобод, разделения властей, поддержки «классических» противовесов исполнительной власти. Это выражалось, по ее мнению, в ликвидации политической конкуренции, ограничении деятельности демократических движений и независимых медийных средств, в «монополизации политического пространства Путиным и его командой». «В политической сфере путинская Россия еще дальше от Европы, чем Россия ельцинская,- утверждает доцент Сорбонны (Université de Paris-IV) Франсуаза Том,- Путин взнуздывает страну методически, хотя и в неявной форме, ликвидируя все свободы, завоеванные при Горбачеве и Ельцине: Дума подчинена Кремлю, над губернаторами поставлены назначаемые Путиным представители президента, а финансовые потоки, направлявшиеся на периферию, переориентированы в центр. Те из олигархов, кто претендовал влиять на политику, были обузданы, пресса полностью контролируется, демонстрации жестко регламентированы... О разделении властей теперь нет и речи...»¹¹.

Довольно взвешенное отношение к российской внутривластной ситуации выразил Д. Давид, главный редактор журнала *Politique Étrangère*. По мнению этого специалиста, действия администрации Путина в политике и экономике неоднозначны. В политической сфере изменение способа прихода к власти губернаторов «вероятно, не представляет собой решающей лобовой атаки на демократию, хотя и достойно критики за советский душок. Власть государства восстановлена, государство становится более предсказуемым (за годы правления Ельцина сменилось пять премьер-министров, за годы правления Путина – только один... Власть еще не покушается на свободу переме-

⁸ Там же.

⁹ www.leconomiste.com/article.html?a=51736

¹⁰ La lettre du CEPII N 228. 2003. p. 109.

¹¹ Thom F. La Russie, la France et l'Europe. Commentaire N 106, 2004, p.410.

щения (особенно за границу), на свободу мысли и выражения, что крайне важно для бывших советских граждан. Телевизионные программы контролируются государством, но печатная пресса свободна – и пользуется такой свободой, и так агрессивна, что нам порой трудно это понять... Современная российская ситуация – это сочетание французского телевидения 60-х гг. и французской прессы 30-х гг.¹². Ситуация иногда совершенно отвратительная, но она не свидетельствует о возвращении к диктатуре. На которое, собственно, никто бы и не согласился: одно дело – политконформизм, другое – физическое подчинение доминирующему режиму»¹³.

Однако все же в прессе преобладают оценки, близкие к подходу Мандра. В 2005-2007 гг. оценка российского политического режима становилась все более жесткой¹⁴. Французские аналитики отмечали нарастание в России «управляемой демократии», выражавшейся, в частности, в следующем:

- «безграничность исполнительной власти», подчиненный характер по отношению к ней законодательной и судебной ветвей; коррумпированность суда и органов охраны общественного порядка;

- доминирующая роль государства по отношению к обществу. «Слабое гражданское общество – обязательное условие управляемой демократии; его слабость отражается в состоянии партийной структуры, партийного и профсоюзного движения, в контроле за масс-медиа и т.п.»;

- контроль за медийными средствами – прежде всего за телевидением, которое смотрит вся страна (как уже говорилось, отмечается, что контроль почти не распространяется на печатную прессу, но при этом оговаривается, что основная часть населения ее не читает).

Серьезное недовольство французов, считающих себя родоначальниками западной демократии, вызвал поворот в идеологии. «Над путинской Россией подули ревизионистские ветры, – писал обозреватель газеты «Фигаро», –...об осуждении коммунистического тоталитаризма уже речь не идет; напротив, в этом прошлом пытаются почерпнуть легитимность и преемственность, рискуя сохранить и его криминальные методы»¹⁵. Та же газета отмечала, что в сегодняшней России любое несогласие с действиями властей расценивается как «заговор ЦРУ», причем не только обитателями Кремля, для которых, в силу их прошлой деятельности как сотрудников спецслужб, такой подход в общем нормален, но и большинством элит и населения¹⁶. Правда, по последнему поводу мнения специалистов разошлись. Например, в посвященном России выпуске журнала *Questions internationales* читаем: «В отличие от властей, настроения элит и населения скорее прозападные, хотя существуют политические силы (они в меньшинстве), которые предлагают порвать эту связь и вступить в стратегическое партнерство с такими странами, как Индия, Китай, Иран»¹⁷.

«До чего дойдет Путин в своих попытках повернуть время вспять? Он, несомненно, пытается сконцентрировать в руках Кремля всю полноту политической власти в стране», писал еще в 2005 г. журнал *Le Point*¹⁸. Нарушение равновесия ветвей власти в пользу исполнительной ветви, по мнению французских специалистов, преследовало цель обеспечить для этой последней «и ее ближайших сподвижников возможности безнаказанного разграбления богатств страны»¹⁹. Нынешний президент, придя к власти и

¹² Французское телевидение 60-х гг. крайне жестко контролировалось государством, французская пресса левого толка первой половины 30-х гг. находилась в прямой оппозиции к властям

¹³ David D. *D'une étrange Russie*. 2005. www/ifi.org/files/securite_defense/Etrange_Russie.pdf.

¹⁴ www.rue89.com/2007.06/06/g8

¹⁵ *Le Figaro*. 02.08.2007.

¹⁶ *Le Figaro*. 26.04.2007.

¹⁷ *La Russie. Questions Internationales* N 27. Septembre-Octobre 2007.

¹⁸ *Russie : L'économie sous contrôle?* www.lepoint.fr/impression/imprime.html?did=152739&displaymatrix=false.

¹⁹ Там же.

намереваясь укреплять исполнительную ветвь, окружил себя теми, кому он доверял. Им были вручены ключевые посты в политике и экономике. Эти лица рекрутировались из двух групп: друзья и коллеги в Санкт-Петербурге и сотрудники различных силовых структур. Поздно получив доступ к власти, эти люди «желают использовать свое положение, чтобы получить свою долю богатства. В этом их главный интерес, который делает их противниками любого укрепления законности и соблюдения права частной собственности, вне зависимости от их идеологических предпочтений, даже если на других уровнях Путин и его команда признают, что все это необходимо для привлечения инвестиций (*иностраных – Е.О.*) (Там же).

Менее жестким, скорее выжидательным оказалось отношение к президенту Д. Медведеву – вплоть до августа 2008 г. Конечно, практически все сколько-нибудь влиятельные СМИ назвали его в момент избрания «ставленником Кремля» и «путинским дофином»²⁰. Очень резкий тон был характерен для масс-медиа в момент вооруженного конфликта с Грузией. Впрочем, в результате поисков решения кавказской проблемы именно с французскими властями тон СМИ изменился скорее в пользу нашего президента, вообще в пользу России. Симптоматична в этом отношении статья историка Р. Юро, опубликованная «Фигаро» 26.08.2008 г. Французский специалист призывает читателей газеты «изменить взгляд на Россию» – именно так звучит название статьи²¹. Он предлагает посмотреть на события последних 20 лет глазами россиян, переживших гибель империи, столкнувшихся – с их точки зрения – с многократным предательством Запада и т.п. «Нельзя не признавать за русскими право на самолюбие... Запад, открывший ящик Пандоры бомбардировками Сербии, не может давать никаких уроков России в отношении Грузии»²². И все же говорить о каких-то серьезных подвижках в отношении французского политического мнения к России пока не приходится.

Влияние политических взглядов напрямую отражается на оценке **ситуации в национальном хозяйстве**. При переизбрании президента в 2004 г. французская официальная точка зрения состояла в том, что «государственная политика в экономической сфере опирается на 2 столпа: реформы и открытие экономики». Такую оценку дала делегация Иностранной комиссии французского парламента (Национальной Ассамблеи), посетившая тогда Россию. Среди положительных новаций в российском хозяйстве делегация отмечала финансовую и земельную реформы, начавшееся реформирование банковского сектора, стремление добиться де бюрократизации экономики и т.п. В целом делегация подтвердила рыночный характер российской экономики и приверженность ее руководства реформам²³. Доминик Давид отмечает значительный рост российской экономики в последние годы, подчеркивая при этом, что он обеспечивался высокими ценами на энергоносители. Вместе с тем французский политолог обращает внимание на тот факт, что «Россия столкнулась с проблемой, которую до нее никому не удавалось решить: как обеспечить переход от динамичного роста, основанного на перераспределении ренты, к динамичному росту, основанному на производстве и реинвестировании? «Конечно, производству сейчас лучше. Однако незавершенность реформы правовой сферы существенно ограничивает приток иностранных вложений. За приватизацией крупных компаний 90-х гг. скрывается инерционность слабых советских предприятий, почти не затронутых изменениями, и потому нерентабельных и слабо интегрированных в реальную рыночную экономику. Несомненно, российское хозяйство чувствует себя лучше; так, годовой темп инфляции не превышает в среднем 12%. Однако все еще не создана та ткань компаний всех уровней, которая способна обеспечить экономическую стабильность... Экономика остается хрупкой: экспорт энергоносителей в больших объе-

²⁰ См. например, Les Echos 28/02/2008.

²¹ Hureau R. Changer notre regard sur la Russie. Le Figaro, 26.08.2008.

²² Там же.

²³ Assemblée Nationale. Rapport d'information N 1989. 2004. pp.21-24

мах позволяет временно расширять узкие места, но ставит страну в положение невероятной зависимости»²⁴.

Однако точка зрения других французских советологов менее оптимистическая. Мари Мандра писала в то же самое время: «Российская экономика, с ее высокой зависимостью от экспорта энергоносителей, остается рентной. А в рентной экономике либеральные реформы проводить невозможно. ... Самые насущные меры – в частности, в области административной реформы, налогов, борьбы с бедностью, зачастую остаются декларациями о намерениях. Практические меры за ними не следуют»²⁵. Еще более жесткую оценку дает автор статьи «Куда идет русская экономика», опубликованной в 2005 г. в журнале *Nouvelles lettres*. В статье, написанной по следам визита Ж.Ширака, тогда президента Франции, в Россию в связи с празднованием 60-летия победы над фашизмом, отмечается, что намерения Путина обеспечивать рыночный характер экономического развития «остаются на уровне намерений». Подчеркивается высокий темп инфляции, с которым власти не в состоянии справиться; неконтролируемый рост государственных расходов (в частности, в связи с обещаниями повысить пенсии и зарплату служащих госсектора). «Манна нефтедолларов велика. Но даже она не может перекрыть предполагаемый рост расходов бюджета на 31%. Ситуация обостряется отсутствием реальной конкуренции: большинство секторов экономики монополизированы, что усиливает давление на цены»²⁶.

В начале второго президентского срока Путина, когда было объявлено об отмене прямых выборов губернаторов, уже цитированный журнал *Le Point* высказывал предположение, что Путин может «попытаться обеспечить в экономической сфере ту же концентрацию власти, которой он добился в политической области».

Концентрация власти в экономике началась, по мнению французских обозревателей, с активизации борьбы с олигархами. Французы, не обратившие особого внимания на борьбу властей с Гусинским и Березовским, весьма болезненно отнеслись к истории с ЮКОСом и сразу стали говорить, что речь идет не о борьбе с отдельным уклоняющимся от налогов олигархом, а со всеми олигархами в целом. Тот же *Le Point* в посвященной данному вопросу статье отмечал: «Всемогущество этих крупных бизнесменов раздражает Путина. Для Кремля все средства хороши, чтобы ограничить их влияние»²⁷. Основная мысль статьи: «ЮКОС – жертва кремлевского клана, созданного из «силовики». Свержение Ходорковского, открыто пропагандирующего либеральные идеи, выражает стремление этого клана прибрать к рукам экономику». (Д. Давид считает эту причину лишь одной из многих и усматривает в борьбе с олигархами и политические, и экономические основания: «Нанося удар по ЮКОСу, Путин собирался: резко уменьшить политическое могущество олигархов, способствовавших получению Ельциным второго президентского мандата...; восстановить контроль над необходимыми инструментами государственного управления – финансовыми (налоги), политическими (госсобственность в основном экспортном секторе экономики); перераспределить ренту в пользу той части клиентелы, которая не принимала участия в первом раунде приватизаций 90-х гг. И, по ходу дела, устранить... нет, не политического соперника, а источник финансирования новой «либеральной» оппозиции»²⁸ .

Французские специалисты отмечают в России *массовую ренационализацию*. Особенно обращается внимание на этот процесс в ключевой отрасли отечественной

²⁴ D.David. Op.cit.,p.3.

²⁵ Mendras M. (CNRS/CERI. Poutine II : La fin des apparences. http://www.libres.org/franzais/nvlettre/archives/nouvelle_lettre_838.htm.)

²⁶ www.libres.org/franzais/nvlettre/archives/nouvelle_lettre_838.htm.)

²⁷ Russie : la guerre aux oligarques.

www.lepoint.fr/impression/imprime.html?did=152739&displaymatrix=false

²⁸ David D. Op.cit., p.5.

экономики – нефтегазовом секторе²⁹. Для французов, в чьей экономике этот процесс начался 20 лет назад, шел и идет болезненно и до сих пор не завершился, данная проблема весьма актуальна. Причем если в начале французских приватизаций мнение общества на сей счет было расколото, то сейчас, со сменой поколения, основная часть населения считает приватизацию правильной: подавляющее большинство французов сегодня уверены, что именно бизнес способен обеспечить успешное развитие и эффективность производства. Поэтому обратный процесс в России, где, как считают французы, ренационализация совершается исключительно в пользу пришедшей к власти команды, вызывает их неприятие. «Российская экономика находится в руках новой властной касты» – таково заглавие статьи в «Фигаро»³⁰. Автор называет имена ряда высших государственных чиновников – членов президентской команды, овладевших ключевыми отраслями и производствами (И. Сечин – «Роснефть», В. Сурков – «Транснефтепродукты», С. Приходько – «ТВЭЛ» и т.п.). Л. Мандевиль отмечает усиление роли государства, особенно в энергетической отрасли, где доля госсектора с 1999 г. по настоящее время возросла с 10 до 25% (в связи с покупкой «Сибнефти» «Газпромом», причем подчеркивается смехотворная цена этой покупки). Другие примеры – превращение того же «Газпрома» в крупнейшего акционера машиностроительной компании ОМЗ и комплекса «Атомстройэкспорт», приобретение «Рособоронэкспортом» «АвтоВАЗа». Л. Мандевиль упоминает об атаке налоговых органов на компанию «ВСМПО Ависма», ведущего мирового производителя титана, в частности, крупного поставщика «Боинга» и «Аэробуса», особо подчеркивая, что претензии налоговиков на 2 млрд. рублей совпали по времени с озвученными «Газпромом» намерениями приобрести эту компанию.

«Чтобы оправдать этот передел собственности, Кремль говорит о необходимости создания «чемпионов национальной промышленности», способных защищать интересы страны», – пишет автор статьи. (Отметим в этой связи, что термин «национальные чемпионы» почерпнут из французской хозяйственной практики, где аналогичные попытки делались в 60-70-е гг. на базе как раз государственных компаний и закончились неудачей). Однако, продолжает журналистка, «эффективность нового варианта капитализма весьма проблематична». Она приводит в пример энергетический сектор: в 1995-2000 гг., когда «нефтяные бароны стали адептами западного менеджмента», темп роста производства составил 8%. Между тем в 2005 г. – на фоне очень высокой конъюнктуры – этот показатель не превысил 2.5%, а по итогам первых 4 месяцев 2006 г. – упал до 1.7%. Соглашаясь с Л. Мандевиль в отношении приведенных цифр, другие французские эксперты пишут: «Огосударствление экономики начинает оказывать сильное отрицательное воздействие на состояние промышленного производства – оно развивается медленно, ограничивая рост предложения. Спрос, наоборот, растет, в частности вследствие увеличения денежной массы. В среднесрочный период такое развитие событий ставит под угрозу экономический рост в целом»³¹. Журнал L'Expansion подчеркивает, что в России наблюдается «усиление государственного капитализма, распространившегося от нефтяного и газового секторов на авиастроение, автомобилестроение, ядерную энергетику и банковский сектор...»³². Журнал констатирует: «К сожалению, национализации не влекут за собой реструктуризации и диверсификации: основа экономики остается очень неустойчивой». (Это опять-таки понятно французскому читателю: в результате национализаций, проведенных в 1981-1982 гг. левоцентристским правительством, ведущие компании страны прошли санаию из бюджетных средств, что существенно повысило интерес к ним национальных и зарубежных инвесторов, обеспечило их последующую приватизацию и затем – огромный рывок вперед).

²⁹ См., в частности, ряд публикаций в Les Echos.

³⁰ Mandeville L. L'économie russe aux mains de la nouvelle caste au pouvoir. Le Figaro. 07.07.2006.

³¹ Nouvelle_lettre 838, op.cit.

³² L'Expansion. 01.01.2007.

Еще более жестко оценивает происходящее в российской экономике и социальной сфере комментатор радио «Европа-1»: «В последние 5 лет в России наблюдается экономическое чудо... годовой прирост ВВП достигает 6%... Это не имеет особого отношения к экономической политике Путина... Чудо – результат двух явлений: принудительной девальвации 1998 г. и воздействия терроризма на рост нефтяных цен... Россия получает огромные выгоды от скачка цен на энергоносители. Проблема заключается в том, что она живет на эту ренту, не пользуясь ею, чтобы подготовить свое будущее. ... Российская экономика остается слишком зависимой от энергоносителей, и она очень нестабильна: высокий уровень инфляции, растущие разрывы в экономическом развитии различных регионов, большая банковская система, недостаточный уровень капиталовложений... Кроме того, экономику подрывают два кризиса: демографии и демократии... При сохранении современных показателей рождаемости и смертности, к 2050 г. население страны сократится до 100 млн.чел... При Путине государство резко усилило свою власть в экономике, со всеми вытекающими отсюда последствиями, в частности – усилением коррупции. Быть может, это попытка вернуть Империю с ее потугами на мировую державу, но русская экономика остается в очень плохом состоянии»³³. Эти оценки не изменились и в настоящее время: газета *Les Echos* цитирует в этой связи независимого российского эксперта С. Гуреева, отмечающего, что экономику России существенно ослабили масштабные и неэффективные государственные расходы», а также «отсталая финансовая система и отсутствие прозрачности в действиях Центробанка»³⁴.

Весьма проблематичным представляется французам рыночный характер российской экономики. «Настоящая рыночная экономика нуждается в правовом государстве – оно гарантирует стабильность институтов, которые нужны рынку, начиная с права собственности и обеспечения выполнения договоров. Мы не уверены, что Россия с ее мафией, с одной стороны, и с государством, которое, не колеблясь, захватывает целые сектора хозяйства, является правовым государством... Чтобы российская экономика стала по-настоящему рыночной, нужны гораздо более глубокие реформы»³⁵.

Ради справедливости следует отметить, что французские масс-медиа все же отмечают положительные изменения, происшедшие за последние годы в обществе, рост благосостояния граждан. Так, тот же журнал *L'Expansion* указывает, что всего за 4 года, с января 2002 по январь 2006 гг., объем выданных потребительских кредитов в России увеличился в 12 раз – с 3,2 до 39 млрд. долл., а объем ипотечных кредитов одного лишь Сбербанка всего лишь за год (с июня 2005 по июнь 2006 гг.) возрос на 195%.³⁶ Изменившееся к лучшему финансовое положение россиян привлекло в страну крупнейшие западные банки, в том числе французские – *BNP-Paribas* и *Société Générale* (или способствовало заметному расширению их деятельности на российском хозяйственном пространстве). Однако тут же журнал добавляет: «Банки не должны обольщаться. Большинство граждан, получающих зарплату в виде наличности, стремятся тут же конвертировать эти деньги в валюту и хранить их в чулке». Журналистов не смущает, что информация и комментарий явно противоречат друг другу.

Улучшение экономического положения россиян отмечает и такой видный эксперт, как Т. Гомар, возглавляющий подразделение «Россия-страны СНГ» во Французском институте политических исследований. Однако он считает, что это – как бы побочный результат экономической политики, преследующей цели, далекие от социальных.³⁷ Такого же мнения придерживается и специалист по российской экономике и политике Ф. Том:

³³ Israelewicz E. Lundi le 15 mai 2006, 12.09. www.fr.biz.yahoo.com/15052006/214/la-grande-russie.html

³⁴ *Les Echos* 03/05/08.

³⁵ *Nouvelle lettre* 838, op.cit.

³⁶ *L'Expansion* 01.11.2006.

³⁷ Gomart Th. Quelle place pour la Russie en Europe? *Revue du Marché commun et de l'Union européenne*, n° 510, juillet-août 2007.

«Очень часто считается, что основная цель изменений в институциональной области – экономическая реформа. Но это не так; в экономической области путинская администрация, воспользовавшись ростом нефтяных цен, сделала немного, она лишь захватила рентабельные сферы экономики – продажу алкогольных напитков, экспорт оружия, а сегодня и экспорт энергетического сырья. Цель институциональных изменений – установление того, что в России называют «вертикаль власти»: деидеологизированной версии ленинского «демократического централизма». Кремлевская олигархия мечтает соединить экономическую эффективность капитализма с политической эффективностью большевизма»³⁸.

Т. Гомар видит «соединение» двух упомянутых направлений эффективности в более широком контексте: «Россия сейчас основывает свои отношения с Западом, в частности с ЕС, на концепции «суверенной демократии». Она оценивает международные правила и нормы как покушение на свой суверенитет. Но одновременно – демонстрирует политическую волю к интеграции в мировую экономику, что заставляет ее принять всю систему международных правил. Москва видит возможность решить эту задачу через усиление своего политического влияния, что позволит ей оказывать воздействие на разработку международных правил»³⁹.

Таким образом, по мнению французских обозревателей, укрепление российской экономики способствует достижению политических целей руководства (которые, в свою очередь, связаны с реализацией внешнеэкономических целей). «С 1999 г. Россия развивается очень быстро, и сейчас, накануне выборов 2008 г., она стала гораздо более мощной – то есть способной гораздо сильнее давить на свое окружение... Однако по современным меркам российские экономику, науку и технологию нельзя признать сильными... Как представляется, власть пытается компенсировать эту слабость, выдвигая вперед военно-политическую составляющую своей внешней политики»⁴⁰. К этому традиционному для России (еще в бытность ее СССР) подходу сейчас добавляется попытка оказывать давление на Запад через свое положение энергетической сверхдержавы. «Путин, который все не может утешиться из-за развала СССР, хочет вернуть России статус сверхдержавы. Для этого он использует энергосырье... Вчера Россия была военной сверхдержавой, отныне становится сверхдержавой энергетической»⁴¹.

«Мы нуждаемся в России», – отмечал Д. Давид. – В России политически предсказуемой, экономически стабильной, в ее энергетических ресурсах, в сотрудничестве с ней в целях обеспечения безопасности... Партнерство ЕС с Россией должно носить *стратегический* характер»⁴². Ф. Том настроена менее благожелательно: «С момента распада СССР Москва использовала энергетическое оружие, чтобы заставить государства «ближнего зарубежья» отказаться от существенных элементов их независимости. Перспектива расширения ЕС катализировала усилия России по захвату энергоструктур /будущих/ стран-членов. Наиболее активно действуют в этой сфере «Лукойл» и «Газпром». В странах Восточной Европы гигантские русские компании систематически приобретают нефтеперерабатывающие заводы, распределительные сети, нефтепроводы, транспортную инфраструктуру. В этом контексте становится понятно, почему Россия упорно не желает считать любую переброску энергоносителей в пределах территории ЕС внутренней перевозкой (как настаивает ЕС), а не транзитом: ведь это лишило бы ее мощного инструмента давления на восточно-европейские экономики, связанные с ней

³⁸ <http://www.diploweb.com/forum/thom2>.

³⁹ Revue du Marché Commun et de l'Union économique. N 510, juillet-août, 2007. p. 423.

⁴⁰ <http://www.diploweb.com/forum/verluise>.

⁴¹ L'Express. 25.01.07.

⁴² David D. Op.cit., p.9.

двусторонними соглашениями. Это одна из причин, по которой Россия отказывается ратифицировать европейскую Энергетическую хартию»⁴³.

Во время встречи с В. Путиным в Финляндии главы европейских государств «разрывались между собственным желанием расширять сотрудничество с этим «стратегическим партнером» и обеспокоенностью развитием авторитарности Кремля... В последнее время Россия, постоянно заявляя во весь голос о своем статусе великой державы, шлет тем самым сигналы, которые беспокоят европейцев. Возвращаются под государственный контроль огромные энергоресурсы – и одновременно ставится под сомнение участие западных компаний в ряде крупных газовых проектов... Россия без всяких колебаний выкручивает руки некоторым своим соседям, решившим вступить в НАТО или проводить прозападный курс – вспомним о российско-украинском газовом кризисе и о российской блокаде Грузии», – отмечалось в статье, представленной 20.10.2006 г. в новостном разделе интернет-сайта Yahoo.France⁴⁴. «Мы уже поняли, что Россия намеревается использовать энергию как инструмент давления в своих отношениях с «ближним зарубежьем»... Не следует быть наивным и полагать, что Кремль запретит себе использование того же инструмента в отношении стран-членов ЕС»⁴⁵.

Однако по этому поводу есть и более трезвые мнения. Так, уже упоминавшийся выше сенатор Э. де Монтескью считает: «Россию неоднократно укоряли за некорректное поведение в ходе двух газовых кризисов – русско-украинского и русско-белорусского. Однако что удивительного в том, что Россия стремится продавать свой газ этим странам по рыночным ценам? И не противоречива ли наша позиция? Ведь ЕС требует от России как раз руководствоваться в своем поведении законами рынка»⁴⁶.

В принципе тема *энергоснабжения* не такая болезненная для Франции, как, например, для Германии. Дело в том, что Франция с ее более чем 40% доли атомной энергии и всего 14% доли газа в энергобалансе ощущает зависимость от России в несколько меньшей мере, чем другие страны европейского континента. Если в среднем по ЕС доля российского газа в общем потреблении этого энергоносителя составляет 28,3%, то для Франции она равна 26,8%⁴⁷. Однако у Франции также существует дефицит в торговле с Россией, который постоянно увеличивается. Как импортер энергоносителей и как член Евросоюза, Франция также высказывает свою обеспокоенность поведением России на этом рынке. «Все указывает на то, что Россия пытается создать условия для увеличения своей мощи. Она проводит стратегию блокировки европейского рынка – это выразилось в целой серии мер, принятых «Газпромом» в последние 5 лет. Упомянем усиление монополии на транспортировку, экспорт и (во все большей мере) на производство газа; долгосрочное соглашение с Туркменистаном; строительство газопроводов через Черное и Балтийское моря; соглашение с Турцией, отчетливо свидетельствующее о стремлении к контролю над будущим газопроводом Набукко; наконец, недавнее соглашение с Алжиром, которое явно говорит о создании вредящего конкуренции картеля между двумя основными французскими поставщиками газа», – с тревогой пишет журналист П. Ноэль в газете «Либерасьон»⁴⁸. «Мечты «Газпрома» о господстве смущают европейцев, особенно с тех пор, как эта компания активизировалась на западном рынке распределения газа. Ее стремление к овладению всей цепочкой, от добычи до распределения, не может не беспокоить. Кроме того, раздражает противоречие: на Западе русские выступают

⁴³ <http://www.diploweb.com/thom2>.

⁴⁴ Les 25 tentent un difficile exercice d'équilibre face à Poutine en Finlande.. fr.news.yahoo.com/20102006/202/les-25-tentent-un-difficile-exercice-d-equilibr...

⁴⁵ Le Monde 18/06/2007.

⁴⁶ <http://www.sénat.fr/rap/r06-307/r06-3071.pdf>, p.83.

⁴⁷ P. Verluise. Comment l'UE arme la Russie. Novembre 2006. www.diploweb.com

⁴⁸ La Libération 12.10.2006.

большими приверженцами «рынка», а у себя дома рыночные принципы применять не спешат»⁴⁹.

Все это вызывает озабоченность руководства ЕС и его попытки препятствовать решению важных для России вопросов (визовый режим при поездках российских граждан в страны ЕС, распространение соглашения о партнерстве между Россией и ЕС на 10 новых членов ЕС, предоставление русскому языку статуса государственного языка в странах Балтии, разукрупнение «Газпрома» и т.п.). Что касается непосредственно **Франции**, отношения между двумя нашими странами характеризуются постоянно повторяющимся парадоксом. Франция, пишет Ф. Том, «считает Россию важным внешнеполитическим партнером, но никогда не пытается ее понять и знать на самом деле, что в России происходит. Это объясняется тем, что Россия делает вид, что предлагает Франции то, чего та добивается – дружбу «против кого-нибудь»: традиционно против Германии, а со времен де Голля – против США. Поэтому французская дипломатия хочет от России только одного – стабильного режима, способного справиться со страной, от которой исходит смутная угроза анархии»⁵⁰. Этот подход типичен и для администрации Н. Саркози. Недоверие к экономике и политике России обусловило недостаточный приток французских инвестиций в нашу страну и их стагнацию (отток, если речь идет о «горячих деньгах») в условиях финансового кризиса.

⁴⁹ Le Monde 5/12/2006.

⁵⁰ <http://www.diploweb/fthom2>.

М.В.Клинова

Французские исследователи об укреплении позиций государства в экономике России

Приведенная в заголовке статьи ключевая характеристика экономики была отмечена в аналитическом обзоре, посвященном особенностям развития России после кризиса 1998 г. вплоть до первой половины второго президентского мандата В. Путина (2005 г.).¹ В период, очерченный рамками той работы, французские исследователи с интересом и одобрением следили за реформами в нашей стране, давая им, в целом, положительную оценку. Правда, Ж. Радвани и Ж. Вильд предостерегали от опасности перехода страны на путь, сочетающий авторитаризм, централизм, национализм с приостановкой действия некоторых демократических завоеваний.² Французский политолог Ж. Соколофф находит отражение того факта, что «государственничество побеждает прежний либерализм», в крепнущем «экономическом национализме» – начиная от создания российских компаний-«чемпионов» и кончая закрытием стратегических секторов для иностранных инвесторов.³

В целом, подход французских исследователей отмечен двойственностью: поддержка, в определенной мере, экономической активности государства сочетается с опасениями перегибов, чрезмерности его воздействия на хозяйственную деятельность.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПЕЙЗАЖ РОССИИ (2000-2008)

Французские аналитики пишут о дальнейшем усилении роли государства как основном векторе развития страны, где оно со времён СССР занимает «колоссальное» место в экономике и политике.⁴ Государство в России вновь стало ключевым игроком на экономической сцене. Согласно приведённым на страницах *Le Monde* данным, его доля в ВВП страны выросла с 20% в 2004 г. до 30% в 2006 г.⁵

С провозглашением лозунга диверсификации и сохранения свободы действий в отраслях обрабатывающей промышленности усилен госконтроль над сырьевыми ресурсами, особенно углеводородами. Об этом как об одной из приоритетных задач руководства России, пишет Ж. Радвани. Хотя часть операций в сырьевом секторе и привела к ре-национализации некоторых компаний, в целом «не создаётся впечатления, что Кремль стремится вновь к огосударствлению всех ведущих отраслей». Проводимая политика создания и поддержки на внешних рынках «национальных чемпионов», способных на равных конкурировать с иностранными ТНК, касается как государственных, так и частных компаний (при условии, что они соблюдают установленные Кремлём правила игры).⁶

Государство стало основным акционером «Газпрома», созданного на базе советского газового министерства, контролирующего 87% производства газа в стране. Тем самым государство положило конец конкуренции на внешних рынках между российскими поставщиками. Стремление «сохранить контроль над своим газом» встречено с понима-

¹ Клинова М.В. Российский путь к современному рынку: взгляд из Франции // МЭ и МО. 2007. № 4. С. 107-118.

² Radvanyi J., Wild G. La Russie entre deux mondes. P.: La documentation fr., 2005. P. 6.

³ Sokoloff G. Quand le Kremlin réinvente la Russie / Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies (RAMSES). Sous la dir. de Th. de Montbrial Ph. Moreau Defarges / IFRI. P.: Dunod, 2007. P. 123.

⁴ Capdevielle C. L'intelligence économique en Russie // Regard sur l'Est. P., le 11.04.2007 (http://www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=731)

⁵ См.: Pflimlin E. L'économie selon Vladimir Poutine: du capitalisme sauvage au "capitalisme d'Etat". Le Monde. 29.11.2007 (<http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-979077,0.html>).

⁶ Radvanyi J. La nouvelle Russie. 4e éd. P.: Armand Colin, 2008. P. 102-103.

нием французскими экономистами, полагающими иллюзорной идею распространения на Россию норм единого европейского рынка. «Россия не собирается ратифицировать эту Хартию (Энергетическую. – *Авт.*). Контроль над газопроводами является стратегически важным для российского государства».⁷ Власти также владеют производством 85% электроэнергии.⁸ Они консолидировали авиастроительную, атомную отрасли, создав госкорпорации. Укрепилось присутствие государства в автомобилестроении, добыче и обработке алмазов, титана и т.д.

Централизация власти способствовала достижению политической стабильности, но не де бюрократизации и улучшению государственного управления, отмечает Т. Эзюню, эксперт из *BNP Paribas*.⁹ Правда, что касается бизнеса, тут отмечается иная картина. В последние два-три докризисных (2008) года сюда привлекались западные менеджеры высшего звена, новые технологии. Их позитивное влияние на повышение рентабельности компаний отмечает К. Тирамани, ведущий эксперт по России инвестиционной компании *Parvest BRIC* (со штаб-квартирой в Люксембурге) и фонда *BNP Paribas*.¹⁰

Можно выделить два сегмента зарубежных специалистов, представляющих, соответственно, научную и деловую среду, подходы которых к оценке российской экономики в 2000-е гг. различаются. Для научной среды характерно стремление вникнуть в суть происходящих изменений и попытаться определить перспективы хозяйственного (и не только) развития страны. Что касается экспертов, близких к правящей элите и бизнесу, то до кризиса они, в основном, констатировали стабильность политической обстановки и подъём экономики в России, вследствие благоприятной конъюнктуры мирового хозяйства, связанной с высокими ценами на энергоносители. Прагматичный взгляд на российскую экономику возобладал с приходом к власти во Франции президента Н. Саркози. Данный подход не предусматривает всестороннего анализа процессов, происходящих в российской экономике, а определяется направленностью на развитие сотрудничества в инвестиционной сфере с целью достижения прибыли в условиях положительной динамики рынков. Во Франции этот новый «экономический патриотизм» подразумевает развитие хозяйственных связей с перспективными зарубежными партнёрами, в том числе с Россией. Под влиянием этих целей тон ряда французских публикаций приобретает априорно-благостный оттенок.

Аналитики, представляющие научную среду, отмечают две основные черты второго срока президентства В. Путина: дальнейшее усиление роли государства и замедление после 2004 г. структурных реформ.¹¹ По мнению Ж. Вильда, один риск – голландская болезнь – несколько отодвинулся; второй – замедление структурных реформ – со-

⁷ Ferron A. UE-Russie: des intérêts différents à clarifier pour négocier // *Confrontations Europe*. 2008. No 84. Oct.-Déc. P. 32.

⁸ Из общей тенденции выделяется приватизация в ходе структурной реформы конкурентных видов деятельности (генерация, сбыт, обслуживание) ПАО ЕЭС, которую французы называют российским аналогом их государственной компании *EDF* (но без АЭС и ГЭС). Среди иностранных приобретателей активов ПАО ЕЭС (итальянский концерн *ENEL* с участием госкапитала, немецкие *E.ON*, *RWE*, финский полугосударственный *Fortum*) нет французских *EDF* и *GDF*. *Figaro* оценила этот факт как «упущенную возможность» французских инвесторов закрепиться на российском электроэнергетическом рынке. – *Nodé-Langlois F.* L'«EDF russe» démantelé et privatisé (<http://www.lefigaro.fr/societes-etrangeres/2008/07/01/04011-20080701ARTFIG00221-l-edf-russe-demantele-et-privatise-.php>).

⁹ *Esanu T.* Russie: perspectives macroéconomiques très favorables d'ici aux élections de 2007-2008 // *Ecoweek*. BFI Direction des Etudes Economiques. Economies OCDE. BNP Parisbas. 18 sept. 2006. P. 10 ([http://economics-research.bnpparibas.com/applis/www/RechEco.nsf/EcoWeekByDateFR/88BCDFF8D48F42E7C12571ED005EF9E7/\\$File/EcoWeek_06-34-FR.pdf?OpenElement](http://economics-research.bnpparibas.com/applis/www/RechEco.nsf/EcoWeekByDateFR/88BCDFF8D48F42E7C12571ED005EF9E7/$File/EcoWeek_06-34-FR.pdf?OpenElement)).

¹⁰ См.: *Tiramani C.* Un tournant s'opère en Russie (<http://www.lefigaro.fr/sicav/2007/12/07/04006-20071207ARTFIG00512-un-tournant-sopere-en-russie.php>)

¹¹ См. *Benaroya F.* Un miracle économique...jusqu'à quand? / *Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies (RAMSES)*, IFRI. P., 2007. P. 140.

храняется; третий – вмешательство государственной власти в экономику – набирает силу.¹² С начала нынешнего столетия благоприятная экономическая конъюнктура, сопровождавшая оба президентских срока Путина, «маскировала» потребность в реформах.¹³ Именно с этим фактором французские эксперты резонно связывают высокие темпы прироста ВВП и, одновременно, отмечают отсутствие выраженных признаков поворота страны к модернизации.

Объективные данные свидетельствуют о сравнительно быстром росте российской экономики в исследуемый период, до мая 2008 г. Свидетельство тому – темпы прироста ВВП (абсолютный размер которого, однако, едва превысил уровень 1990 г., а объем выпуска продукции обрабатывающей промышленности составил около 60% уровня 1990 г.), приток иностранных инвестиций, значительный вывоз капитала за рубеж.

Член Академии гуманитарных и политических наук, основатель и директор Французского института международных отношений (IFRI) Т. де Монбриаль подтверждает «возвращение России» на мировую арену в качестве ведущего игрока, имея в виду, в том числе, сферу экономики, которая «возрождается из советского пепла».¹⁴ Депрессия 1990-х сменилась восстановлением. После дефолта 1998 г. приток иностранной валюты способствовал укреплению финансового положения страны и оздоровлению госфинансов. Госбюджет был стабильно профицитен (8,4% ВВП в 2006 г., 5,8% в 2007 г. и до 10% перед кризисом 2008 г.). Особое внимание обращается на сохранение профицита, невзирая на рост госрасходов.¹⁵ За пять лет (к началу 2007 г.) они удвоились – на образование, утроились – на здравоохранение.¹⁶ Тем не менее, их доли в ВВП заметно ниже, чем в передовых странах.

По оценкам МВФ, с 2000 г. ВВП России увеличился почти в пять раз – с 260 до 1.223 млрд. долл. На начало 2007 г. он достиг уровня 1990 г. Ростом доходов государственного бюджета обязан, главным образом, значительному увеличению поступлений от экспортных пошлин на нефть (четверть консолидированного бюджета в 2006 г.). Западные наблюдатели добавляют к этому успехи в черной металлургии, пищевой промышленности, производстве алюминия и вооружений, а также резкий рост потребления домашних хозяйств. Правда, отмечено, что укрепление рубля снизило конкурентоспособность отраслей обрабатывающей промышленности, на которые в 2007 г. пришлось лишь 19% вновь созданной стоимости.

Возник новый тренд, который выделила А. Дорбек (Университет *Paris X Nanterre*), эксперт *BNP Paribas*: Россия превратилась в привлекательный объект капиталовложений с рекордным 20%-м темпом их прироста в 2007 г. (13,7% – в 2006 г.).¹⁷ Иностранные инвесторы «орудовали локтями», чтобы проникнуть на растущий российский рынок.¹⁸

¹² См.: Wild G. *Russie: continuités...changements...* / *L'économie mondiale* (CEPII). 2008. P., 2007. P. 49.

¹³ См. например: Capdevielle C. *L'intelligence économique en Russie*. Ibidem.

Benaroya F. *Un miracle économique...jusqu'à quand?* Ibidem.

Fontanel J., Fontanel Th. *L'économie russe face à la question de l'économie souterraine / L'économie souterraine. L'exemple de la Russie*. Sous la dir. de J. Fontanel, L. Bensahel. P., 2006. P. 97.

¹⁴ *Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies*. Sous la direction de Th. de Montbriall et Ph. Moreau Defarges / IFRI. P., 2007. P. 9, 17.

¹⁵ Wild G. Op. cit. P. 49. Dorbec A. *Russia: The government launches a massive investment policy* // *Eco-week*. BFI Direction des Études Économiques. Économies OCDE. BNP Parisbas. 7 March 2008. P. 5 (<http://economy-research.bnpparibas.com/applis/www/RechEco.nsf/navigation/FrameMainInter?OpenDocument&Lang=EN&Mode=30>).

¹⁶ Chauvier J.-M. *La "nouvelle Russie" de Vladimir Poutine* // *Monde diplomatique*. P., 2007. Févr. (<http://www.monde-diplomatique.fr/2007/02/CHAUVIER/14403>).

¹⁷ Dorbec A. Op. cit. P. 10, 6.

¹⁸ См.: *Économie: La Russie, un envol économique qui ne doit pas tout au pétrole* (<http://www.yenoo.be/news+article.storyid+2762.htm>).

Оптимистично оценив, по крайней мере, в среднесрочной перспективе, развитие экономики России, К. Тирамани отмечает обострение конкуренции за выгодное вложение капиталов в сферы, которые в будущем должны стать ключевыми. На всё больший разворот Евросоюза в сторону России указывает и Л. Мон, экономист компании *Eurostaf* (позиционирующей себя среди лидеров французского рынка отраслевых исследований), специалист по энергетике, в том числе по европейскому рынку природного газа.¹⁹

Ряд исследователей связывает положительные перемены с улучшением законодательства, защищающего права зарубежных партнёров в совместных предприятиях.²⁰ Они подчёркивают признаки установления «нового климата доверия», которые проявляются в том, что чистый приток капиталов в частный сектор в 2006 г. составил 40 млрд. долл. против 1 млрд. в 2005 г. Из них 29 млрд. – прямые иностранные инвестиции (ПИИ).²¹ В относительном выражении поступившие в 2006 г. ПИИ достигли 3% ВВП.²² Тем не менее, по их притоку Россия в означенный период, хотя и сопоставима с Венгрией, но вдвое уступала Польше. В денежном выражении общий объём ПИИ составил 2% ВВП – по сравнению с 50% в Чехии и 25% ВВП в Польше. Согласно данным ЮНКТАД, Россия по объёмам привлечённых ПИИ лишь на 14-м месте в мире.²³

Состояние хозяйственных связей с нашей страной не удовлетворяет французские деловые круги. Несмотря на то, что товарооборот (16,27 млрд. долл. в 2007 г.) за последние четыре года утроился,²⁴ на Францию приходится лишь около 4% российской внешней торговли. Франция всего лишь восьмой партнёр РФ по поставкам товаров и услуг. Такие данные приводит госсекретарь Франции по вопросам торговли, услуг, малого и среднего бизнеса, туризма Э. Новелли.²⁵

При росте ПИИ в экономику России французские инвесторы были отнюдь не в первых рядах. По притоку и накопленным ПИИ – соответственно на пятом и восьмом месте. В 2006 г. капиталовложения из Франции составили лишь 3,7 млрд. долл., несмотря на то, что экспортом в Россию занято свыше 3700 французских малых и средних предприятий (МСП). В первом полугодии 2007 г. дефицит торгового баланса с Россией достиг порядка 35,5%. В то же время импорт из России снизился на 9,6% – (4,9 млрд. евро), а экспорт «подскочил» на 34% (2,7 млрд. евро), согласно данным французской Таможенной службы.²⁶ Для изменения ситуации, развития сотрудничества в посольстве Франции открыто представительство Французского агентства по международным инвестициям (*AFII*).

Часть экспертов, в частности, Т. Эзаню, фиксировали в России в 2000-х гг. весьма радужную картину: экономика растёт, казна пополняется, большая часть суверенного внешнего долга выплачена. При этом во внимание не принимался рост внешних заимствований корпоративного сектора – со 189 млрд. долл. (20% ВВП) в 2006 г. до 430 млрд. долл. (33% ВВП) – в 2007,²⁷ что стало потенциальной угрозой финансовой устойчивости и госбюджету страны. Другие аналитики, как А. Дорбек, указывали на превращение российского банковского сектора из кредитора величиной 4% ВВП (2000-2002 гг.) в чистого должника с 69 млрд. долл., или 6% ВВП (2007 г.). Примерно тогда же совокупная внеш-

¹⁹ *Mons L.* Les enjeux de l'énergie: Pétrole, nucléaire, et après? P.: Larousse, 2006. P. 60.

²⁰ *Fontanel J., Fontanel Th.* Op. cit. P. 94.

²¹ *L'économie mondiale 2008.* P.: La Découverte, 2007. P. 49.

²² *Benaroya F.* Ibidem.

²³ Франция в России. Париж, 2006. С. 138.

²⁴ *Nodé-Langlois F.* Le premier ministre Poutine en «visite présidentielle» à Paris

(<http://www.lefigaro.fr/international/2008/05/29/01003-20080529ARTFIG00006-le-premier-ministre-poutine-en-visite-presidentielle-a-paris.php>).

²⁵ http://www.minefe.gouv.fr/discours-presse/discours-communiques_finances.php?type=communiqu&id=1003&rub=1

²⁶ *Maintien des investissements étrangers // Moniteur du commerce intern. (MOCI).* P., 2007. No 1804. P. 12.

²⁷ См. *Esanu T.* Op. cit. P. 9.

няя задолженность страны составила 36% ВВП.²⁸ Э. Пфлимлен, выпускник престижного Института политических исследований (*Sciences Po*, Париж), внук известного политика времён IV и V-й Республик и сын крупного финансиста, подчёркивал, что обеспечение за счет кредитов 1300 банков России лишь 9,3% инвестиций (2006 г.) недостаточно для реального сектора экономики, которой предстоит модернизация.²⁹ Недальновидность и даже опасность роста финансовой задолженности, о чём предупреждала А. Дорбек, наглядно продемонстрировала кризис 2008 г. Правда, это «грех» не одной России, иначе кризис не был бы мировым.

Между тем, ещё в апреле 2008 г. Ж. Сапир (Высшая школа социальных наук, *EHESS*), констатируя признаки начала финансового кризиса на Западе («кризиса американской финансовой и экономической гегемонии»), называл Россию «зоной стабильности и роста», куда «обращаются взоры». «Перед угрозой стагнации или рецессии, – продолжает он, – Россия способна внести важный вклад в мировую экономическую стабильность». Сапир решительно высказался за укрепление партнёрства с Россией, в том числе через допуск российских капиталов в европейские предприятия. Это, подчёркивает он, отвечает также интересам ФРГ, Франции и Италии. Конечно, заключает Сапир, Россия в одиночку не сможет спасти европейскую экономику, но способна вывести её из стагнации в рамках реального сотрудничества. Он напоминает, что государственные вложения в инфраструктуру, образование, науку могут стать мультипликатором частных инвестиций, национальных и иностранных. Ответ России на надвигающийся мировой кризис он видит в проведении государством активной инвестиционной политики.³⁰ Подобной же прагматичной позиции придерживается и К. де Маржери, глава нефтяной компании *Total*. Он обоснованно полагает, что в условиях кризиса «гораздо разумнее не приобретать те или иные компании, а не прекращать инвестировать»³¹ (в собственное производство. – Авт.).

В периоды кризисов есть возможность использовать складывающуюся ситуацию по-разному. В то время как иностранные и российские инвесторы покидают рынок,³² государство через свои структуры, такие как ВТБ или Ростехнологии (свыше 400 дочерних компаний), могут воспользоваться этим для приобретения крупных пакетов акций. Подобная операция выглядела бы не как «бархатная национализация», а как поддержка рынка, – пишет обозреватель Ф. Ноде-Ланглуа со ссылкой на мнение российского эксперта из российской финансовой компании Метрополь.³³ Ж. Сапир высказывает опасе-

²⁸ См. *Dorbec A.* Op. cit. P. 6, 7.

²⁹ *Pflimlin E.* L'économie selon Vladimir Poutine: du capitalisme sauvage au "capitalisme d'Etat" // *Le Monde*. 29.11.2007 (<http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-979077,0.html>).

³⁰ *Sapir J.* Crise financière: la Russie au secours de l'économie européenne? (<http://www.lefigaro.fr/debats/2008/04/05/01005-20080405ARTFIG00010-crise-financierela-russie-au-secours-de-l-economie-europeenne-.php>).

³¹ См.: *Margerie Chr. de.* «Le repli du pétrole commence à devenir dangereux» (<http://www.lefigaro.fr/matieres-premieres/2008/11/24/04012-20081124ARTFIG00246-le-repli-du-petrole-commence-a-devenir-dangereux-.php>).

³² Иностранцы вывели с Московской биржи 10-15 млрд. долл. в период с августа до 18 сентября 2008 г., согласно данным Министерства финансов РФ, или 56 млрд. – по сведениям *Financial Times* (*Nodé-Langlois F.* À Évian, Medvedev en mission de conciliation (<http://www.lefigaro.fr/international/2008/10/08/01003-20081008ARTFIG00032--evian-medvedev-en-mission-de-conciliation-.php>).

³³ *Nodé-Langlois F.* Le président russe tente de rassurer la Bourse en déroute. (<http://www.lefigaro.fr/marches/2008/09/12/04003-20080912ARTFIG00311-le-president-russe-tente-de-rassurer-la-bourse-en-deroute-.php>).

ние, что государство может испытать искушение после кризиса не перепродать, а оставить себе крупные предприятия, которые считаются стратегическими.³⁴

МАКРОЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА И «УГЛЕВОДОРОДНАЯ МАННА»

Примечателен тот факт, что МВФ в 2007 г. выпустил документ, в котором макроэкономическое управление России оценено как «хорошее».³⁵ Ф. Бенаройа, авторитетный специалист по российской экономике, вообще считает макроэкономическую политику страны «образцом благоразумного управления».³⁶

Несмотря на усиление роли государства в энергосырьевом секторе, он сохраняет привлекательность для иностранных инвесторов. В основном это объясняется огромными залежами нефти, газа и других полезных ископаемых, большой ёмкостью ещё неосвоенного внутреннего рынка. Положительные характеристики зарубежных аналитиков во многом связаны с обрушившейся на страну в 2000-е гг. «углеводородной манной» (*manne des hydrocarbures*). Благоприятная мирохозяйственная конъюнктура содействовала росту потребностей в энергетических ресурсах.³⁷ Цена барреля вывозимой Россией нефти марки *Urals* выросла за семь лет практически вчетверо – с 23 в начале 2000 г. до 87 долл. в ноябре 2007 г., перевалив к середине 2008 г. отметку в 140 долл.

В стратегически важную газовую отрасль зарубежным компаниям «непросто проникнуть». Тем более примечателен факт выбора французской ТНК *Total* в качестве партнёра «Газпрома» для разработки Штокмановского газоконденсатного месторождения, наряду с норвежской *StatoilHydro*, капитал которой на 62,5% принадлежит государству). Другая отрасль энергетики, нефтяная «не столь закрыта, как добыча природного газа», но французские эксперты отмечают преобладание в ней национальных российских компаний.³⁸

Анализируется использование российским правительством ресурсов, аккумулированных в двух фондах специального назначения и востребованных с началом кризиса 2008 г.³⁹

В качестве положительных новшеств французские эксперты выделяют переход правительства с 2008 г. на трёхгодичный бюджет. Тем самым бюджетное планирование может быть усовершенствовано, даже при условии, что содержащиеся в нём данные – предварительные. Одно из главных нововведений в принятом в июне 2007 г. госбюджете состояло в выделении в отдельную статью доходов от энергетики. Переводимые

³⁴ Цит. по: *Tatu N.* L'automne des oligarques // *Le Nouvel Observateur*. P., 2008. № 2295. 30 oct. (<http://hebdo.nouvelobs.com/hebdo/parution/p2295/articles/a386922-.html?xtmc=automnedesoligarques&xtcr=2N°2295>).

³⁵ *Économie: la Russie, un envol économique qui ne doit pas tout au pétrole.* Ibidem.

³⁶ *Benaroya F.* Un miracle économique....jusqu'à quand?. Ibidem.

³⁷ *Gianella Chr., Tompson W., Pineau-Valencienne C., Wild G., Zlotowski Y., Fouquin M.* L'économie russe face au défi de la croissance à long terme (<http://www.cepii.fr/francgraph/club/reunions/reunions/2007/140207.htm>).

³⁸ Франция в России. С. 139-140.

³⁹ Правительство обнародовало план поддержки экономики в сумме свыше 170 млрд. долл. 6,8 млрд. – из «одного из двух своих нефтяных фондов» для покупки акций на российском рынке. Кризис 2008 г., в отличие от 1998 г., ударил не по мелким вкладчикам, а по гигантам, в том числе промышленным. В начале октября 25 крупнейших состояний России сократились на сумму в 237 млрд. долл. Перед лицом финансовых трудностей крупнейшие компании обратились к государству за поддержкой. В первых рядах – энергетические Газпром, Роснефть, ТНК-ВР и Лукойл, на которые приходится 70% производства нефти и 90% – газа в стране. В свою очередь, помощь (в размере от 270 до 830 млрд. евро) запросили автомобилестроители «АВТОВАЗ», ГАЗ и «КамАЗ». Минфин в этих условиях снизил прогноз темпов роста экономики в 2008 г. до 5,7% (против ожидавшихся в июле 7,8%), и 5,5% на 2009. См.: *Nodé-Langlois F.* La Russie asphyxiée par le manque de liquidités (<http://www.lefigaro.fr/marches/2008/10/16/04003-20081016ARTFIG00317-la-russie-asphyxiee-par-le-manque-de-liquidites-.php>).

суммы, по докризисным оценкам для 2008 и 2009 г., должны были покрыть ожидаемый в этот временной промежуток дефицит, а для 2010 г. – его превысить. Предусмотренные бюджетом нефтегазовые доходы на 2008-2009 гг. представляются экспертам обоснованными при небольшом приросте экспорта газа и нефти – соответственно 2,4% и 1,7%. Напротив, прогнозы бюджета, ставившие целью минимум 6% роста, казались французским экономистам менее реалистичными.⁴⁰ Данные МЭР свидетельствовали о продолжении хозяйственного роста, несмотря на ожидавшееся замедление его в начале 2008 г., а также увеличение государственных расходов.⁴¹

Столь впечатляющие плановые результаты не должны, по мнению французских экспертов, маскировать шаткость положения экономики России с её «квазирентным характером». И это понятно, ведь «рента создаёт ложное чувство надёжности». «Это настоящая ловушка, которой России необходимо избежать, если она хочет утвердиться на международной экономической сцене и завоевать “место под солнцем”».⁴² О сохраняющейся значительной доле природной ренты в ВВП пишут и другие авторитетные исследователи.⁴³ Того же мнения придерживаются специалисты, предупреждавшие, как минимум, о неоднозначном влиянии на экономику «углеводородной манны».⁴⁴ Открытость внешним связям (свыше половины ВВП получено от внешней торговли, хотя в мировой торговле доля РФ составляет всего 2,5%) обусловлена сырьевой специализацией в ущерб отраслям обрабатывающей промышленности, которые производят продукцию со значительной долей добавленной стоимости. По мнению уже упоминавшегося Э. Пфлимлена, эта модель развития, создающая мало рабочих мест (лишь 3% экономически активного населения занято в добывающей промышленности и чёрной металлургии), делает российскую экономику «хрупкой», уязвимой.⁴⁵ В самом деле, сравнительно высокая рентабельность добычи природных ресурсов ставит в невыгодное положение другие отрасли экономики, поощряет инфляцию, увеличивая непроизводительные расходы и бюрократию. Речь идёт о «голландской болезни», угрожающей странам, опирающимся на природные ресурсы, в частности, углеводороды.⁴⁶

Также обоснованно опасение, что благоприятная экономическая конъюнктура способствует «маскированию потребности в хозяйственных реформах».⁴⁷ России, по мнению Ж. Ролана (одного из авторов книги «Другая экономика», изданной Свободным университетом, Брюссель), потребуется немало усилий, чтобы противодействовать процессу скатывания в «третий мир».⁴⁸ Наряду с замедлением структурных реформ у бельгийских экспертов вызывает тревогу усиление прямого административного или через госпредприятия вмешательства правительства в хозяйственную жизнь регионов и отраслей.

⁴⁰ <http://www.diplomatie.be/fr/press/expresstelexdetails.asp?TEXTID=79873#Top>

⁴¹ http://fr.today.reuters.com/news/newsArticle.aspx?type=businessnews&storyID=2007-12-07T154709Z_01_GAR756798_RTRIDST_0_OFRBS-RUSSIE-CROISSANCE-20071207.XML

⁴² Touati M. Russie: la «kremlinisation de l'économie».

(http://www.cfo-news.com/Marc-Touati-ACDEFI-Russie-La-kremlinisation-de-l-economie-_a3084.html

<http://www.acdefi.com/index.php?pid=173>).

⁴³ См., в частности: Benaroya F. L'économie de la Russie. P., 2006. P. 70.

La Russie et les autres pays de la CEI en 2005 ... P. 14.

⁴⁴ Russie, peuples et civilisations. Sous la dir. de M. Ferro, M.-H. Mandrillon. P., 2005. P. 134.

⁴⁵ См.: Pflimlin E. L'économie selon Vladimir Poutine: du capitalisme sauvage au "capitalisme d'Etat" // Le Monde. 29.11.2007 (<http://www.lemonde.fr/web/article/0,1-0@2-3214,36-979077,0.html>).

⁴⁶ L'économie mondiale 2008. Ibid. P. 48.

Benaroya F. Un miracle économique...jusqu'à quand? Ibid. P. 140.

⁴⁷ Fontanel J., Fontanel Th. L'économie souterraine. L'exemple de la Russie. Ibid. P. 97.

⁴⁸ Roland G. La tiers-mondialisation de l'ex'URSS / L'économie autrement. En hommage à Jacques Nagels. Bruxelles: Éd. de l'Université de Bruxelles, 2006. P. 99.

Заявленные «приоритетные национальные проекты», которые касались образования, здравоохранения, жилищного и сельского хозяйства, инфраструктуры, в том числе транспорта, не вызвали вопросов. Они укладываются в рамки естественной хозяйственной ответственности государства.

Затем началась новая, отличная по природе и предмету фаза государственного участия в экономике. В конце 2006 г. был обнародован перечень из четырёх десятков стратегических отраслей, подлежащих реструктуризации. Вмешательство государства приняло форму полного или частичного приобретения госструктурами капитала предприятий, бывших до того частными. В углеводородной сфере «Газпром» (который французы называют «любимым детищем Владимира Путина, символом обновления российской экономики»⁴⁹) и «Роснефть» поделили между собой остатки ЮКОСа. Более того, эти энергокомпании, вкупе с «Рособоронэкспортом» (вооружения), распространили сферу своих интересов за пределы означенных отраслей, проникая в производство титана, а также автомобилей и другие отрасли машиностроения. Подобная эволюция вызвала у французских экспертов, в частности, у Ж. Вильда, резонные вопросы. Он напомнил об отрицательном опыте чрезмерного интервенционизма, особенно там, где рыночные правила недостаточно укоренены. Указал и на опасность неэффективности предприятий и отраслей, управляемых элитами, всё ещё охваченными логикой «администрируемой» экономики.⁵⁰

Французские эксперты (как и бельгийские) обратили внимание не только на замедление структурной перестройки экономики, но и на снижение интенсивности инвестиционного процесса (в 2006 г. норма вложений в основной капитал составила 19% ВВП против 20-30% в странах ЦВЕ).⁵¹ Сюда следует добавить региональные диспропорции, отсутствие необходимой инфраструктуры. Государство занялось созданием «венчурных компаний» и Инвестиционного фонда, предназначенных для поддержки проектов в сфере передовых технологий; созданием «особых экономических зон» для освоения в перспективе обширных территорий РФ. «Все эти элементы могут оправдать возросшее государственное вмешательство», – заключает Ж. Вильд (в книге «Мировая экономика в 2008 г.») свои рассуждения по поводу российских реформ. Многое зависит от способности государства и его структур «не преувеличивать» своё вмешательство, прямое или косвенное, в работу предприятий, в том числе не принадлежащих к отраслям, объявленным стратегическими. Правда, он допускает возможность специфики, если подобное вмешательство «соответствует “культуре общества”, которую следует учитывать».⁵² Видимо, имеется в виду исторически сложившаяся ключевая роль государства в экономике России, которую ещё Н.А. Бердяев определял как «самую государственную и самую бюрократическую страну в мире».

Рост инвестиций отнюдь не гарантировал укрепления международной конкурентоспособности российской экономики. Темпы прироста импорта превышали соответствующие показатели промышленного производства. Недостаточны и вложения в инфраструктуру, что также не способствует хозяйственному развитию. Несмотря на регулярное повышение тарифов на услуги естественных монополий, их продукция не отвечает нуждам экономики, что особо чувствуется в снабжении водой и электроэнергией.⁵³

Принятие решения «использовать нефтяную манну для улучшения инфраструктуры страны» упомянутый К.Тирамани целиком относит к заслугам В. Путина.⁵⁴ Подоб-

⁴⁹ *Créquy P.* Gazprom, première capitalisation mondiale (<http://www.lefigaro.fr/societes-etrangeres/2008/05/08/04011-20080508ARTFIG00455-gazprom-premiere-capitalisation-mondiale.php>).

⁵⁰ *Wild G.* Russie: continuités...changements.... P. 51.

⁵¹ *Benaroya F.* Un miracle économique...jusqu'à quand? Ibid. P. 140.

⁵² *L'économie mondiale 2008 ...* P. 49-52.

⁵³ <http://www.diplomatie.be/fr/press/expresstelexdetails.asp?TEXTID=79873#Top>

⁵⁴ *Tiramani C.* Op. cit.

ное решение давно назрело, признают зарубежные исследователи. Так, Л. Мон пишет об устаревшей энерготранспортной системе (газо- и нефтепроводов, линий электропередач). Этот недостаток порождает значительные потери энергии при её передаче на расстояние.⁵⁵ На модернизацию только электроэнергетической сети, по оценкам, в течение 15 лет ежегодно требуется 29 млрд. долл. В таком важном виде транспорта для России, как железные дороги, в 2008-2010 гг. планировалось удвоение инвестиций – с 10 млрд. долл. (2007 г.). Сумма бюджетных ассигнований покрывает лишь малую часть программы в этой отрасли: предполагается вложить 77 млн. долл. в 2008 г. и 161 млн. – в 2009 г.⁵⁶ Очевидно, подразумевается активное привлечение частного капитала на началах государственно-частного партнёрства (ГЧП). Программа модернизации федеральной автотранспортной сети предусматривала ежегодное выделение 8,7 млрд. долл. в 2008-2009 гг.

Часть французских исследователей с одобрением отнеслась к переменам 2000-х гг., к преодолению наиболее уязвимых для критики особенностей периода 1990-х гг. Пфлимлен полагает, что «ситуация радикально изменилась»⁵⁷. Принят курс на восстановление российской государственности с помощью укрепления центральной власти, роль которой в 1990-е гг. сократилась за счёт децентрализации в пользу региональных властей и олигархов. В 2007 г. восемь представителей Администрации Президента занимали ведущие посты в крупнейших компаниях России, действующих в приоритетных для экономики сферах, чтобы влиять на их стратегию (энергетика, высокие технологии, телекоммуникации, информация).⁵⁸ Между тем, по мнению Э. Клеман-Питио (Центр изучения моделей индустриализации, Высшая школа социальных наук SEMI-EHESS), если Путин и решил покончить с политикой, символом которой стали мафиозная приватизация и захват нефтяной ренты олигархами при попустительстве государства, то разрыв «был осуществлён мягко, и не был столь радикальным, как это было объявлено».⁵⁹ Обозреватель Ж.-М. Шовье даже заявлял: в президенте Путине «нет ничего от Уго Чавеса или Эво Моралеса». Вопреки чаяниям большинства населения, он не пересмотрел итоги «криминальной приватизации 1990-х, не ренационализировал ключевые, с точки зрения социальной рыночной экономики, отрасли». Он также не преследовал олигархов, за исключением тех, кто «имел политические амбиции».

Статья Шовье написана в духе практически безоговорочной поддержки проведённых В. Путиным изменений в российской экономике во время его пребывания на посту президента. Шовье полагает, что мы присутствуем при зарождении второй «новой России». По мнению Шовье, несмотря на «искушение ультралиберализмом в период первого мандата», на протяжении второго президентского срока Путин занялся «восстановлением государства в рамках рыночной экономики». Между ультралиберализмом и этатизмом выбран компромисс, обнадёживающий новый класс собственников – западных инвесторов. Им стало укрепление позиций государства, «обуздание олигархов, но уважение рыночной экономики». В статье приводятся слова Ж. Сапира, что 2006 г. можно считать «годом стратегической переориентации» в сторону усиления государственного вмешательства. Появилась промышленная политика, обусловленная осознанием того, что экономика не может больше без серьёзных последствий зависеть от одной нефтегазовой ренты. Вот откуда исходит потребность «в проведении государством

⁵⁵ См.: *Mons L.* Op. cit. P. 50.

⁵⁶ См.: *Dorbec A.* Op. cit. P. 7.

⁵⁷ *Pflimlin E.* Op. cit.

⁵⁸ *Raviot J.-R.* Qui dirige la Russie? P.: Éd. Lignes de Répères, 2007. P. 73.

⁵⁹ *Clément-Pitiot H.* Les mutations du capitalisme russe: Des perceptions extérieures à la réalité / La Russie dans la mondialisation // *Le Courrier des pays de l'Est.* P., 2007. N 1061. Mai-Juin. P. 10, 103.

...интервенционистской политики, вопреки мнению международных организаций и российских либералов».⁶⁰

Та же мысль звучит и на уровне европейских институтов. Так, президент ЕБРР Ж. Лемьер убеждён, что в России отдадут себе отчёт в том, что «страна не может быть стабильным и процветающим государством, оставаясь государством нефтяным: нефтяная рента недвусмысленно ставит вопрос об экономической диверсификации и о роли инвесторов». При этом, как только «заходит речь об инвесторах, зарубежных или отечественных, встают вопросы о правовом государстве, транспарентности и демократии», поясняет он далее.⁶¹ К. Тирамани предполагает, что в перспективе, с либерализацией электроэнергетики и расширением телекоммуникаций, рынок будет «развиваться вглубь и меньше зависеть от сырья».⁶²

Оптимизма Шовье не разделяет Пфлимлен, задаваясь вопросом, «является ли подобная стратегия Кремля лучшей для того, чтобы обеспечить продолжение экономического подъёма?» И даёт отрицательный ответ, оценивая такую политику как путь к нестабильности. Инвесторы также не приветствуют частую смену прав собственности в зависимости от политических перемен. Пфлимлен сомневается в том, что «управляемая модель» способна стимулировать экономический рост.⁶³

Французские аналитики обращают внимание на нестандартный разворот хозяйственного курса. Им представляется необычным тот факт, что участие в глобализации не опирается на постулаты экономического либерализма, идёт ли речь о роли государства в этой стратегии или о соблюдении прозрачности и принципов конкуренции. Они также отметили, что политика укрепления государственного контроля над стратегическими отраслями (энергетика, добыча сырья) зачастую сопровождается ограничением или сокращением доли иностранного участия в соответствующих проектах. Нет признанных стратегическими отраслей, которые бы не были под контролем государства.

Важным направлением хозяйственной политики нынешнего российского руководства является всемерное укрепление с помощью слияний активов национальных компаний, способных соперничать на внешнем рынке с иностранными гигантами. «Газпром» – вертикально интегрированная монополия с 50% участием государства в капитале, занимавшая до кризиса третье место в мире по биржевой капитализации, стал «первой ласточкой». Концерн превратился в «неизбежного» поставщика газа на рынки многих стран-членов ЕС, в том числе постсоциалистических. Судьба «Газпрома» – в русле политики создания «национальных чемпионов» с преимущественным участием государства в капитале, которые призваны играть ключевую роль в стратегических отраслях (оборонной, авиакосмической промышленности, атомной энергетике). Данная политика рядом французских экспертов рассматривается как продолжение советских традиций. Впрочем, в самой Франции поддержка «национальных чемпионов» – обычное явление в государственной хозяйственной политике, в том числе проводимой нынешним президентом Н. Саркози, даже до его избрания на этот пост. Ещё будучи министром финансов при президенте Ж. Шираке, он материально поддержал и тем самым сохранил терпящую крах многоотраслевую национальную компанию «Альстом» (*Alstom*). Сегодня это – успешный многоотраслевой флагман французской индустрии.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ

⁶⁰ *Chavier J.-M.* La «nouvelle Russie» de Vladimir Poutine // *Monde diplomatique*. P., 2007. Févr. (<http://www.monde-diplomatique.fr/2007/02/CHAUVIER/14403>).

⁶¹ *Lemierre J.* Énergie: les raisons de coopérer se multiplient entre l'UE et la Russie // *La lettre de Confrontations Europe*. 2006. No 74. P. 9.

⁶² *Tiramani C.* Op. cit.

⁶³ *Pflimlin E.* Op. cit.

По оценкам Национального Парижского банка (*BNP*), «ренационализация» стратегических активов ведёт к сохранению институциональных рисков, и российская экономика «похоже, ориентируется на капитализм, контролируемый государством». Как полагают французские аналитики, создаваемая модель призвана служить «международным притязаниям» России, которая не колеблется в применении экономического оружия в отношении соседей. Такая политика интеграции в мировую экономику – составная часть общего ключевого замысла руководства по возрождению страны. Это не оказывает краткосрочного воздействия на темпы экономического роста, но в будущем рискует отрицательно повлиять на выработку экономической политики, проведение реформ, эффективность использования нефтегазовых доходов.

А. Дюбьен, главный редактор аналитического бюллетеня «*Russia Intelligence*» (Париж), исследователь Института международных и стратегических отношений (*IRIS*), а с 2007 г. – редакционный советник французского издания *Foreign Policy*, выделяет три основных вектора энергетической дипломатии России. Первый направлен на доступ к внешним природным ресурсам, в частности, к природному газу Центральной Азии. Второй – на обеспечение экспортных путей в обход «политически неблагонадёжных» транзитных стран. Третий – усиление присутствия российских ТНК на Западе, в частности, путём приобретения пакетов акций в европейских энергетических компаниях.⁶⁴

Об этом же пишут и другие французские исследователи. Проводимый «Газпромом» с помощью «трубопроводной дипломатии» или «газового оружия» курс на интернационализацию связывают с целью вернуть стране статус великой державы. Во-первых, компания диверсифицирует свои экспортные каналы в направлении США и Азии, укрепляя при этом позиции в Евросоюзе – своём основном рынке сбыта, в частности, путём прокладки новых трубопроводов. Во-вторых, «Газпром» покупает пакеты акций в ряде газотранспортных и газораспределительных предприятий, в электросетях новых стран ЕС – бывших советских республик и членов СЭВ. «Зарубежные приобретения зачастую являются наиболее доступным средством выхода на внешние рынки».⁶⁵

На «европейском театре» энергетическая стратегия России проводится с опорой на привилегированное партнёрство с двумя странами – ФРГ и Италией, благодаря чему строятся новые газоэкспортные трубопроводы на север и юг континента. Этот опыт, по мнению А. Дюбьена, требует внимательного изучения и вдумчивого подхода, поскольку рассматривается Кремлём как достойный распространения на всех европейских контрагентов. Наряду с развитием инфраструктуры, он предусматривает обмен активами. Европейские компании, задействованные в таком сотрудничестве, получают доступ к некоторым российским месторождениям (правда, без приобретения контроля), а «Газпром» – к весьма прибыльным сетевым газовым рынкам, к конечным потребителям, а значит, и к части газовой ренты. В качестве нового феномена Дюбьен выделяет стремление «Газпрома» получить выгоды от либерализации европейского энергетического рынка, чтобы проникнуть в производство электроэнергии. Для начала планируется построить вместе с люксембургской компанией «Сотег» (*Soteg*) газовую электростанцию на востоке ФРГ. Наступление России в газовой сфере получает воплощение и на Балканах.

Французские исследователи полагают императивом для «Газпрома» расширение базы резервов за счёт СРП (соглашений о разделе продукции) со странами Центральной Азии, владеющими газовыми месторождениями. Достигнутую в мае 2007 г. договорённость между Россией, Туркменией и Казахстаном о прокладке газопровода вдоль Каспия Дюбьен считает поворотным пунктом в «большой игре», которую ведут Россия и Запад между собой с середины 1990-х гг., борясь за контроль над углеводородами кас-

⁶⁴ *Dubien A. Énergie: une arme politique à double tranchant / Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies. P., 2007. P. 143.*

⁶⁵ *Fontanel J., Fontanel Th. L'économie souterraine. Op. cit. P. 93.*

пийского бассейна.⁶⁶ Подписанное в декабре 2007 г. соглашение французский обозреватель Р. Франсуа счёл провалом энергетических амбиций западных стран в Центральной Азии. Россия, став транзитным регионом, свела на нет надежды ЕС на прямой импорт энергоресурсов. «Это поражение американской стратегии получения прямого доступа к гигантским резервам убивает в зародыше сходные усилия, которые прилагал Европейский Союз с 2006 г.». ⁶⁷ Газопроводу вдоль Каспия, намеченному к пуску в конце 2010 г., предстоит прокачивать 20 млрд. куб. м газа в год с возможностью пересмотра объёма в сторону повышения. Кончина диктатора Туркмении Ниязова, по оценкам Дюбьена, «ознаменовалась усилением российского господства над углеводородами Центральной Азии».

Иное мнение сложилось у независимого журналиста Р. Жанте. В середине 2008 г. на страницах *Figaro* он предупреждал о перспективе потери «Газпромом» монополии на экспорт туркменского газа. Упрочение позиций Ашхабада связано с прокладкой экспортной трубы в Китай и возможностью, таким образом, поставлять туда ежегодно по 30 млрд. куб. м газа. К 2030 г. Туркменистан рассчитывает утроить производство газа, и пока не отказал в поставках западному транскаспийскому проекту *Nabucco*.⁶⁸

Между Россией и ЕС растёт взаимное противодействие в газовой сфере. К. Локателли, эксперт Национального центра научных исследований (*CNRS*) и Университета *Pierre Mendès-France* в г. Гренобль (Франция), в 2007 г. полагала целесообразным продолжить курс на диверсификацию поставщиков, к примеру, сжиженного природного газа (СПГ) из Катара.⁶⁹ «Энергетическая безопасность, которую Москва поставила в центр своего председательства на саммите Большой восьмёрки, всё шире толкуется в Европе как сокращение сотрудничества с Россией», – замечает А. Дюбьен. Всё большее беспокойство в Евросоюзе вызывает сближение России с другими экспортёрами природного газа, выраженное в апреле 2007 г. в намерении создать «газовую ОПЕК». Одно это стремление напомнило европейцам об их уязвимости в области газоснабжения в условиях, когда к 2020 г. ЕС будет ввозить три четверти необходимого газа. Ныне доля импорта составляет 54%.⁷⁰

Дюбьен также замечает, что на ключевых поставщиков углеводородов в ЕС и США – Алжир и Венесуэлу – в 2006 г. пришлось 66% подписанных Россией контрактов на поставку вооружений.⁷¹ Тем самым влияние России усиливается и в этой сфере. На совпадение интересов в военной и энергетической областях указывает и Ф. Оте, имея в виду усиление присутствия Китая и России (крупнейшего поставщика вооружений в Китай) в Центральной Азии. По его мнению, геополитический интерес двух держав совпадает в их стремлении заставить отступить США на пространстве бывших советских республик, где проходят энергетические трубопроводы.⁷²

Французские исследователи выделяют ряд внешних и внутренних факторов, препятствующих планам «Газпрома» в Европе. Среди них – либерализация европейского

⁶⁶ Dubien A. Op. cit. P. 144, 145, 143.

⁶⁷ François R. Gazprom et Poutine conquièrent le cœur de l'Europe // *Regard sur l'Est*. P., 1.12.2007 (http://www.regard-est.com/home/breve_contenu.php?id=797).

⁶⁸ Genté R. Medvedev tente de torpiller le projet de gazoduc européen Nabucco. (<http://www.lefigaro.fr/matieres-premierres/2008/07/08/04012-20080708ARTFIG00238-medvedev-tente-de-torpiller-le-projet-de-gazoduc-europeen-nabucco-.php>).

⁶⁹ Locatelli C. La Douma apporte des restrictions importantes à l'accès aux hydrocarbures pour les investisseurs étrangers (<http://www.easybourse.com/Website/interview/515-catherine-locatelli-lepii.php>).

⁷⁰ L'Europe redoute une Opep du Gaz // *Le Journal des finances*. 28.11.2008. (<http://www.jdf.com/matieres-premierres/2008/11/28/02004-20081128ARTJDF00024-focus-bientot-une-opep-du-gaz.php>).

⁷¹ Dubien A. Op. cit. P. 143, 145, 146.

⁷² Hauter F. La Chine s'abstient de soutenir la Russie (<http://www.lefigaro.fr/international/2008/08/30/01003-20080830ARTFIG00189-la-chine-s-abstient-de-soutenir-la-russie-.php>).

энергетического рынка, открывающая простор для конкуренции; нежелание европейцев допускать Россию к конкурсам по приобретению активов приватизируемых компаний. По этой причине, например, чешское правительство предпочло отсрочить приватизацию национальной электроэнергетической компании *CEZ*. Имеются сложности и на постсоветском пространстве. Парламент Украины в феврале 2007 г. проголосовал за запрет приватизации или уступки национальных газотранспортных сетей. При поддержке США Грузия отказалась продать «Газпрому» проходящий по её территории участок газопровода между РФ и Арменией.⁷³

Французы отмечают и внутрироссийские трудности. Издержки или стоимость добычи газа могут значительно возрасти из-за исчерпания наиболее удобных и рентабельных месторождений, и не похоже, чтобы компания была готова к крупным вложениям капитала в разведку и освоение новых, расположенных в отдалённых и труднодоступных районах. Скорее, предусмотрен курс на более медленный прирост добычи и экономии резервов. Остаётся также неясным выбор между снабжением внутреннего рынка и выполнением экспортных обязательств. Он во многом зависит от внутренних цен на газ, а значит, неминуемо приобретает политическое звучание.⁷⁴

Проводимая в углеводородной сфере политика производит на французских экспертов двойственное впечатление. Одни полагают, что после периода «присвоения нефтяной ренты олигархами ...государство возвращает контроль над ней», характеризуя данный процесс как «постепенную национализацию», поскольку «полный контроль находится у государства».⁷⁵ По мнению других, нельзя характеризовать происходящие в нефтегазовой отрасли перемены как национализацию до тех пор, пока сохраняются частные ТНК, такие как Лукойл. Кроме того, ни одна компания не принадлежит государству на 100%. Хотя осуществляемые действия позволяют говорить об ограничении прав зарубежных инвесторов, о закрытии данной сферы для иностранцев речи не идёт.

«С учётом высоких цен на углеводороды на международных рынках и, соответственно, значительных доходов, как и стремления Владимира Путина создать в России крупную нефтегазовую компанию с преимущественным участием государства в капитале, можно предположить, что современные тенденции сохранятся». К. Локателли подчёркивает взаимозависимость России и Евросоюза. При отсутствии (пока) других трубопроводов, ЕС остаётся для российских углеводородов «единственным возможным экспортным рынком». «Все планы "Газпрома" основаны на перспективах продаж в Европе», – полагает она. Между тем, исследователь указывает на неясность на рынке из-за отсутствия общей энергетической политики ЕС. Либерализация, введение рыночной конкуренции ставит под сомнение долгосрочные контракты на поставку газа из РФ в пользу краткосрочных, «спотовых» сделок. «Москва не получает ответа на вопрос, каков будет спрос на газ в предстоящие годы».⁷⁶

Когда существуют обоюдные риски – как со стороны потребителя, так и поставщика – непонятно, как в такой обстановке осваивать новые месторождения, особенно дорогостоящие, расположенные в зонах с экстремальными климатическими условиями. Нужен гарантированный рынок сбыта и крупные инвестиции. Сотрудничество взаимовы-

⁷³ *Dubien A. Op. cit. P. 146.*

⁷⁴ Газпром, вследствие финансового кризиса, готовится к неплатежам на внутреннем рынке и снижению производства, то есть к убыткам в размере 2 млрд. долл. Также снизилась капитализация – за шесть месяцев 2008 г. на 75%. – *Nodé-Langlois F. Nouveau bras de fer gazier sur fond de crise à Kiev* (<http://www.lefigaro.fr/international/2008/11/26/01003-20081126ARTFIG00059-nouveau-bras-de-fer-gazier-sur-fond-de-crise-a-kiev-.php>).

⁷⁵ *L'énergie, un moteur pour l'Europe // La lettre de Confrontations Europe. 2006. No 75. P. 16, 31, 36.*

⁷⁶ См.: *Locatelli C. Les stratégies d'internationalisation de Gazprom. Op. cit. P. 32, 36, 41, 104.*

Locatelli C. La Douma apporte des restrictions importantes à l'accès aux hydrocarbures pour les investisseurs étrangers. Ibidem.

Цит. по: *Ferron A. Op. cit. P. 31, 32.*

годно: немецкий концерн *E.ON* получает доступ к месторождениям в России в обмен на свои активы в работающих на газе венгерских электростанциях. Либерализация рынка газа в ЕС, по признанию французских экспертов, вносит коренные изменения в отношения производитель/потребитель. При общей стратегии «Газпрома» на интернационализацию, если её нельзя осуществить на европейском направлении, поиски будут осуществляться в иных регионах.

А. Феррон и К. Велио предполагают, что «со временем россияне смогут выбирать между Азией, Америкой и Европой. Но в настоящий момент на Европу приходится основная выручка от продажи газа, и она останется самым стабильным и надёжным рынком для России». Эти аналитики считают, что России не обойтись без финансового и технического участия зарубежных инвесторов в освоении новых месторождений, поскольку «Газпром» в эту область «не вкладывает капиталы и соответственно предложение не увеличивается». Такие заявления имеют под собой основание. Они представляются проявлением понятной обеспокоенности западных потребителей за свою энергетическую безопасность, когда прирост потребления энергии в Европе оценивается в 60% за 2006-2030 г., а зависимость от её импорта должна составить 70% против нынешних 50%.⁷⁷ Вывод А. Феррона прост: «если ЕС хочет ...привязать Россию к Европе, он должен опираться на долгосрочные контракты». В противном случае, – и это понимают наши западные партнёры, – «Россия развернётся на Восток».⁷⁸

В долгосрочном плане Россия может так же стремиться к диверсификации своего экспорта, как ЕС – импорта. В итоге, энергетическая сфера – поле напряжённости между Брюсселем и Москвой. Л. Делькур, возглавляющая научные исследования во французском Институте международных и стратегических отношений (*IRIS*), эксперт по проблемам Европейской политики соседства (ЕПС) по странам Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), преподаватель Парижского института политических исследований, отмечает «растущую натянутость» отношений между Россией и Евросоюзом. «Взаимное раздражение и отсутствие конкретного продвижения вперёд» сопровождают необходимость сотрудничества. Начатый на саммите в Париже (2000 г.) энергетический диалог между ЕС и РФ имел для России цель получить инвестиции, валюту, а также гарантированный рынок сбыта для своих энергоносителей. Для ЕС важным было обеспечить поставки энергоносителей от традиционного партнёра – России. Предусматривалось удвоение к 2020 г. доли экспортируемых из страны углеводородов в снабжении ЕС. Спустя семь лет доля России – свыше четверти нефти и 40% газа – «вызывает озабоченность» из-за ряда инцидентов, которые поставили под сомнение надёжность поставщика.⁷⁹ Очевидно, имеются в виду сбои в поставках газа через транзитную страну – Украину. Это характерно, в первую очередь, для наиболее зависимых от российских энергоносителей стран ЦВЕ – Польши, Австрии, Словакии, Балтии. Стратегия «Газпрома» по покупке газораспределительных сетей обеспокоила и Еврокомиссию. Среди крупнейших сделок – соглашение «Газпрома» с итальянским энергетическим концерном *ENI*, позволяющее ему с 2010 г. продавать на итальянском рынке до 3 млрд. м³ газа.

Между тем, во французских публикациях отмечается обеспокоенность инвесторов, в частности, из Европейской деловой ассоциации, изменениями в российском Законе об иностранных инвестициях. Государство сдержанно относится к вхождению зарубежного капитала в ряд отраслей, которые оно относит к стратегическим – от космоса до вооружений и криптологии. Инвестиции в эти отрасли подлежат предварительному одобрению властями России. Подобная практика – не российское изобретение, и она не должна удивлять французов. Так, во Франции Декретом премьер-министра (2005 г.) так-

⁷⁷ L'énergie, un moteur pour l'Europe // La lettre de Confrontations Europe. 2006. No 75. P. 16, 29.

⁷⁸ Ferron A. Op. cit. P. 33.

⁷⁹ Delcour L. Difficultés et nécessité d'un partenariat stratégique // Confrontations Europe. 2007. No 80. P. 12, 13.

же составлен перечень, правда, более короткий – из 11 стратегических отраслей, в которых действует следующее правило: получение иностранными инвесторами контроля или блокирующего (33,33%) пакета в компаниях из данного списка должно быть одобрено французскими властями. В состав стратегических отраслей России, где иностранной частной компании требуется разрешение властей на владение пакетом акций свыше 50%, а для компании с участием иностранного государства или международной организации – на владение уже блокирующим пакетом в 25% – входит разработка недр.

От открытости российского рынка для иностранных инвесторов зависит возможность для России вкладывать капиталы в европейские энергетические компании: «Поскольку правила игры в России непрозрачны, за каждой мало-мальски крупной сделкой тут же видится рука Кремля», – подчёркивает Т. де Монбриаль.⁸⁰ «Активы за активы... Национализм – не только российская особенность», отмечает К. Локателли,⁸¹ очевидно, имея в виду протекционистские веяния, получающие широкое распространение в Евросоюзе, причём в отношении компаний из самих стран ЕС. «Москва обвиняет Брюссель в протекционизме», – пишет Л. Делькур. В свою очередь, Еврокомиссия «опирается на принцип взаимности и упрекает Россию в несоблюдении рыночных правил».⁸²

Другой эксперт, видный французский общественный деятель и учёный Ф. Эрзог, высказался по поводу обмена активами и взаимного доступа на энергетические рынки России и ЕС в том смысле, что Россия более не принимает правила ЕС, равно как Евросоюз – российские. Тем не менее, Эрзог подчёркивает, что следует найти приемлемое для обеих сторон решение.⁸³ Что касается российских вложений в энергетический сектор Франции, то, как отметил Э. Новелли, они приветствуются при условии прозрачности и предварительного одобрения французским правительством. В этом случае французские власти готовы оказать российским предпринимателям всяческое содействие.

Что касается Азии, то сотрудничество с Россией в этой области, по мнению Локателли, вопрос будущего, особенно по природному газу – не ранее 2010, а то и 2015 г. Единственное исключение – поставки СПГ с Сахалина. При наличии газопроводов в Азии вопрос экспорта был бы решён. Дело за инвестициями.⁸⁴ Российское государство, со своей стороны, до кризиса объявило о намерении вложить в инфраструктуру в ближайшие 10 лет 1 трлн. долл. (683 млрд. евро). В целях управления вливаниями общественных средств в экономику создаётся ряд организаций.⁸⁵ Франция рассчитывает на активное участие в крупных проектах в инфраструктуре (транспорт, энергетика), а также в строительстве и авиастроении.

Между тем, западные эксперты полагают, что в условиях мирового финансово-экономического кризиса крупнейшие компании могут сократить инвестиции в инфраструктурные проекты в газовой и электроэнергетической сфере, хотя большинство энергигантов располагает достаточными средствами.⁸⁶ Так, Ж.-М. Массар (*Groupama Asset*

⁸⁰ Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies.. P. 17.

⁸¹ Locatelli C. La Douma apporte des restrictions importantes à l'accès aux hydrocarbures pour les investisseurs étrangers. Ibidem.

⁸² Delcour L. Op. cit. P. 13.

⁸³ Herzog Ph. Les clés d'une Communauté européenne de l'énergie // Confrontations Europe. 2007. No 80. Oct.-Déc. P. 4.

⁸⁴ Locatelli C. La Douma apporte des restrictions importantes. Ibidem.

⁸⁵ http://fr.today.reuters.com/news/newsArticle.aspx?type=businessnews&storyID=2007-12-07T154709Z_01_GAR756798_RTRIDST_0_OFRBS-RUSSIE-CROISSANCE-20071207.XML

⁸⁶ По оценкам консалтинговой компании Capgemini, без вложений в 1 трлн. евро в энергоснабжение Старого континента в предстоящие четверть века оно может оказаться под угрозой. – См.: Pellecuer D. Les principaux acteurs du secteur de l'électricité en Europe (<http://www.jdf.com/societes/2008/11/24/02035-20081124ARTJDF00010-les-principaux-acteurs-du-secteur-de-lelectricite-en-europe.php>);

Management – управляющая активами компания) считает снижение инвестиционной активности, в частности, нефтегазовых компаний истинной опасностью нынешнего кризиса. Есть риск «зарубить» важные проекты, требующие многих лет работы, как, например, Штокмановское газоконденсатное месторождение. Падение спроса и рецессия ставят под вопрос инфраструктуру транспортировки энергоносителей, нефтепереработку и само производство углеводородов. Нефть, по его мнению, не будет дешёвой, поскольку её (даже при достаточном количестве) всё труднее искать и добывать.⁸⁷

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ И КООПЕРАЦИЯ В НЕРЕНТНОЙ СФЕРЕ

Российский макроэкономический рост по-прежнему зависит почти исключительно от рентных секторов, а потребление преобладает над инвестициями.⁸⁸ Французские эксперты логично указывают на низкую конкурентоспособность большей части продукции российской обрабатывающей промышленности. В итоге, её продукция почти отсутствует на внешних рынках, а большая часть российского экспорта приходится на сырьё.

На основе исследований, проведённых сотрудниками французской Миссии по экономическим делам в России, выражается мнение, что наиболее конкурентоспособными на внешнем рынке являются вооружения и оборудование для атомной промышленности. Однако в экспортируемой из России продукции этих отраслей применены, по их мнению, «главным образом ...устаревшие технологии».⁸⁹ Есть и другая точка зрения.

Так, А. Дюбьен считает атомную промышленность одной из немногих высокотехнологичных отраслей, где Россия сохраняет конкурентоспособность на мировом рынке, лидируя в создании реакторов на быстрых нейтронах.⁹⁰ Многие европейские специалисты оценивают сотрудничество в этой сфере как весьма перспективное. Достойный пример ГЧП с привлечением зарубежного капитала – совместное предприятие (СП) «Альстом-Атомэнергомаш» по производству паротурбинного оборудования для АЭС, с использованием широко известных технологий *Alstom*. Сегодня в мире более четверти АЭС построены с применением именно этих технологий.⁹¹ Среди проектов *Alstom* в отечественной энергетике – также совместное с российским холдингом «ЭнергоМашиностроительный альянс» (контрольный пакет – у «Атомэнергомаш») строительство парогазовой установки – самой современной такого типа в России с КПД 59%.

Французские предприятия имеют обнадёживающие перспективы возможного сотрудничества с Россией, в том числе в силу проводимой французским руководством прагматичной линии на выстраивание долговременных экономических связей, в рамках которой в России в конце 2007 г. побывал с визитом государственный секретарь Э. Новелли. Кстати, под его председательством, при поддержке ЕИБ и Еврокомиссии, в 2008 г. в ЕС была создана специальная межправительственная структура по развитию и распространению наиболее передового опыта государственно-частного партнёрства в странах ЕС – Европейский центр экспертизы в области ГЧП.⁹²

Coup de frein pour les investissements dans les grands projets énergétiques (<http://www.lefigaro.fr/societes/2008/11/27/04015-20081127ARTFIG00409-coup-de-frein-pour-les-investissements-dans-les-grands-projets-energetiques-.php>).

⁸⁷ Massare J.-M. Pourquoi le rebond des cours du pétrole à l'heure de la reprise sera rapide et fort // *Le Journal des Finances*. P., 2008, No 6313, 29 nov.- 5 déc. P. 8.

⁸⁸ La Russie et les autres pays de la CEI en 2005 // *Le Courrier des pays de l'Est*. P. 2006. No 1053. P. 14, 20.

⁸⁹ Франция в России. Париж, 2006. С. 138.

⁹⁰ Dubien A. Op. cit. P. 145.

⁹¹ См.: http://www.mashportal.ru/company_news-10480.aspx

⁹² Его основной задачей стало устранение препон на пути продвижения научно-технической информации и распространение опыта наиболее эффективного осуществления ГЧП-проектов. На базе полученных данных вырабатываются рекомендации по развитию ГЧП, совершенствованию управления

К прагматизму в международном обмене капиталами, в том числе с участием России, призывает и французский исследователь П. Ландо. Приобретение ВТБ 5%-го пакета акций в *EADS* – Европейском аэрокосмическом и оборонном концерне – он оценил как непрозрачное ввиду отсутствия согласованного стратегического подхода и единой логики промышленного развития в ЕС (что породило разговоры о необходимости введения *золотой акции* для защиты капитала от подобных операций). Тем не менее, он призвал к сотрудничеству *EADS* с Объединённой авиастроительной корпорацией (ОАК). В основе совместных проектов и «перекрестных финансовых участия при выверенном сочетании конкуренции и сотрудничества» должен лежать прагматизм. Главное, подчёркивает исследователь, не следует увлекаться политикой защиты стратегических активов.⁹³ Новая структура ОАК позволяет, по мнению Ж. Сапира, при желании для укрепления сотрудничества в определённых сферах обмениваться акциями. Обсуждается ряд проектов не только в гражданской, но и в военной сфере.⁹⁴

Французские исследователи указывают на готовность своих предпринимателей к кооперации и в других хозяйственных проектах. Так, компания *Renault* по соглашению с госхолдингом «Рособоронэкспорт» приобрела 25%-ный пакет акций принадлежащего тому «АвтоВАЗа», обойдя американскую компанию *General Motors*, итальянскую *Fiat* и канадскую *Magna*. Основные направления развития отражены в документе «Контракт-2009». На российском рынке также присутствует *Nissan*, чей капитал на 44% принадлежит *Renault*. На автомобили трёх названных компаний приходится порядка 40% российского рынка. Возможно также в будущем доведение доли *Renault* в капитале «АвтоВАЗа» до 50% при сохранении у «Рособоронэкспорта» блокирующего пакета в 25%.⁹⁵

Однако кооперация может натолкнуться на «особенности национального бизнеса», в том числе малого и среднего. Показателен пример с французской компанией *Nexans* (до 2000 г. – *Alcatel Câbles et Composants*), одним из крупнейших европейских производителей кабельной продукции для промышленности, строительства, энергетики. Чтобы удовлетворить потребности инвесторов-приобретателей имущества РАО «ЕЭС России» в кабеле для модернизации электросетей (которую они обязались осуществить), *Nexans* открыла небольшой завод в г. Углич, вложив порядка 35-40 млн. евро. Первоначально создание нового завода в планы не входило – намеревались приобрести существующее местное предприятие. На первом этапе при определении истинного собственника возникли сложности (наряду с неясностями в бухгалтерской отчётности). В итоге *Nexans* принял решение создать новое производство, с опорой на российского партнёра – компанию «Симрос». Подобную практику взаимодействия с местным производителем французы остроумно назвали «неизбежным сезамом» для иностранца: в противном случае доступ на российский рынок проблематичен. В качестве «классического риска» среди прочих выделено отсутствие документов на принадлежность земельного участка, на котором находится предприятие.⁹⁶

Характерно, что схожее мнение о трудностях организации в России малого и среднего бизнеса бытовало у иностранцев и в конце 1990-х гг. Среди них – порой невозможность определить собственника фирмы, которую хотела бы приобрести западная

госсектором. – См.: «L'Europe a besoin d'investisseurs publics à long terme» // *Confrontations Europe*. 2008. No 84. P. 24-25.

⁹³ *Landau P.* *EADS: une approche pragmatique de l'investissement international* // *Confrontations Europe*. 2008. No 84. P. 30.

⁹⁴ *Sapir J.* *Quel bilan économique pour les années Poutine en Russie ?* P.: CEMI-EHESS, 2007. P. 31. http://www.institutidrp.org/contributionsidrp/Bilan_Poutine_Sapir2007.pdf

⁹⁵ *Michelson M., Overstraeten B. van.* *Renault prend 25% d'AvtoVAZ et revoit en hausse ses objectifs.* 8.12.2007 (<http://www.usinenouvelle.com/article/renault-prend-25-d-avtovaz-et-revoit-en-hausse-ses-objectifs.125278>).

⁹⁶ <http://www.lefigaro.fr/societes/2008/11/21/04015-20081121ARTFIG00423-nexans-inaugure-sa-premiere-usine-en-russie-.php> Nexans inaugure sa première usine en Russie

компания (проще узнать, кто имеет право пользования), зачастую недостоверность предоставляемых российской стороной технических и финансовых данных и т.п.⁹⁷ Получается, что за десятилетие мало что изменилось.

Вернёмся, однако, к стратегическому партнёрству ЕС и России. Значимый вектор, который занимает французских аналитиков, поскольку неизбежно влияет на хозяйственные связи, видится им в рамках Европейской политики соседства. Ф. Эрзог ставит вопрос о необходимости углубления и развития ЕПС. Он призывает помнить, что «Россия находится в Европе, и что Союз – ещё не вся Европа».⁹⁸ Запущенная в 2003-2004 гг., данная политика ознаменовала поворот в отношениях между Россией и ЕС. Направленная на укрепление связей с соседями-выходцами из СССР и ЦВЕ, она, по замыслу, должна была распространиться и на Россию. Но из-за размеров территории, исторического опыта, и, наконец, стратегических интересов Россия позиционируется как глобальный игрок, а не просто как сосед, то есть объект и участник европейской политики. Россия отказалась от присоединения к названной программе, пожелав развивать с ЕС особое сотрудничество на основе четырёх «пространств», включая экономическое.

Вопреки первоначальным целям, после расширения ЕС эта сфера контактов становится предметом «латентного соперничества». Россия «косо смотрит» на проводимую Евросоюзом политику в отношении стран «ближнего зарубежья». Москва считает, что рост влияния Евросоюза, в том числе экономического, происходит в ущерб её позициям на постсоветском евразийском пространстве. Россия, по мнению академика Э. Каррер д'Анкокс, рассматривает регион в качестве «политического средства силового возврата на международную арену».⁹⁹ В то же время ЕС пытается выработать модель отношений, которая бы сочетала «трудное партнёрство с Россией» и ЕПС, цели которой, по мнению Л. Делькур, остаются неясными.¹⁰⁰

По-видимому, можно согласиться с французскими экспертами, признающими необходимость привилегированного партнёрства между Россией и ЕС: весьма велика взаимная зависимость и «дополняемость» экономик, особенно после двух последовавших друг за другом расширений ЕС в 2004 и 2007 гг. На обновлённый Евросоюз приходится около 52% внешнеторгового оборота РФ. Россия находится на третьем месте в ряду партнёров ЕС после США и Китая. Трения между сторонами Л. Делькур объясняет, с одной стороны, растущей взаимной связью, а с другой – усиливающимися различиями. В то время как Евросоюз находится в поисках политического сотрудничества, Россия развивает «суверенную демократию» и проводит наступательную внешнюю политику. В силу всё большего расхождения векторов развития, каждый из партнёров воспринимает взаимную зависимость как просто зависимость. Между тем, признавая обоюдность, следует учиться использовать её для кооперации в конкретных областях в целях создания «фактической солидарности» (согласно выражению, взятому из Декларации Шумана). Партнёрство с Россией, уверен Ж. Сапир, позволило бы вывести из стагнации европейскую экономику, воссоздать условия для длительного роста.¹⁰¹

Экономическое сотрудничество России и ЕС распространяется и на другие сферы высоких технологий, чему также уделяют внимание французские эксперты. Выделяется космическая отрасль. Наиболее славный период её расцвета пришёлся на советскую эпоху. Затем интерес к ней в России снизился и вновь возродился в начале 2000-х гг.

⁹⁷ См. подробнее: Ильин В.В., Ахизер А.С. Российская цивилизация: содержание, границы, возможности. М.: Изд-во МГУ, 2000. С. 196.

⁹⁸ Herzog Ph. Un nouvel Acte unique. Pour une mutation du modèle économique et social européen // Supplement de Confrontations Europe. 2008, No 81. P. 8.

⁹⁹ Carrère d'Encausse H. Eurasie / Rapport annuel mondial sur système économique et les stratégies. P.: Dunod, 2007. P. 162.

¹⁰⁰ Delcour L. Difficultés et nécessité d'un partenariat stratégique. Ibid. P. 13.

¹⁰¹ Sapir J. Crise financière: la Russie au secours de l'économie européenne? Ibidem.

Отрасль стоит перед дилеммой: открытость для международного сотрудничества или национальный суверенитет. Европейцам такая позиция должна быть знакома по *золотым акциям* государства: в газовой, авиастроительной, космической, оборонной сферах во Франции и других странах ЕС. Они призваны «защитить отрасль, определяющую европейский суверенитет, от нежелательных иностранных инвестиций».¹⁰²

Между тем, речь идёт о превращении освоения космоса в локомотив территориального развития, диверсификации и модернизации национальной экономики России. Однако это – дело будущего, несмотря на осознание роли космических технологий в сохранении окружающей среды (экологии), развитии транспорта, сельского и городского хозяйства. Невзирая на официальную риторику, данный сектор пока не является приоритетным. Об этом свидетельствует остающееся скромным государственное финансирование космической отрасли, которое в 15 раз меньше, чем в США (имеется в виду только гражданская сфера), в 5 раз меньше, чем в ЕС, и сопоставимо с расходами на эти нужды Китая и Индии.¹⁰³

Несмотря на ограниченное, по сравнению с США, снабжение, преобладание российской космонавтики на международной арене неоспоримо. Высоко оценивает сотрудничество с Россией и первый французский космонавт Ж.-Л. Кретьен.¹⁰⁴ Особенно это относится к пилотируемым полётам и выводам на орбиту спутников. Развивающаяся двусторонняя кооперация с ЕС и США позволила отрасли при скудости внутренних ассигнований, несмотря ни на что, выжить в трудное для неё время. В будущем условия сотрудничества могут быть пересмотрены, поскольку изначально оно планировалось с российской стороны как краткосрочное. Французские эксперты ссылаются на мнение российских властей, что в кооперации не отражается реальная стоимость российского участия.

К заслугам российских специалистов в области освоения космоса, бесспорно, следует отнести тот факт, что при всех сложностях (эта сфера по-прежнему финансируется в основном государством), не вкладываясь в исследования и разработки (ИР), Россия обошла конкурентов в улучшении своих пусковых установок – наиболее надёжных из ныне существующих. Однако французские эксперты считают, что Россия не стремится к полному их обновлению и разработке новых моделей. Тем не менее, технический потенциал велик и может позволить стране, к примеру, расширять присутствие на орбите, как в области телекоммуникаций, так и в обеспечении навигационных стратегий и наблюдений за Землей. Для России пришло время заняться космической отраслью, чтобы в условиях международного сотрудничества, глобализации восстановить свои позиции в мире. Кремль намерен поддержать усилия российских предприятий по укреплению их положения на мировом рынке космических продуктов и услуг – пишут французские исследователи И. Факон (Центр стратегических исследований, *FRS*) и И. Сурбес-Верже (Национальный центр научных исследований, *CNRS*).¹⁰⁵

Французский политик Б. Карейон из правящей партии Союз в поддержку республики (*UMP*), в свою очередь, также убеждён в необходимости установления стратегического партнёрства с Россией не только в космосе, но и в других ключевых отраслях – таких, как оборона, телекоммуникации, здравоохранение. Он выступает за разработку «континентальной стратегии» с привлечением России, особенно в области информационных технологий.¹⁰⁶ Схожая позиция и у генерального директора по внешним связям ЕК

¹⁰² Verret D. Plus d'État, moins d'État, "mieux d'État". Industries aéronautique, spatiale et de défense // Confrontations Europe. 2007. No 80. P. 24.

¹⁰³ Facon I., Sourbès-Verger I. Le secteur spatial russe: entre ouverture à l'international et souveraineté nationale / La Russie dans la mondialisation. Ibid. P. 48.

¹⁰⁴ http://les-4-verites.france2.fr/index-fr_1024.php?id_article=1118

¹⁰⁵ Facon I., Sourbès-Verger I. Op. cit. P. 56, 105, 53.

¹⁰⁶ Carayon B. Patriotisme économique et mondialisation // Défense Nationale. P., 2006. No 12. P. 64.

Э. Ландабюрю. Он высказывается за интернационализацию европейской промышленности, создание новых СП, в том числе с Россией. Очевидно, в ходе размышлений по поводу «Пост-лиссабонской международной стратегии ЕС до 2020 г.»¹⁰⁷ сделаны правильные выводы. Возможно, и с учётом неудачной европейской политики 1970-х, которая подвела западноевропейские информационные технологии. Тогда на рынок не допускали компании из США и Японии, опасаясь конкуренции.

Развитие многосторонней кооперации в глобальном контексте представляет очевидный интерес и для российских компаний. Сегодня Россия стоит перед проблемой, как вырваться из плена рентной экономики, поскольку такая основа хозяйственного роста, как уже неоднократно признавалось и доказано практикой, отнюдь не гарантирует его на длительную перспективу. Получаемые от вывоза сырья доходы среди прочих побочных эффектов имеют укрепление национальной валюты, а значит, как в очередной раз подчёркивают французские эксперты, снижение конкурентоспособности обрабатывающей промышленности.¹⁰⁸

Для модернизации экономики, которую «Кремль хочет присовокупить к стратегическому возрождению», по-прежнему необходимы европейские рынки, технологии и инвестиции, – обоснованно полагает обозреватель *Figaro* Ж.-Ж. Мевель.¹⁰⁹ Однако, по мнению других французских экономистов, торговая политика российского правительства этому не содействует. Она противоречива, поскольку пытается сочетать стремление вступить в ВТО и желание защитить свою национальную экономику. Как бы то ни было, эволюция внешней торговли должна определяться потребностями структурной перестройки экономики. Диверсификация экспорта, наряду с увеличением доли инвестиционных товаров в импорте, были бы, по мнению эксперта Ж. Вальтера, хорошими признаками.¹¹⁰

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОССИЙСКОЙ МОДЕЛИ

Можно ещё раз упомянуть зависимость ЕС по углеводородам от России: на РФ приходится 45% импорта природного газа и 30% – нефти, а также зависимость России от сбыта её продукции в ЕС, куда направляются 90% российского газового экспорта. На европейском рынке «Газпром» получает 65% прибыли. «Русские так же зависят от экспортных доходов, как и европейцы – от регулярности поставок, – подчёркивает А. Кекки (*Checchi*) из Центра европейских исследований (Брюссель), – Европа располагает солидным рычагом влияния, картина не так мрачна».¹¹¹

Итоговая оценка французских исследователей и экспертов МВФ сводится к утверждению, что *российская модель капитализма не соответствует никаким доселе известным и понятным образцам*. Стремление России интегрироваться в мировую экономику, о чём, в частности, свидетельствует приобретение российскими компаниями предприятий за рубежом, подчинено неясным стимулам.¹¹² «К общему удивлению, некоторые российские компании разворачивают деятельность на мировой капиталистической сцене», в то время как в самой России наличествует «инвестиционный голод».¹¹³

¹⁰⁷ *Landaburu E.* La place de l'Europe dans les investissements internationaux // *Confrontations Europe*. 2008. No 84. P. 17.

¹⁰⁸ *Gianella Chr., Tompson W., Pineau-Valencienne C., Wild G., Zlotowski Y., Fouquin M.* L'économie russe face au défi de la croissance à long terme. Ibidem.

¹⁰⁹ *Mével J.-J.* L'UE cherche la parade face aux ambitions russes (<http://www.lefigaro.fr/international/2008/08/26/01003-20080826ARTFIG00012-l-ue-cherche-la-parade-face-aux-ambitions-russes-.php>).

¹¹⁰ *Walter G.* Le commerce extérieur de la Russie: comment sortir du piège d'une économie de rente? / *La Russie dans la mondialisation*. Ibid. P. 30, 104.

¹¹¹ Цит. по: *Mével J.-J.* Op. cit.

¹¹² *Clément-Pitiot H.* Op. cit. P. 5, 103.

¹¹³ *Chauvier J.-M.* La "nouvelle Russie" de Vladimir Poutine // *Monde diplomatique*. P., 2007. Févr. Ibidem.

Российские компании продолжают «завоевывать мир», отмечает обозреватель *Figaro* Ж. Киок. Российские инвестиции за рубежом, которые ещё десяток лет назад, в конце 1990-х гг. равнялись нулю, подскочили до 157 млрд. долл. В течение двух лет (2005-2006 гг.) накопленные за рубежом активы, принадлежащие 25 крупнейшим ТНК России, выросли в 2,5 раза, достигнув 60 млрд. долл.

Прогресс в данной сфере за последние годы – один из самых стремительных в мире, но отрыв российских ТНК от крупнейших мировых игроков ещё существенен. Для сравнения, согласно приводимым в Докладе ЮНКТАД о мировых инвестициях (2007) сведениям, крупнейшая французская фармацевтическая компания *Sanofi-Aventis* (22 место в мировом рейтинге) одна контролирует такие же активы за рубежом, что и 25 крупнейших российских ТНК. Экспансия российских компаний не ограничивается энергетикой. Наряду с четырьмя нефтегазовыми гигантами приобретением активов за границей энергично занимались девять металлургических и горнодобывающих компаний.¹¹⁴

Складывается парадоксальная, полагает Э. Клеман-Питьо, ситуация: российское государство осуществляет валютные вложения за рубежом, в то время как отечественные банки осуществляют там займы на нужды экономики страны.¹¹⁵ Данный феномен, по нашему мнению, можно объяснить, в том числе изъятиями инвестиционного климата, недостатком доверия российских экономических агентов к национальному хозяйственному комплексу вкпе с недостаточной эффективностью отечественного банковского сектора.

С одной стороны, имеются данные, согласно которым капиталовложения отечественных предприятий финансируются лишь на 15% с помощью займов, что делает их, в отличие от других стран, менее зависимыми от условий кредита. С другой стороны, в сфере потребления, которую Ф. Бенаройа полагает основным двигателем российской экономики (с её более чем 10%-ным ежегодным приростом в текущих ценах), наблюдается иная картина. Он связывает этот феномен не только с увеличением доходов, среднегодовой темп прироста которых выражается двузначными цифрами, но и с кредитованием населения (прирост суммы потребительских кредитов на 86% в 2006 г.), в том числе ипотечным (прирост более чем на 450% в том же году). «Российское население приступает к массовому потреблению».¹¹⁶ О «буме внутреннего спроса» России, связанном с высоким уровнем цен на сырьё, благоприятных показателях состояния конъюнктуры, несмотря на рост инфляции с конца 2006 г., пишет и другой французский экономист – М. Кошар (Французский центр наблюдений за хозяйственной конъюнктурой, *OFCE*).¹¹⁷

Резкий прирост импорта (свыше 36% в текущих долларовых ценах в 2007 г. и 42,5% за первую докризисную половину 2008 г.) показывает, что «экономика перегрета», несмотря на поддержку торгового баланса доходами от экспорта сырья. Свыше половины общей суммы импорта приходится на ввоз капитала, что поддерживает рост инвестиций. Данная тенденция предполагает обновление накопленного капитала, что, по мнению А. Дорбек, «является позитивным фактором для потенциального экономического роста в среднесрочной перспективе».¹¹⁸ Заметим, что тут важно качество ввозимых средств – ПИИ это или спекулятивный капитал.

Указывая на дальнейшее усиление присутствия государства в экономике, А. Дорбек выделяет стремление последнего не просто поддерживать экономическую стабильность, но также содействовать долгосрочному хозяйственному развитию. До

¹¹⁴ *Quioc G.* La Russie poursuit sa conquête du monde (<http://www.lefigaro.fr/economie/2007/12/11/04001-20071211ARTFIG00412-la-russie-poursuitsa-conquete-du-monde.php>).

¹¹⁵ *Clément-Pitiot H.* Op. cit., P. 11, 103.

¹¹⁶ *Benaroya F.* Un miracle économique....jusqu'à quand? Ibid. P. 139.

¹¹⁷ *Cochard M.* PECO: la croissance au rendez-vous // Rev. de l'OFCE. P., 2007. No 103. P. 122-123.

¹¹⁸ *Dorbec A.* Surchauffe en Russie: vers un soft landing? // Conjoncture. BNP-Paribas. Economic Research. 2008. No 8-9. Aug.-Sept. P. 5.

2011 г. намечены темпы инвестиционных расходов государства, поддержка экономики (в частности, инфраструктуры) в размере 10% в год в реальном исчислении. При этом государство рассчитывает прибегнуть к массивному использованию как ГЧП, так и финансовых возможностей созданного в конце 2007 г. Банка Развития. Растущее вмешательство государства, между тем, создаёт ряд проблем. Среди них ключевая – очевидно низкая эффективность государственных расходов. По данным властей, 20-30% их (7-10% ВВП) не достигают поставленных целей. Вот почему проблема повышения эффективности государственных расходов выделена в качестве одного из приоритетов бюджетной политики. Дорбек объясняет возросшее вмешательство государства необходимостью (в неблагоприятных демографических условиях) повышения производительности и диверсификации экономики в целях сокращения зависимости от конъюнктуры рынка нефти, стимулирования инновационного пути развития.¹¹⁹

Российскую экономику в экспертных кругах Франции называли экономикой «без табу». Сегодня много говорят о появлении среднего класса в России – прослойки между коррумпированными олигархами и теми, кто «проиграл» в переходный период. Этот средний класс в лучших российских традициях существует за счёт государства: половина из тех, кто относит себя к данной категории, являются чиновниками. Их численность в России такая же, как и во времена СССР. Размер коррупционных доходов, по оценкам, составляет 55 млрд. долл. или 5% ВВП. Пример: приводятся сведения, согласно которым руководящий пост на таможне стоит порядка 1 млн. долл.¹²⁰ По этой величине можно судить о масштабах дохода, на который рассчитывает претендент. В подобной обстановке отечественные фирмы зачастую предпочитают вкладывать свои деньги за рубежом и осуществлять сделки, не подлежащие налоговому контролю. В результате затруднена реальная отчётность, поскольку подобные операции не отражены в официальной статистике.¹²¹

Французские исследователи усматривают прямую связь между ростом коррупции и зависимостью экономики страны от крупных предприятий энергетического сектора. Численность МСП, составляющих, к примеру, основу экономики развитых стран Запада, а также Китая, по-прежнему ничтожно мала для такой огромной страны. Малых предприятий в России не более 1 млн. У соседей из ЦВЕ их пропорционально в 5-6 раз больше. «Глупые российские бюрократы» не дают малому бизнесу возможности вырасти, чтобы потом его «доить», а атакуют при первой административной возможности, душат его в зародыше, а с ним – всю экономику.¹²² М. Туати, а также А. Военше (консалтинговая финансово-экономическая компания *ACDEFI*) пишут о «кремлинализации» экономической модели России.¹²³

Подводя итог, можно отметить, что с приходом к власти во Франции президента-прагматика Н. Саркози выдвинутый в недрах правящей партии *UMP* термин «экономический патриотизм» получил новое наполнение, в том числе и в отношении России. Во Франции во главу угла поставлена наступательная внешнеэкономическая политика по отстаиванию приоритетных интересов французского бизнес-сообщества. Открываются новые перспективы в хозяйственной сфере, а с ними нарастают одобрительные отзывы о действиях российских властей, что отражает заинтересованность французского бизнеса в расширении сотрудничества с Россией.

Что касается особой «русской модели», о которой пишут французские исследователи, то она находится в стадии формирования, отличаясь от прошлых вариантов –

¹¹⁹ Ibid. P. 9-10.

¹²⁰ Le nouveau modèle russe (http://bsalanie.blogs.com/economie_sans_tabou/2006/10/le_nouveau_modl.html).

¹²¹ Fontanel J., Fontanel Th. L'économie souterraine. L'exemple de la Russie. Ibid. P. 98, 100.

¹²² Le nouveau modèle russe. Ibidem.

¹²³ Voinchet A. Russie : La « kremlinisation de l'économie » (<http://www.acdefi.com/index.php?pid=173>).

и командной экономики, и упадка государства.¹²⁴ Ранее об этом писали российские исследователи.¹²⁵ В странах с развитой рыночной экономикой государство активно участвует в малоприбыльных отраслях хозяйства в силу того, что они играют важную роль в решении социально-экономических проблем. У нас же наоборот. Борьба идёт за стабильно хорошо работающие коллективы, особенно в сырьевых отраслях.

Как полагает Ж. Соколофф, решение «вечной дилеммы – могущество/процветание» по-прежнему в руках россиян.¹²⁶ Курс на «экономику знаний» со ставкой на образование и высокие технологии предполагает нечто иное, нежели миллиарды, распределяемые государством. «Экономика знаний» создаётся на основе конкуренции, прозрачной отчётности о хозяйственной деятельности и независимой судебной системы. Инвесторы пока приспособляются к «суверенной демократии», но сможет ли данная модель долгое время оставаться совместимой с требованиями открытой глобальной экономики XXI века – задаётся вопросом Ф. Ноде-Ланглуа.¹²⁷ Будущее покажет, насколько выбранный путь развития и выхода из мирового финансово-экономического кризиса отвечает специфике российской экономики и, в то же время, соответствует рыночным принципам хозяйствования в условиях глобализации.

¹²⁴ L'économie mondiale 2008. Ibid. P. 52.

¹²⁵ См., в частности: Гордон Л.А., Клопов Э.В. Потери и приобретения в России девяностых: историко-социологические очерки экономического положения народного большинства. Т. 1. М., 2000. С. 35.

¹²⁶ Sokoloff G. Op. cit. P. 124.

¹²⁷ Nodé-Langlois F. Pourquoi les investisseurs étrangers parient sur Poutine (<http://www.lefigaro.fr/debats/2008/01/02/01005-20080102ARTFIG00288-pourquoi-les-investisseurs-etrangers-parient-sur-poutine.php>).

А.В. Авилова

Итальянская печать об экономических и социальных процессах в России (обзор за 2006-2007 гг.)

В сообщениях и комментариях итальянской печати об экономических и социальных процессах, происходящих в России, доминируют два сюжета: оценка темпов и характера развития российской экономики, рассматриваемого под углом зрения наличия у нее огромного ресурсного потенциала, и проблема энергетического сотрудничества. Анализируются их различные аспекты – достигнутые результаты и перспективы модернизации страны, роль государства в этом процессе, внешняя экспансия российского крупного капитала и приток в страну иностранных инвестиций, прогнозы относительно возможностей развертывания энергетического потенциала России и т.д.

Оценка темпов роста и перспектив российской экономики

Геополитический журнал «Лимес» в редакционной статье монографического номера, целиком посвященного России¹, отмечает, что мировая конъюнктура позволяет стране добиваться значительных успехов. За 1999-2006 г. ВВП рос среднегодовым темпом 6,5%, увеличившись в целом на 65% (против сокращения на 49% за 1991-1998 гг.). Численность населения, живущего за порогом бедности, сократилась между 2000 и 2004 гг. с 42 до 26 млн. чел., безработица – с 10 до 7% активного населения. Эта динамика во многом объясняет высокий уровень доверия, которым пользуется президент В.Путин.

Размеры ВВП (750 млрд. долларов) выводят Россию на 10-е место в мире, а темпы роста (предположительно около 7,5% в 2007 г.) – на первое в «большой восьмерке»; только Китай и Индия превосходят ее своим динамизмом (соответственно 10,5% и 8,5% прироста за этот год). Экономический подъем поддерживается притоком иностранного капитала. Проблемой остается, однако, неспособность сдерживать растущую инфляцию.

Статья имеет провокативный заголовок: «Евроссия?» Оценка проделанного Россией пути и ее усилий по упрочению своего положения на внешних рынках сводится к гипотезе, что вместо проекта «Евразия» следующим этапом могло бы стать возникновение пространства привилегированных отношений между Европой и Россией, как своего рода противовес евроатлантической ориентации Европы, в чем основную роль может сыграть российское энергетическое оружие. Возрождение экономического потенциала России объективно означает ее присутствие как важного геополитического субъекта в Европе. Альтернативы потреблению энергоресурсов, предлагаемому «Газпромом» в режиме гарантированного снабжения, у Европы сегодня нет. Поэтому энергетическая стратегия России, построенная на идее взаимозависимости, имеет серьезные шансы добиться искомого результата.

Обзоры, регулярно составляемые исследовательским центром «Право и экономика в России и СНГ» в сотрудничестве с Торговой палатой г.Модена², содержат детальную и более критическую оценку текущего состояния и перспектив развития российской экономики на ближайший период. Констатируя подъем экономики и повышение реальных доходов населения, итальянские эксперты отмечают замедление темпов роста промышленности и постоянную диспропорцию между доминирующим сырьевым сектором (темпы роста которого, однако, тоже замедляются в последние 4 – 5 лет) и обрабатывающими отраслями, за немногими исключениями (металлургия, производство пластмасс, кожевенная промышленность). Конъюнктура промышленного производства характеризуется резкими колебаниями. Негативным фактором является присущая прави-

¹ Limes.Roma, 2006, N 6.

² Scheda paese. Russia. Desk PROMEC. Mosca, Febbraio 2007.

тельству медлительность в проведении реформ (особенно в энергетике), а также влияние монополий и несовершенство корпоративного управления.

Отмечая значительный рост реальных доходов населения, авторы обзора подчеркивают, что приводимые показатели – средние по России и что в московском мегаполисе (1/10 населения страны) доходы в 2,7 раза выше среднероссийских, а потребительские расходы – в 2,8 раза выше (данные на сентябрь 2006 г.).

Отношения между властями и предпринимательством в России остаются, по определению авторов обзора, «осторожными». Власть намерена усиливать контроль государства над стратегическими отраслями экономики, включая машиностроение (о чем свидетельствует покупка РАО ЕЭС компании «Силовые машины») и автомобилестроение (покупка «АвтоВАЗа» «Рособоронэкспортом»). Создаются и новые мощные объединения, например «Объединенная авиастроительная корпорация», в которую входят все ведущие производители этой отрасли – как государственные, так и частные. Российское предпринимательство приспособляется к «государственному капитализму», но обращается к властям и со своими запросами – относительно порядка инспекций, налоговых санкций, сокращения НДС, налогового поощрения новых инвестиций.

По темпам роста потребительского спроса Россия стоит на одном из первых мест среди «переходных» экономик. В некоторых районах, прежде всего в Москве (где годовой располагаемый доход по крайней мере в 3,2 раза выше средненационального) покупательная способность населения уже сопоставима с показателями таких стран, как Канада и Япония. ВВП на душу населения, с учетом покупательной способности валют, в 2004 г. составлял: в США – 40 тыс. долларов, ЕС – 26,9 тыс., России – 9,8 тыс., Китае – 5,6 тыс., Индии – 3,1 тыс. долларов; тот же показатель для Канады был равен 31,5 тыс., Японии – 29,4 тыс., Москвы – 31,4 тыс. долларов.

По мнению авторов обзора, начиная с 2003-2004 гг. уже можно говорить о появлении в России «общества массового потребления», охватывающего 40% российского населения. «Средний класс», сильно пострадавший во время финансового кризиса 1998 г., восстанавливается – и не столько политически (согласно опросам, он довольно аполитичен, консервативен и пронизан националистическими настроениями), сколько в экономико-социальном отношении. Если российские исследователи оценивают его размеры, в зависимости от применяемых критериев, в 22-28% общей численности населения страны и в 28-34% для Москвы, то оценки итальянских экспертов, сделанные на основе проводимых в России опросов, дают на 2006 г. цифру 25-27% для России и 34-36% для Москвы.

Региональные различия очень заметны. Более 60% финансовых и 1/3 коммерческих ресурсов сосредоточены в районе Москвы. Выделяются также Санкт-Петербург и Ленинградская область, богатые нефтью районы Сибири (Тюмень), промышленные центры на Волге (Самара), аграрно-индустриальные полюса Ростов-на-Дону и Краснодар. Все это – многообещающие рынки для иностранного бизнеса. Региональная разбивка данных о розничной торговле свидетельствует об огромном преобладании Москвы: на нее приходится 21,1% стоимостного объема торговых операций, остальные районы следуют с большим отставанием (Московская область – 5,7%, Санкт-Петербург – 4,0% и т.д.).

Итальянские эксперты особо отмечают недостаточное развитие в России малого и среднего бизнеса, несмотря на официально провозглашаемую поддержку этого сектора. В октябре 2006 г. численность зарегистрированных малых и средних предприятий (МСП) составляла более 1 млн. (из 4,5 млн. общего числа предприятий в стране), численность занятых на них – 9,3 млн. человек (13,4% общего числа), доля их продукции в ВВП – 14% (последняя цифра – оценка на 2005 г.). Приведенные цифры занижены, указывается в обзоре: «теневая экономика» охватывает 30 – 40% российского ВВП, а малое предпринимательство, по-видимому, насчитывает около 3 млн. предприятий с до-

лей в ВВП около 30%. Однако в сравнении с Италией, где на каждые 17 человек населения приходится одно малое или среднее предприятие (то есть на 60 млн. населения – около 3,5 млн. МСП), плотность такого предпринимательства в России в 8 раз меньше. Отмечается также, что в России 46% общего числа МСП и 72% их оборота сосредоточено в оптовой или розничной торговле, тогда как доля промышленных МСП незначительна.

В обзоре Uninews, еженедельника ведущей в Италии банковской группы «Уникредит» (24.9.2007), критическая оценка состояния и возможностей роста российской экономики выражена еще заметнее. В структурном отношении, пишут авторы обзора Т. Пандольфи и Э. Эрмес, эта экономика – ниже среднего типа и несет в себе много препятствий для устойчивого роста. Перечень недостатков включает: широкое и растущее вмешательство государства в экономические процессы, непредсказуемость в сфере политики, неэффективность государственной администрации, избыточную численность бюрократического аппарата, всеохватывающую коррупцию и наличие крупных олигархических конгломератов. Отсутствие независимой от государства, эффективной судебной системы обуславливает слабость правового государства, вследствие чего применение норм регулирования и прав собственности затруднено. Принимаемые решения часто произвольны и политически мотивированы. Банковская система остается неэффективной, а корпоративное управление настолько неадекватно, что проблемой является даже прозрачность балансов предприятий. Неожиданно обильные поступления от экспорта нефти не были использованы для структурной перестройки экономики. Вместо этого правительство укрепило власть государства на экономической сфере, восстановив его контроль в ключевых секторах – добыче сырья, энергетике и инфраструктуре (особенно посредством энергичной ренационализации).

Между тем, приток иностранных прямых инвестиций (ПИИ) по-прежнему невелик, а утечка капитала значительна (в 2006 г. – 18 млрд. долларов). Показатель удельного веса валовых вложений в основной капитал остановился на отметке 18% ВВП, что гораздо ниже среднего показателя для развивающихся стран и недостаточно для обеспечения высоких темпов роста на продолжительный период. Банковская реформа не слишком продвинулась после финансового кризиса 1998 г. Большинство из 1300 банков, функционирующих в стране (что слишком много для эффективной банковской системы), недокапитализированы и ориентируются на обслуживание единичных компаний-клиентов, что заставляет сомневаться в том, хорошо ли просчитываются кредитные риски. Под этим углом зрения высокие темпы роста кредита в частном секторе, составившие 48% в 2006 г., вызывают опасения, поскольку в случае возможного замедления производства кредитные риски для банков и держателей ценных бумаг увеличиваются.

По оценке авторов обзора, темпы роста российской экономики в 2007 г. замедлятся до 6%, вследствие инфляции и повышения обменного курса рубля; дальнейшее замедление вероятно и в 2008 г. Наблюдаемый взлет личного потребления, на котором держатся торговля и операции с недвижимостью, финансируется главным образом взрывным ростом объема кредита и покупок в рассрочку, что вызывает серьезные опасения относительно наличия «пузыря» в указанных выше отраслях, как и в отношении всей кредитной сферы.

Несмотря на выплату Россией внешнего долга МВФ и странам-кредиторам Парижского клуба, что делает маловероятным какой-либо кризис внешних платежей в среднесрочной перспективе, существенные риски все же остаются. Обрабатывающая промышленность и сельское хозяйство страны страдают от снижения конкурентоспособности, вызванной укреплением рубля, в то время как растет зависимость экономики от базовых видов сырья (составляющих 80% экспорта и половину текущих поступлений), а следовательно, повышается и степень ее подверженности влиянию мировых цен на эту продукцию. Вкупе с медленными темпами реформ и крайней уязвимостью деловой

среды, это ставит под сомнение способность страны поддерживать высокие темпы роста. Нефтяной сектор должен, с одной стороны, нести на себе бремя государственных расходов, а с другой – противостоять ограничениям, обусловившим характерную для последнего десятилетия недостаточность капиталовложений.

К сильным сторонам российской экономики относятся: огромные природные ресурсы, в частности нефти и газа; высокие темпы роста после 1999 г.; значительные валютные резервы; управляемая ситуация с внешним долгом. Перечень слабых сторон гораздо длиннее. В него входят: затянувшаяся нестабильность в Чечне; потребность в долгосрочных и до сих пор не осуществленных экономических и институциональных реформах; усиливающаяся тенденция к национализации ресурсов, что отпугивает иностранные инвестиции; растущие политические риски, связанные с тенденцией к авторитаризму; сильная зависимость от мировых цен на минеральное сырье, особенно нефть и газ; недостаточная степень развития правового государства и ненадежность юридического пространства; тяжесть бюрократического аппарата и широкое распространение коррупции; слабость банковского сектора, который не был реформирован; несовершенство корпоративного управления³.

Официальный бюллетень САЧЕ (SACE), государственного агентства по экспортным кредитам, дает в феврале 2007 г. следующую оценку баланса рисков, связанных с операциями итальянского бизнеса в России (обзор подготовлен Отделом экономических исследований САЧЕ).

Политические риски невелики: страна стабильна, власть сильно централизована. Чеченский конфликт, хотя и далеко не разрешен, по-видимому, заморожен. Наблюдается растущая напряженность с некоторыми странами СНГ, особенно по вопросам энергоснабжения, а также с США.

Банковские и оперативные риски: банковская система находится в фазе роста, но все еще мало прозрачна и сильно фрагментирована, в сравнении с мировыми стандартами. Деловая среда характеризуется высоким уровнем бюрократизма, возможностью насилия над законом со стороны местных властей, слабостью управления и растущим контролем государства над экономикой.

Прогнозы в отношении темпов роста ВВП в реальном выражении на 2007-2008 гг. показывают тенденцию к снижению (5,5% и 4,8%).

Более детальный анализ экономических рисков содержит следующие констатации. Нефтегазовый сектор нуждается в огромных капиталовложениях, которые в одиночку будут стране не под силу. Обрабатывающая промышленность страдает от внешней конкуренции, что объясняется недостаточностью капиталовложений и повышением курса рубля. Ситуация с внешним долгом, в целом благоприятная, меняется в сторону относительного сокращения государственного долга и увеличения задолженности частного сектора, особенно банков. Рост курса рубля (на 20% в 2005-2006 гг.), видимо, не удастся сдержать и в 2007-2008 гг. Банковская система отличается высокой степенью концентрации активов в руках 5 банков (в том числе у Сбербанка – 29% активов и 60% депозитов). Несмотря на быстрое развитие этого сектора, уровень доверия к нему собственников мелких сбережений невысок. Слияния и поглощения небольших банков идут медленно, и нынешняя раздробленность, видимо, сохранится надолго. Потребительский кредит и займы небольшим предприятиям, несмотря на определенный рост, остаются ограниченными, как и размеры сбережений в секторе семей. Тем не менее, зарубежные банки проявляют большой интерес к российской банковской системе (см. об этом ниже).

Инфраструктура, особенно телесвязь, нуждается в модернизации и расширении. Чеченский конфликт по-прежнему держит на высоком уровне опасность терроризма; кроме того, в России имеется сильная организованная преступность, нередко связанная

³ [http:// uninews.unicredit.it/it/articoli/page.php?id=7902](http://uninews.unicredit.it/it/articoli/page.php?id=7902).

(если не совпадающая) с крупными промышленными группировками, находящимися под контролем олигархов.

В статье, излагающей итоги конференции, проведенной в 2007 г. в Москве в рамках программы, финансируемой фондом ТАСИС (ЕС), сопоставляются итальянский и российский опыт проведения банковской реформы. Италия в 1990-х – 2000-х гг. успешно преодолела огосударствление большей части своей банковской системы и в ходе ее либерализации обрела по крайней мере две ведущих банковских группы европейского масштаба, принадлежащих частному капиталу. В России же, по мнению итальянских участников конференции, реформа происходила в ином контексте, и при нынешних замедленных темпах либеральных преобразований закрытость банковской системы может сохраниться надолго.

За последние 4-5 лет в России происходило усиление позиций главным образом крупных государственных банков. В ведущей десятке, которая в начале 2007 г. владела 49,4% банковских активов, крупнейший частный банк – «Альфа Банк» – стоит лишь на 5-м месте с 2,5% активов. На четыре самых больших частных банка – «Альфа», «Росбанк», «МТБ/Уникредит» и «Райффайзен» – в совокупности приходится лишь 7,8% активов. Однако в первом квартале 2007 г. именно многие частные банки показали опережающие темпы роста своих активов – от 14,3% у «Альфы» до 21,6% у «Райффайзена» (если не считать 53%-ного роста у Газпромбанка, находящегося под государственным контролем).

«Потенциал роста банковской системы России – самый высокий в Европе, и мы намерены воспользоваться этой возможностью», – заявил один из руководителей итальянского банка «Уникредит» А.Профумо (этот банк уже стал собственником «МТБ» и является лидером среди иностранных финансовых учреждений в России). Возможные среднесрочные темпы роста депозитов физических лиц и предприятий оцениваются экспертами «Уникредита» в 36-37% в год, потребительских кредитов – в 52%, кредитования предприятий – в 34% в год. Одно из главных препятствий заключается, по их мнению, в образе мышления властей, которые держат в поле своего зрения только крупные экономические группы стратегического значения. Между тем вырисовывается возможность формирования в России банков, нацеленных на развитие, со смешанным государственно-частным финансированием инвестиционных проектов в области инфраструктуры и в стратегических отраслях экономики⁴.

Предпринимаемые в России попытки поднять уровень концентрации капитала в чрезмерно фрагментированной банковской системе ставят под угрозу региональные и местные банки, отмечается в редакционной статье «Нотициарио даи меркати CSI», совместного издания банка «Интеза Сан Паоло» и газеты «Il Sole – 24 Ore». Предложения объединить их в кооперативные структуры наталкиваются на постсоветскую ментальность большей части руководителей этих банков, которые не хотят «новых колхозов». Поэтому есть большая вероятность того, что 70-80% независимых ныне региональных банков, не связанных непосредственно с крупным бизнесом, согласятся на свое поглощение крупными банками и попросту исчезнут⁵.

Концентрация и интернационализация капитала. Инвестиционный бум

Деловая печать Италии отмечает беспрецедентное ускорение процесса слияний и поглощений в российской экономике. За первое полугодие 2007 г. объем этих операций увеличился на 50% по сравнению с аналогичным периодом 2006 г., а в целом за год, согласно оценкам, достигнет 100 млрд. долларов. Правда, удельный вес России в мировом процессе слияний и поглощений все еще невысок (2%). Итальянские эксперты связывают ускорение концентрации капитала с ростом роли и влияния государства в эко-

⁴ <http://www.intesasanpaolo24.com/Csi/Bollettini/DallSole24Ore/54.htm>

⁵ <http://www.intesa24it./Csi/Bollettini/Editoriale/37.htm>

номике России и с консолидацией российского бизнеса перед лицом глобальной конкуренции. Концентрация капитала обусловлена не только желанием импортировать в страну зарубежный производственный опыт и необходимостью интегрироваться в мировую экономику в ожидании вступления в ВТО, но и является выражением центробежной тенденции, характерной для крупнейших российских компаний – таких, как «Газпром» или «Русал», которые стремятся активно действовать на внешних рынках.

Интернационализация российских компаний гарантирует их большую, чем раньше, транспарентность (степень их информационной открытости повысилась до 60%) и способствует качественному росту российского бизнеса. Однако открытость внутреннего российского рынка по-прежнему недостаточна. Большая часть предприятий, предлагаемых к продаже, мало прозрачна. Важным фактором, ограничивающим возможность встречного продвижения иностранных компаний в российскую среду, является рейдерство – организованный захват предприятия с применением насилия и фальсификацией документов.

Значительная часть российского бизнеса обращается к иностранным кредитам. Россия могла бы использовать накопленные резервы для кредитования отечественных производителей, но она идет другим путем: по имеющимся сообщениям, предполагается вложить 20 млрд. долларов из средств стабилизационного фонда в покупку пакетов акций зарубежных компаний.

Итальянская деловая печать пристально следит за инвестиционным подъемом, переживаемым Россией, и за основными направлениями этого процесса. Некоторые из них непосредственно связаны с государственными программами, появление которых свидетельствует, по мнению одного из ведущих итальянских экспертов по России С.Росси, о «новой стратегии промышленного развития». Речь идет, например, о создании государственного холдинга «Объединенная судостроительная корпорация» (ОСК), ставящем целью обеспечить поддержку военного судостроения (с долей 10% мирового рынка, которую предполагается довести до 15-20%) и развитие гражданского судостроения (0,5% мирового рынка, с перспективой увеличения до 2%). Вложения в эту отрасль почти полностью будут обеспечены за счет бюджета. Говоря о программе «Юг России», сопряженной с проведением Олимпиады в Сочи, С.Росси отмечает, что, несмотря на «официальный оптимизм», реализация этого проекта столкнется с крупными препятствиями: крайней неразвитостью транспортной инфраструктуры, необходимостью обеспечить энергоснабжение и неблагоприятными социально-экономическими условиями этого региона.

Итальянская пресса отметила заявление президента В.Путина о том, что Россия «имеет все шансы стать абсолютным лидером мирового рынка вооружений», и информацию о том, что правительство начинает реализацию программы модернизации вооруженных сил с капиталовложениями в размере около 5 трлн рублей на 2007-2015 гг.⁶ Масштабы инвестиций в военные отрасли воспринимаются итальянскими экспертами как вполне естественные для страны, обладающей гигантским ресурсным потенциалом. В том же ряду стоит исследование Института внешней торговли (ICE) о перспективах развития российской информатики и телекоммуникаций (ИКТ)⁷, в котором говорится о серьезных шансах России войти в десятку стран, которые в ближайшие годы станут главными мировыми поставщиками продуктов и услуг в области информационных технологий. Помимо выгодного географического положения, Россия уже располагает всеми необходимыми правовыми и технологическими предпосылками для того, чтобы занять ключевое место на мировом рынке ИКТ в качестве нового транзитного коридора между Европой и Азией.

⁶ http://portalino.org/russia/index.php?option=com_content&task=view&id=43&Itemid

⁷ <http://www.portalino.it/nuke/modules.php?name=News&file=article&sid=22529>

В связи с назревающим в мире «водным кризисом», о котором предупреждают эксперты ООН (в ближайшие 15-30 лет 2 млрд. человек могут остаться без пресной воды, а 2/3 населения Земли, возможно, будут испытывать ее нехватку), Россия может рассматривать себя и как «водную державу». Речные ресурсы воды здесь огромны, имеется около 2 млн. озер, 330 крупных искусственных бассейнов суммарным объемом 360 кв. км, много минеральных источников⁸.

В стране наблюдается строительный бум. Объем инвестиций в недвижимость за 2004-2006 гг. увеличился в 14 раз (1-е место по темпам роста в Европе). Инвесторами и девелоперами выступают как российские, так и иностранные частные компании. Лидирует сектор строительства торговых центров и офисов, причем этот рынок далек от насыщения. В 11 городах-«миллионниках», где широкое строительство началось только в 2004-2005 гг., уровень прибыли на 150-200 пунктов выше московского; здесь больше свободных земельных участков, в связи с чем данный рынок очень перспективен. В области жилищного строительства, особенно в обеих столицах, где наблюдается его особый размах, спрос далеко перекрывает предложение. Поскольку за последнее десятилетие российский ВВП на душу населения увеличился вдвое, следует ожидать аналогичных тенденций и в других крупных городах⁹.

Внешняя экспансия российского капитала

В статье П. Синатти¹⁰ для журнала «Лимес» дается обзор инвестиционных операций российского бизнеса за пределами страны, в которых автор усматривает «геостратегическую логику» и которые считает лишь началом этого процесса. Крупнейшей операцией (правда, не удавшейся) могла бы стать попытка «Северстали» провести слияние с франко-испано-люксембургской корпорацией «Арселор», ведущим в Европе производителем стали. Это был первый выход российского крупного бизнеса за рамки нефтегазовой экспансии; слияние, однако, было отклонено европейскими партнерами из-за опасения наличия «политического второго плана» в этой операции. Неудачу «Северстали» частично компенсировала покупка Внешторгбанком (ВТБ) 5% акций франко-немецко-испанской авиационной компании AIDS, главного конкурента «Боинга». Эта сделка – первый случай вхождения российского капитала в одну из стратегически значимых отраслей. ВТБ передает приобретенные активы в компанию «ОАК», которая должна поставить под государственный контроль основные производственные мощности военного и гражданского авиастроения России; Москва хочет, тем самым, установить стратегические связи между EADS и российской авиакосмической отраслью, которая переживает подъем и военная ветвь которой конкурентоспособна на мировом рынке. С другой стороны, для аэробусов AIDS может открыться российский рынок гражданской авиации, нуждающейся в обновлении своего парка.

Новой тенденцией, характерной для последних лет, автор считает приобретение российским крупным бизнесом 100% или значительной части акций западных компаний. Вслед за «Газпромом» и «Лукойлом» за пределы России и СНГ (в СНГ 1/3 капиталовложений имеет российское происхождение) устремились представители отраслей, переживающих подъем в России, пока совсем или почти не известные Западу.

Впечатляющий перечень открывается уже известной Западу «Северсталью», которая в 2005 г. приобрела за 450 млн. евро 62% акций итальянской группы «Луккини», одного из ведущих производителей стали в стране. Перед этим в штате Мичиган было куплено с аукциона сталелитейное предприятие Rouge Industries (285,5 млн. долларов), преобразованное в «Североамериканскую Северсталь Инк.» и после модернизации за год удвоившее масштабы производства. «Северсталь» – конгломерат, в который входят

⁸ <http://www.businessonline.it/1/EconomiatFinanza/1911/crisi-acqua>

⁹ <http://www.joneslanglasalle.it/it-IT/news/2007/millionniki.htm>

¹⁰ Автор многих статей о России в газете деловых кругов «Il Sole- 24 Ore».

железорудные и угольные месторождения, автомобильные заводы, предприятия тяжелого машиностроения (производство турбин и труб для нефте- и газопроводов), портовые терминалы, – экспортирует российскую сталь в США и ЕС, преодолев установленные ими барьеры.

Группа «Евраз» – вертикально интегрированная компания, ведущий в России производитель стали, приобрела 75% акций итальянской компании «Палини э Бертоли», выпускающей стальной прокат. Таким образом она смогла выйти на итальянский рынок и получить передовые технологии, обойдя установленные в ЕС квоты для иностранных инвесторов. Перед этим «Евраз» стал собственником чешской «Витковице стил» (производство проката) и внедрился в южноафриканский холдинг «Англо-Америкэн», являющийся одним из ведущих в мире производителей ванадия, приобретя 79% капитала Highveld Steel & Vanadium Corp. (ЮАР, 678 млн. долларов), а также 40% акций Strategic Mineral Corp. (США), производящей сплавы ванадия. В итоге «Евраз» обеспечил себе первостепенные позиции на мировом рынке ванадия.

Сталелитейная группа «Магнитогорский металлургический комбинат» (ММК) – третий в России производитель и один из ведущих в мире экспортеров стали, после значительной модернизации своего оборудования, произведенной с помощью компаний «Сименс», Smg Demag и Danieli, сделала попытку приобрести с аукциона, в консорциуме с двумя нероссийскими компаниями, 75% акционерного капитала крупнейшего государственного сталелитейного предприятия «Пакистан стил Миллс» (362 млн. долларов), но эта операция была аннулирована правительством Пакистана под нажимом профсоюзов и националистов, посчитавших цену слишком низкой.

Компания «Алроса» участвует в эксплуатации месторождений алмазов в Анголе, работая совместно с государственным предприятием Endiama (доля России составляет 32%). В 2006 г. «Алроса» и «Де Бирс», совместно контролирующие около 60% мирового рынка алмазов, договорились о тесной производственной кооперации, благодаря чему российская компания сможет участвовать в капитале южноафриканских алмазопроизводящих компаний группы «Де Бирс».

Цветные металлы также являются объектом интереса российского крупного бизнеса. Конгломерат «Интеррос» («Норильский никель», «Полюс золото», финансовые, нефтяные, металлургические активы, морской торговый флот, агропищевой бизнес, СМИ) вложил 1,2 млрд. долларов в Южной Африке, приобретя 20% акций одной из ведущих золотодобывающих компаний «Голд филдс». В 2006 г. «Интеррос» создал АО Smart Hydrogen, предназначенное для покупки 35% акций американской компании Plug Power – лидера в области исследований и производства оборудования для использования альтернативных источников энергии, в частности водорода. Эта компания собирается финансировать и соответствующие исследования российских научных центров.

Группа «Ренова» (металлургия, нефтяная промышленность, тяжелое машиностроение, добывающая промышленность, химия, строительство, финансы, недвижимость; главные компании – «Суал» и «ТНК-ВР») вложила в ЮАР через посредство «швейцарской» (кавычки автора) компании Investment partner AG неустановленную сумму средств для создания смешанного консорциума United Manganese of Kalahari, с 49%-ной долей компании «Ренова» в капитале. Предприятие, осваивающее новое месторождение, должно начиная с 2007 г. производить 1,5 – 2 млн. т марганца в год, в дальнейшем предполагается строительство завода по выпуску легирующих сплавов.

В Африке присутствует также холдинг «Русал» – третий в мире производитель алюминия (доля – 10%) и ведущий производитель его в России. В холдинг входит конгломерат «Базовый элемент», которому принадлежит 75% капитала (250 млн. долларов) компании Alscop в Нигере и 100% капитала Alumina Company в Гвинее, а также часть капитала южноамериканской компании Amc (Гайана). Крупнейшая инвестиция «Русала» – приобретение за 401 млн. долларов 20%-ного пакета акций австралийской добывающей

компании «Квинсленд алюминия», которая является частью переживающей финансовые трудности «Хьюстон Кайзер групп». «Квинсленд» располагает значительными ресурсами бокситов, и у «Русала» есть намерение построить в Австралии алюминиевый завод. В 2006 г. «Русал» приобрел у ТНК «Рио Тинто» 56% акций Eurallumina – предприятия, расположенного в Портоскузо (юго-западное побережье острова Сардиния). Совместно с швейцарской компанией Glencore International AG, собственником 43,8% капитала компании Eurallumina, «Русал» намеревался осуществить мегаслияние с «Суалом», в результате чего должна была возникнуть крупнейшая в мире компания-производитель алюминия.

Замечены и другие, менее объемные инвестиции. Так, компания «Амтел», выпускающая шины, приобрела значительную часть капитала голландской Vrederstein Banden, находившейся в трудном положении (220 млн. евро). Благодаря технологиям и торговым маркам этой компании, а также дешевизне рабочих рук в России новое предприятие показывает хорошие результаты. Холдинг Altime вложил в турецкую компанию мобильной телефонной связи Turkcell (13,2% участия в капитале). «Вымпелком» (40 млн. абонентов, первое место в России и СНГ; первая российская компания, разместившая в 1996 г. свои ценные бумаги на нью-йоркской бирже) прилагает усилия к выходу на рынки Египта и стран Ближнего Востока.

Особо отмечается внешняя инвестиционная экспансия российских энергетических компаний. «Газпром», как известно, направляет свои капиталовложения в сооружение крупных газопроводов. Один из них, «Голубой поток», построенный совместно с итальянскими «ЭНИ» и «Снам проджетти», подает российский газ в Турцию, а оттуда в Грецию, Болгарию и Италию. Другой – балтийский, от Выборга в Грейфсвальд, будет сооружен российско-немецким консорциумом North-European Gas Pipeline Comp. Имеется и еще ряд крупных проектов газопроводов, которые должны соединить Россию с Японией, Китаем, Южной Кореей, а также с Индией (через Иран и Пакистан). «Газпром» пытается приобрести ведущую британскую компанию по распределению газа – Centrica.

«Лукойл», со своей стороны, уже присутствует в Болгарии (где ему принадлежит нефтехимический завод «Нефтохим», дающий 7% болгарского ВВП), в Румынии (где он владеет НПЗ «Петротел»), Сербии и Македонии (компании по очистке и распределению нефти), действует в Финляндии (Tebuoi & Suomen Petroli), США (сеть бензоколонок в штатах Нью-Йорк и Нью-Джерси) и Канаде (Nelson Resources).

В итоге этой инвестиционной экспансии Россия вышла на третье место по величине зарубежных вложений среди «переходных» экономик, с совокупным объемом ПИИ (по данным Банка России на 2005 г.) 142 млрд. долларов; в 2000 г. эта цифра составляла всего 20 млрд. долларов.

По мнению П. Синатти, инвестиционная экспансия России будет расширяться. Пока что ее главным объектом являются сырьевые отрасли и производство стали; если не считать аэрокосмической отрасли, среди российских зарубежных инвесторов нет ни одной компании, действующей в сфере высоких технологий, и нет даже компаний обрабатывающей промышленности. Кроме того, за немногими исключениями («Газпром», несостоявшаяся сделка «Северстали» с «Арселором») российские инвестиции в ведущих промышленных странах – ЕС, США, ЮАР – относительно невелики. Это свидетельствует о сохраняющейся экономической отсталости России, но сам факт ее инвестиционной активности на мировых неэнергетических рынках, по мнению автора, имеет большое значение.

Оценка делового климата

Редакционная статья одного из номеров CSI – упоминавшегося выше совместного издания банка «Интеза – Сан Паоло» и газеты «Il Sole – 24 Ore», посвящена анализу

делового климата, складывающегося в России для иностранных инвесторов¹¹. В условиях явного ухудшения отношений России с Западом, особенно с США, многие из них испытывают опасения, связанные с ее изменившимся подходом к вопросу о контроле над своими природными ресурсами. Недавно «гранды» западной индустрии – «Бритиш Петролеум», «Ройал Датч Шелл», «Эксон Мобил» – впервые ощутили, что их финансовый вес и влияние на деловую сферу и международную политику уже не обеспечивают проникновение в стратегические сектора российской энергетики, которые Москва хочет держать под своим полным контролем. Первой жертвой этой новой политики стала компания «Шелл», потерявшая (вместе со своими японскими партнерами «Мицуи» и «Мицубиси») контроль над месторождением «Сахалин-2» – крупнейшим проектом по производству сжиженного природного газа (22 млрд. долларов). «Газпром», проведя фронтальную атаку на российское министерство природных ресурсов, получил за 7,4 млрд. долларов контрольный пакет этого проекта.

Централизация власти, произошедшая в течение второго срока президентства В.Путина, неотделима в России от управления экономикой. Понимая, что процесс принятия решений в этой стране сильно персонифицирован, растущее число иностранных предпринимателей основывает организацию своего бизнеса на личных отношениях со все более могущественной российской бюрократией. После дела ЮКОСа мало кто из инвесторов осмеливается испытывать терпение российских властей, критикуя местные порядки в области корпоративного управления. Инвесторы, готовые принять дальнейшее укрепление политической власти, рассчитывают на большую стабильность и лучшие условия для ведения своего бизнеса.

Иностранным инвесторам в России открыт доступ ко многим неэнергетическим секторам, обеспечивающим выгодный бизнес. Например, предприниматели, специализирующиеся на аутсорсинге, обнаружили, что опасность оказаться лицом к лицу с государственной компанией, занимающейся кражей технологий и последующим вытеснением иностранцев с рынка, в России гораздо меньше, чем в Китае.

По мнению П. Синатти, факты опровергают тревожные сообщения о рисках инвестирования в России. Суть в том, что деловой климат отличается от политического: политический – напряжен и неопределен, деловой – наоборот. На XI экономическом форуме в Санкт-Петербурге (2007 г.) были подписаны контракты на общую сумму 13,54 млрд. долларов (против 1 млрд. годом ранее); это показывает, что даже при наличии определенных рисков в России крупные западные компании их не боятся. В конце концов, риск – неотъемлемая часть рыночной игры, особенно если компенсацией является высокий уровень прибыли. В 2006 г. у 1/3 иностранных инвесторов в России прибыль выросла на 30%¹².

Социальный аспект

Наряду с констатацией огромных масштабов инвестиционного процесса, развернувшегося в России за последние несколько лет, и наличия у страны колоссальных ресурсов для обеспечения экономического роста, итальянская пресса отмечает недостаточность усилий государства в области решения социальных проблем. К ним относится, прежде всего, демографическая проблема. В случае продолжения нынешних неблагоприятных тенденций население России через 20 лет сократится до 120 млн. человек, а продолжительность жизни мужской его части снизится до 53 лет. Высокая смертность в России обусловлена двумя факторами – стилем жизни и уровнем медицинского обслуживания. Курение и алкоголизм играют ключевую роль, но и состояние здравоохранения ухудшается, Система медицинского наблюдения за здоровьем граждан перестала функционировать. Широко распространен туберкулез, особенно в местах заключения.

¹¹ <http://www.intesa24.it/Csi/Bollettini/Editoriale/39.htm>

¹² <http://www.ilsole24Ore-com/art/SoleOnline4/Attualita%20ed%/20/Esteri>

По официальным данным, каждый десятый иммигрант болен туберкулезом, СПИДом или гепатитом¹³.

К отрицательным социальным тенденциям относится бурный рост игорного бизнеса (оборот в 2007 г. – 7,5 млрд. долл., темпы роста – около 20% в год), в котором занято не менее 500 тыс. человек и значительная часть которого находится в руках криминальных группировок. По данным World Cfsino Directory, Москва стоит на третьем месте в мире, после Лас-Вегаса и Майами, по численности казино (официально их 60). В случае реализации постановления об устранении их из столицы городской бюджет может потерять 8% своих поступлений. Однако, согласно одному из исследований, на каждый доллар прибыли в этой индустрии приходится 7 долларов дополнительных бюджетных расходов, связанных с его социальными последствиями для людей, психологически зависимых от этого вида досуга¹⁴.

Оценка общего хода реформ

Комментарии экспертов, хорошо знающих Россию, по поводу общего хода реформ окрашены скептицизмом и чаще негативны. Так, известный журналист Дж. Кьеца¹⁵ считает, что в плане реформ за последние 8 лет было сделано «очень мало или ничего». Произошло, в сущности, только перераспределение командных постов, в результате которого огромные денежные потоки, связанные с энергоэкспортом, а также контроль над сферой информации сосредоточились в руках верхнего узкого эшелона власти. Положительные социальные последствия этого процесса сводятся к достижению регулярности выплат пенсий и пособий, экономические – к улучшению макропоказателей, выплате внешнего долга и росту золотовалютных резервов. Все это, однако, в итоге представляет собой типично «советскую картину», нисколько не изменяющую лицо России как экономики почти исключительно сырьевой специализации. Практически нет поддержки малого и среднего бизнеса – ввиду отсутствия кредитной политики, способной оживить эту часть предпринимательства. Растущая коррупция душит в зародыше возможность развития динамичного, творческого среднего класса. Аграрный сектор пригвожден к земле, поскольку большая часть снабжения страны продовольствием осуществляется за счет импорта. Рост потребления в основной своей части идет за счет потребления предметов роскоши, доступных только сверхбогатому слою населения, численность которого составляет не более 3%. Властная вертикаль сверху донизу коррумпирована, поэтому бюрократический аппарат неспособен принимать решения, имеющие общенациональный интерес. В условиях борьбы частных интересов отдельных групп эффективность этого аппарата не гарантирована.

Энергетическое сотрудничество

Значимость этой темы для Италии определяется высокой степенью зависимости от импорта энергетических ресурсов (85%, при среднем показателе для Европы – 53%). Итальянская электроэнергетика на 44% обеспечивается поставками газа, составляющими 90 млрд. куб. м в год, который страна получает поровну из России и Алжира. В проекте находятся 13 заводов по производству сжиженного газа суммарной мощностью 70 млрд. куб. м, однако пока работает только один. Государственная компания «ЭНИ» (6,5 млн. клиентов рынка газа) является крупнейшим контрагентом «Газпрома» в Европе. В 2007 г. между ними было подписано соглашение о регулярных поставках этого ви-

¹³ http://portalino.org/russia/index.php?option=com_content&task=view&id=22&Itemid

¹⁴ Il Sole-24 Ore, 10.01.2007.

¹⁵ Limes, N 6, 2006. P.239-245. Джульетто Кьеца в течение 20 лет был специальным корреспондентом в Москве газет «Унита» (1980 – 1990 гг.) и «Стампа» (1990 – 2000), а также различных телеканалов. Автор нескольких книг о России. Депутат Европарламента.

да сырья в Италию с 2017 по 2035 гг. и о прямых продажах его «Газпромом» на итальянском рынке¹⁶.

В связи с двукратным прекращением или приостановкой Россией поставок газа через Украину и нефти через Белоруссию С. Росси задается вопросом, насколько оправданы опасения относительно надежности России как энергетического партнера.

В 10 – 18-летней перспективе, полагает он, европейские страны не должны строить иллюзий: их зависимость от энергетического импорта обречена расти, пока удельный вес альтернативных источников не будет значительно увеличен. Атомная энергия нигде, за исключением Франции, не будет играть большой роли. Вряд ли также удастся проводить эффективную общеевропейскую энергетическую политику; скорее можно надеяться на лучшую координацию действий между крупными компаниями разных стран, с тем чтобы противостоять возникающим трудностям. Наконец, даже диверсификация источников энергоснабжения не сможет изменить того факта, что России суждено оставаться главным поставщиком энергоресурсов для Европы.

Проблема, по его мнению, лежит глубже: несмотря на значительные энергетические ресурсы, совокупность факторов – политико-административных, технологических и инфраструктурных – может привести Россию уже в ближайшее десятилетие к ситуации энергетического дефицита, и, как следствие этого, для нее возникнут трудности в выполнении роли стабильного поставщика. Рост энергопотребления в самой России в 2006 г. резко ускорился, тогда как темпы добычи нефти и газа снизились до 2,4% против 6-8% в начале 2000-х гг.

Имеющиеся у государства планы предусматривают увеличение добычи нефти к 2015 г. до 530 млн. т (против 480 млн. т в 2006 г.), из которых 310 пойдут на экспорт. Но капиталовложения, осуществляемые национальными компаниями, пока невелики, и даже в случае выполнения этой программы доля России в мировых поставках нефти может сократиться на 3-5 пунктов. По газу опасность дефицита еще больше: к 2015 г. добыча должна достичь 740 млрд. куб. м (в 2006 г. – 656,2 млрд.), из которых 290 млрд. предназначаются для экспорта. Однако при одновременном росте внутреннего потребления и внешнего спроса возможный дефицит газа составит не менее 75-100 млрд. куб. м.

Если Россия не распутает узлы и противоречия своей энергетической политики, делает вывод С. Росси, она не сможет оставаться достойным доверия участником энергодиалога и рискует понести урон в качестве мирового поставщика. Первый такой узел проблем лежит в политико-административной плоскости, где много неопределенности, юридических и иных ограничений и недоверия в отношении частных и иностранных инвестиций. Из-за амбиций «Газпрома» Россия рискует опоздать с осознанием того факта, что ей не хватит финансовых возможностей в одиночку осуществить необходимые вложения. Второй узел проблем связан с технологическим отставанием России, причем не только в области современных технологий добычи сырья в высоких арктических широтах и на большой глубине, но и в области более простых технологий очистки нефти. К этому следует добавить плачевное состояние значительной части нефте- и газопроводов, находящихся в эксплуатации¹⁷.

Проблема для Италии заключается не в ценах на газ, которые может установить «Газпром», а в том, какое количество газа у него имеется, пишет М. Николацци в журнале «Лимес»¹⁸. «Газпром» уже потерял несколько лет из-за нехватки средств для разведки новых месторождений. Объявленных ныне инвестиций в размере 69 млрд. долларов на ближайшие 4 года хватит только на то, чтобы поддержать текущие поставки. Необходимого расширения производства сразу достичь не удастся: ввод в строй двух крупней-

¹⁶ <http://www.eventi-eni.it/media/2007/07>; <http://www.repubblica.it/2007/09/sezioni/economia/gas-rischio>

¹⁷ Il Sole-24 Ore, 25.01.2007.

¹⁸ Limes, N 6, 2006. P. 137-152.

ших месторождений, Ямала и Штокмана, обойдется по крайней мере в 80 млрд. долларов, но даже при энергично предпринятых мерах добыча начнется не раньше 2011 года.

Покрытие растущего внутреннего спроса на газ возможно за счет ресурсов центральноазиатских стран, но и для этого потребуется несколько лет. Следовательно, для удовлетворения совокупных потребностей в ресурсах для внутреннего и внешнего рынка «Газпрому» придется наращивать экспорт еще быстрее, чем производство.

Комментируя изменение курса энергетической политики России в связи с пересмотром проекта «Сахалин-2», итальянские эксперты пишут, что этот случай послужил возобновлению бесконечной дискуссии о правовой защите интересов иностранных компаний в России и о неясности границ, разделяющих в этой стране государство и рынок. Россия безусловно нуждается в капитале и ноу-хау западных инвесторов для модернизации своей инфраструктуры, без чего ей не осуществить своих геополитических планов в области энергетики. Так, у нее нет средств доставки сибирского газа в Китай; огромные прибыли, получаемые «Газпромом» и «Роснефтью», не удается вкладывать в инфраструктуру, так как они либо растекаются по направлениям, дающим быструю прибыль (например, в недвижимость и телефонную связь), либо используются для поддержки депрессивных производств, от которых лучше было бы совсем отказаться (например, автомобильная промышленность и гражданская авиация).

Экономическая политика России, не проводящая четкой грани между государством и рынком, кажется итальянским экспертам все менее либеральной и все менее социально ориентированной. Высокие цены на энергоносители подстегивают инфляцию, которую рестриктивная политика Центрального банка не может сдерживать и в основе которой лежит систематическое опережение роста заработной платы над ростом производительности. Кроме того, энергетический экспорт способствует непрерывному повышению эффективного обменного курса рубля, что угнетает другие виды экспорта (так называемая «голландская болезнь»). Колоссальные поступления от вывоза энергосырья сокращают стимулы для выстраивания зрелой налоговой системы, питают коррупцию в государственном аппарате и служат средством выравнивания доходов конкурирующих между собой групп интересов. По-видимому, Россия мало что извлекла из опыта нефтяных стран Ближнего Востока, и ее видимое преимущество обладания энергетическими ресурсами превращается в своего рода проклятие¹⁹.

Анализ материалов итальянской печати свидетельствует о том, что наиболее трезвое и детальное представление об экономических и социальных процессах, протекающих в России, дает специализированная деловая пресса. Ее постоянное внимание к этой тематике объясняется не только растущей значимостью российского рынка для итальянского бизнеса, включая достаточно широкие круги малого и среднего предпринимательства этой страны, но и осознанием необходимости российско-итальянского энергетического диалога и сотрудничества, носящего стратегический характер.

¹⁹ <http://www.progettohumus.it/forum/vietopic.php?p=928&sid>

И.А.Подколзина

Отказ от двойственности целей как инструмент повышения доверия к действиям центрального банка: российская денежно-кредитная политика в исследованиях европейских экономистов

Становление в России основ рыночной экономики стимулировало всплеск интереса со стороны западноевропейских исследователей, политиков и публицистов к российским социальным и экономическим проблемам. Вопрос о том, какое место займет Россия в системе мировых экономических отношений, стал актуальным в западноевропейской экономической науке. Период 1990-х – начала 2000-х гг. характеризуется активным формированием в европейских странах учебных и научно-исследовательских центров, специализирующихся на изучении политических и экономических тенденций в современной России. В официальных кругах повышенное внимание к России продиктовано необходимостью выстраивания политических и экономических отношений с государством, на протяжении многих лет противопоставлявшимся западному миру как «закрытая» страна с плановой экономикой и подавленной демократией, имевшим сильные позиции на политической арене и в мировой торговле. Исследования российских экономических проблем, проводимые европейскими деловыми кругами, носят прикладной характер: многообещающие инвестиции на развивающемся рынке целиком зависят от стабильности и перспектив экономики.

Внимание западноевропейских экономистов к проблемам российской денежно-кредитной политики заметно усилилось в связи с активизацией процессов европейской интеграции и расширением ЕС. Следует отметить, что изучение российского опыта представляет для европейских исследователей не только практический, но и теоретический интерес. С одной стороны, Россия находится в сфере экономических интересов ЕС, с другой – предоставляет обширный материал для изучения процессов, происходящих в денежно-кредитной сфере в условиях перехода от плановой экономики к рыночной. Данные обстоятельства обуславливают множественность подходов к изучению российской специфики, позволяя рассматривать ее и в качестве отдельного предмета исследования, и в качестве одного из объектов сравнительного анализа. В работах европейских ученых политика Банка России, как правило, учитывается при анализе денежно-кредитной политики и ее последствий в восточноевропейских странах, странах СНГ либо в группе стран, с которыми ЕС развивает активное экономическое сотрудничество (например, Россия, Украина и Турция).

Что касается тематики работ, то наибольший интерес экономистов вызывают принципы проведения денежно-кредитной политики в России, вопросы разработки и реализации антиинфляционной политики и проблемы формирования равновесных валютных курсов, т.е. курсов, соответствующих паритету покупательной способности. С учетом сырьевого характера российской экономики, существенное внимание в последние годы уделяется проблемам, вызванным распространением в стране «голландской болезни» – феномена, проявляющегося в снижении темпов роста обрабатывающей промышленности в связи с ревальвацией рубля, обусловленной ростом цен на мировом рынке нефти. Кроме того, в ряде работ рассматривается периодизация российской денежно-кредитной политики, проводится анализ действующей модели в контексте мирового опыта и предлагаются рекомендации по решению текущих проблем.

Проблема реализации антиинфляционных мер является ключевой темой исследований, проводимых европейскими учеными в области российской денежно-кредитной политики. Политическое давление на Банк России вынуждает его предпринимать действия, направленные на одновременное достижение двух целей – сдерживания инфляци-

онного давления и стабилизации валютного курса, однако попытки совмещения различных методов денежно-кредитного регулирования оказываются малоэффективными. Между тем, даже сторонники таргетирования инфляции среди руководителей российского центробанка вынуждены признать проблематичность проведения кардинальных изменений в сложившихся условиях.

В отношении Банка России европейские экономисты отмечают сложность использования для анализа его политики стандартных монетарных правил. Они объясняют это переходным характером российской экономики и происходящими в ней структурными изменениями, а также резкими колебаниями макроэкономических показателей, ненадежностью статистических данных и несоответствием в отдельные периоды заявленных принципов реальным действиям центробанка. В частности, эксперты немецкого Института мировой экономики (г. Киль) Лусио Виньяс де Соуза, Акрам Эсанов и Кристиан Меркль¹ для анализа политики Банка России используют три метода, основанные на правилах Тэйлора² (1993)³, МакКаллума⁴ (1998)⁵ и, в меньшей степени, Болла⁶ (1998)⁷. В ходе исследования ученым удается выяснить, что, в отличие от большинства развивающихся стран, имеющих схожие характеристики с Россией, правило Тэйлора не может с достаточной степенью надежности объяснить политику Банка России, тогда как более приемлемым оказывается правило МакКаллума. Правило Тэйлора предполагает использование процентной ставки в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики и объясняет ее динамику в зависимости от темпов роста ВВП и уровня инфляции. В свою очередь, правило МакКаллума оперирует темпами роста денежной базы. Авторы работы приходят к выводу, что в исследуемый период (с 1993 по 2002 г.) Банк России в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики использовал денежные агрегаты.

Принципиальные сдвиги в направлении денежно-кредитной политики происходят в 1995 г. с изменением валютного режима и введением привязки рубля к доллару: если до этого времени центробанк был в значительной степени ориентирован на подавление инфляции, то после 1995 г. на первый план выходит задача стабилизации валютного курса. Выводы немецких авторов в отношении России не совпадают с выводами аналогичных исследований, проводившихся по другим странам с развивающейся экономикой, в том числе по странам Латинской Америки⁸, где правила, ориентирующиеся на процентные ставки, достаточно хорошо объясняли политику центральных банков.⁹

¹ Esanov A., Merkl K., Vinhas de Souza L. Preliminary Evaluation of Monetary Policy Rules for Russia, Kiel Working Paper No. 1201, Kiel Institute for World Economics, 2004;

Esanov A., Merkl K., Vinhas de Souza L. Monetary Policy Rules for Russia, BOFIT, 2002

² Правило Тэйлора в настоящее время чаще остальных применяется для моделирования политики центральных банков большинства стран мира. Данное правило было изложено Тэйлором в работе 1993 года, стимулировавшей всплеск интереса к исследованиям в области денежно-кредитной политики.

³ Taylor, J. (1993). Discretion versus policy rules in practice, Carnegie-Rochester Conference on Public Policy 39, 195–214, North Holland.

⁴ Правило МакКаллума широко применялось при разработке принципов денежно-кредитной политики до начала 1990-х годов.

⁵ McCallum, B. (1988). Robustness properties of a rule for monetary policy, Carnegie-Rochester Conference Series on Public Society 29, (North-Holland) 173–204.

⁶ Правило Болла, оперирующее средневзвешенным значением величин номинальной процентной ставки и обменного курса, используется редко из-за проблем с определением «веса» переменных.

⁷ Ball, L. (1998). Policy rules for open economies, NBER Working Paper No. 6760.

⁸ Необходимо отметить, что реализация политики таргетирования инфляции в странах Латинской Америки сопровождалась высокими экономическими издержками.

⁹ Mohanty, M. and Klau M. (2003). Monetary policy rules in emerging market economies, Issues and Evidence, Working Paper presented at the Kiel Workshop for Monetary Policy and Macroeconomic Stabilization in Latin America, Kiel Institute for World Economics, 11–12 September 2003.

В отличие от большинства центробанков, использующих процентные ставки в качестве основного инструмента денежно-кредитной политики, для Банка России учетная ставка имеет номинальный статус, так как механизм рефинансирования на практике работает довольно слабо. Британские экономисты Бриджитт Гранвилль и Сушанта Маллик¹⁰ объясняют это историческим преобладанием кредитных схем в механизме воздействия денежно-кредитных мер на экономику. После распада Советского союза Россия столкнулась с необходимостью преодоления попыток экономического регулирования привычными методами централизованного управления, при котором бюджетное финансирование и кредитное финансирование на практике различались слабо. Как следствие, роль центрального банка не была четко определена, и в течение некоторого времени он действовал как правительственный банк, обеспечивающий ликвидность системы без учета реакции на его действия финансовых рынков. В другие временные периоды рынок либо осуществлял посреднические функции при проведении рестриктивной денежной политики, либо становился источником финансирования слабой банковской системы. В любом случае, эконометрический анализ, проведенный учеными, не выявил прямой зависимости между процентными ставками и инфляцией.

Польские экономисты Марек Дабровски, Войцех Пачицки и Юкаш Равданович при анализе политики Банка России в период с 1995 по 2001 г.¹¹ прослеживают взаимосвязь между денежным предложением и валютным курсом, с одной стороны, и уровнем инфляции – с другой. Анализ данных показывает, что до августа 1998 г. индекс потребительских цен четко следует за растущим агрегатом M2, тогда как динамика валютного курса является запаздывающей (рубль медленно дорожает в реальном выражении). Августовский кризис становится переломным моментом, а девальвация рубля – основным фактором, стимулировавшим рост цен, тогда как изменения M2 происходят с лагом по отношению к инфляции. Еще одна смена тенденций отмечается в январе 2000 г., когда на фоне увеличения денежного предложения происходит укрепление рубля в реальном выражении.

Между тем, по утверждению авторов работы, основные факторы, стимулировавшие инфляционные процессы в экономике, с течением времени претерпевают значительные изменения. Если до 1999 г. инфляция провоцируется дефицитной бюджетной политикой, то в 2000-2001 гг. источниками инфляционного давления в экономике начинают выступать такие процессы, как формирование огромного активного сальдо платежного баланса и быстрый рост валютных запасов Банка России. Эксперты утверждают, что в попытках одновременного таргетирования денежного предложения и обменного курса центробанк начинает загонять себя в ловушку, так как координация обеих целей нереализуема в условиях свободного движения капитала и нестабильного спроса на деньги.

Проблема соотношения темпов роста денежной массы и инфляции в России рассматривается в работе Нинке Оомс и Франциски Онзорге¹², экспертов европейского департамента МВФ. Специфика данной работы состоит в том, что для выявления корре-

Minella, A., P. Springer de Freitas, I. Goldfajn, M. Kfoury Muinhos (2003). Inflation targeting in Brazil: Constructing credibility under exchange rate volatility, *Journal of International Money and Finance*, 27(7): 1015–1040.

(продолжение сноски) Torres Garcia, A. (2003). Monetary policy and interest rates: evidence from Mexico, Working Paper presented at the Kiel Workshop for Monetary Policy and Macroeconomic Stabilization in Latin America, Kiel Institute for World Economics, 11–12.

¹⁰ Granville B., Mallick S. Does inflation or currency depreciation drive monetary policy in Russia? *Research in International Business and Finance* 20 (2006), p. 163-179

¹¹ Dabrowski M., Paczycki W., and Rawdanowicz J. Inflation and Monetary Policy in Russia: Transition Experience and Future Recommendations. Center for Social and Economic Research, Warsaw, 2002

¹² Oomes N. and Ohnsorge F. Money Demand and Inflation in Dollarized Economies: The Case of Russia, IMF Working Paper, European Department, July 2005

ляции между этими показателями авторы учитывают такой фактор, как объем иностранной валюты в обращении. Статистическая картина выглядит следующим образом. В 2003 г. темпы роста денежной массы в России ускорились с 35% до 50%, тогда как инфляция заметно снизилась – с 15% до 12%; с 2004 г. отмечается противоположная тенденция: темпы роста денежной массы снижаются (с почти 60% до приблизительно 25% к середине 2005 г.), тогда как инфляция ускоряется. Однако в значительной степени усиление инфляции в тот период определялось временными или сезонными факторами, а это означает, что стержневая инфляция оставалась приблизительно на одном уровне. Тем не менее, указанная стабильность стержневой инфляции едва ли может быть соотнесена с резким снижением темпов роста денежной массы.

По мнению авторов, объяснить данное явление можно только с учетом активов в иностранной валюте. Поскольку с начала 1990-х гг. иностранная валюта, преимущественно доллар, выполняла все стандартные функции денег в России, необходимо включать валютные активы, находящиеся вне банковской системы, в определение денежной массы. В отличие от большинства стран, где данные об объемах валюты в обращении отсутствуют, в России подобная статистика есть. Несмотря на то, что эта статистика не очень точная, отчетливо прослеживается тенденция быстрой долларизации экономики (увеличение доли иностранной валюты в обращении и на депозитах) до конца 1999 г., и противоположная тенденция – дедолларизация – в последующие годы. Доля иностранной валюты в обращении в общем объеме денежного спроса к 2005 г. существенно уменьшилась, при этом снижение в значительной степени было компенсировано увеличением доли рублевых депозитов и, в меньшей степени, рублевой наличностью.

По утверждению ученых, статистические данные указывают на то, что темпы долларизации могли быть тесно связаны с динамикой валютного курса. Рост широкой рублевой денежной массы ($M2$ – рублевая наличность плюс депозиты) замедлялся в периоды снижения курса рубля (напр., в течение 2001-2002 гг.) и ускорялся в периоды укрепления российской валюты (в частности, в 2003 г.). Объяснением данной ситуации может являться то обстоятельство, что ослабление рубля увеличивает доходность в иностранной валюте и, следовательно, ускоряет процесс долларизации, тогда как укрепление рубля повышает доходность рублевых активов, стимулируя тем самым противоположный процесс. В той степени, в которой процессы долларизации и дедолларизации обуславливаются сдвигами в структуре портфельных инвестиций, рост эффективной широкой денежной массы (определяемой как $M2$ плюс депозиты в иностранной валюте плюс иностранная валюта в обращении) будет более стабильным, чем рост широкой рублевой денежной массы. При этом именно избыток эффективной широкой денежной массы является значимым фактором усиления инфляционного давления, тогда как рост более узких денежных агрегатов существенного влияния на инфляцию не оказывает.

Что касается периодизации российской денежно-кредитной политики, то в переломном характере 1995 г. сходятся все исследователи. По мнению немецких ученых, до середины 1995 г. денежно-кредитная политика Банка России фактически ограничивалась необходимостью финансирования огромного бюджетного дефицита, вызванного, главным образом, резким падением производства. Об относительно самостоятельной политике Банка России можно говорить именно с 1995 г., когда российская экономика начала демонстрировать признаки стабилизации, и были приняты законодательные акты, предоставившие центрбанку определенную степень независимости в проведении денежно-кредитной политики.

Британские экономисты придерживаются периодизации в зависимости от приоритетности задач, стоявших перед центрбанком, но 1995 год и в этой схеме также является пограничным. В периоды с июля 1992 г. по июнь 1995 г. и с сентября 1998 г. по

февраль 2005 г.¹³ политика центробанка преимущественно была подчинена решению задачи сдерживания инфляции, тогда как задача стабилизации валютного курса выходила на первый план в период с июля 1995 г. по август 1998 г. В обоих случаях эксперты видят источник проблем в использовании руководством страны макроэкономической политики в качестве непосредственного инструмента решения социальных вопросов и снижения социальной напряженности. В период, предшествовавший августовскому кризису 1998 г., проведение подобной политики наталкивалось на недостаток финансирования и, следовательно, приводило к необходимости увеличения объемов государственного заимствования. Последовавший затем рост стоимости энергоносителей на мировом рынке позволил преодолеть бюджетный дефицит, однако привел к укреплению реального курса рубля. В результате центробанк оказался перед выбором: сокращать инфляцию для обеспечения стабильности экономического развития или сдерживать реальный курс рубля в целях поддержания конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей. Банк России предпочел политику сдерживания обменного курса: покупая валюту на рынке, он тем самым увеличивал денежное предложение и стимулировал рост цен. В итоге инфляция составила 11,7% в 2004 г., лишь незначительно снизившись по сравнению с предыдущим годом, когда этот показатель был зафиксирован на отметке 12%.

**Динамика курса рубля к доллару, 1 января 2000 г. – 28 сентября 2007 г.
(рублей за доллар)**

Источник: Банк России

Польские экономисты отмечают, что выбраться из ловушки, в которую себя загнал российский центробанк, можно лишь отказавшись от двойственности целей путем установления фиксированного курса рубля либо проведением политики таргетирования при плавающем валютном курсе. Учитывая традиционное недоверие к макроэкономической политике государства со стороны экономических агентов и недостаточное развитие трансмиссионного механизма, т.е. такого механизма, посредством которого изменение процентной ставки воздействует на экономику и инфляцию, переход к таргетированию инфляции в России польские эксперты считают преждевременным. В качестве более приемлемой схемы они рассматривают таргетирование денежного предложения, кото-

¹³ В феврале 2005 г. Банк России отказался от привязки рубля к доллару и перешел к использованию бивалютной корзины, состоявшей на тот момент из 0,10 евро и 0,90 долларов. Позднее соотношение валют было изменено до 0,45 евро и 0,55 долларов.

рое, согласно исследованию, имеет определенные корни в политике российского центробанка и может быть относительно легко реализуемо в дальнейшем. Тем не менее, по мнению польских ученых, предпочтительным вариантом, хотя и не лишенным недостатков, является переход к режиму фиксированного валютного курса. В связи с тем, что Россия является крупным экспортером сырьевых товаров, стоимость которых подвержена значительным колебаниям, изменение конъюнктуры на мировом товарном рынке способно вызвать значительные сдвиги в состоянии платежного баланса страны и, как следствие, в динамике валютного курса. Это означает, что в периоды высоких цен на нефть рубль будет дорожать в номинальном выражении, а в периоды снижения товарных цен – дешеветь. Эксперты отмечают, что ни один валютный режим не способен оградить экономику от подобных потрясений, тогда как определенную поддержку денежно-кредитной политике могут оказать меры бюджетного характера, например, отчисление части нефтеэкспортной выручки в стабилизационный фонд.

В свою очередь, немецкий экономист Гюнтер Шнабль¹⁴, занимающийся изучением российской валютной политики, предлагает акцентировать внимание на стабилизации курса рубля по отношению к бивалютной корзине и перейти к таргетированию валютного курса как к основному и единственному направлению политики центробанка. Аналогично другим исследователям он подчеркивает неэффективность действий Банка России, направленных на одновременное решение задач по снижению инфляции и сдерживанию курса рубля, а также возможного таргетирования двух показателей, инфляции и обменного курса. В качестве позитивных сдвигов в российской валютной политике Шнабль отмечает усилившуюся в 2005 г. прозрачность действий Банка России. Речь идет, в частности, о переходе к использованию бивалютной евро-долларовой корзины в качестве операционного ориентира курсовой политики с 4 февраля 2005 г. и последующем увеличении в этой корзине доли единой европейской валюты. Все эти действия сопровождались соответствующими заявлениями, что несколько укрепило доверие экономических агентов к политике центробанка.

Британские и немецкие ученые рекомендуют Банку России сместить акценты в денежно-кредитной политике в сторону обеспечения ценовой стабильности, сократив при этом масштабы интервенций на валютном рынке. Слабость этой позиции обусловлена тем, что основным инструментом регулирования в данном случае должны стать краткосрочные процентные ставки, имеющие, по мнению этих же авторов, номинальный статус и не использовавшиеся ранее в качестве прямого инструмента денежного регулирования. В частности, британские экономисты продемонстрировали в своей работе, что процентные ставки в рассматриваемый период в большей степени были связаны с колебаниями валютного курса, нежели с изменениями уровня инфляции. Переход к политике процентных ставок, сопровождающейся таргетированием инфляции и установлением режима плавающего валютного курса, подразумевает развитие соответствующего механизма передачи денежных импульсов в экономику, а также повышение роли финансовых рынков и укрепление доверия экономических агентов к политике центробанка. В этом случае можно рассчитывать на то, что политика таргетирования инфляции позволит координировать инфляционные ожидания и сдерживать ценовое давление.

Практики таргетирования инфляции придерживается ряд центральных банков ведущих индустриально-развитых стран и регионов, в частности, Европейский центральный банк, Банк Англии, центральные банки Швеции, Канады, Австралии и ряда других государств. Этот метод получил широкое распространение в середине 1990-х гг. благодаря относительной простоте реализации и эффективности. Преимущество данного метода заключается в том, что установление целевого уровня инфляции в качестве номинального якоря создает условия для прогнозирования действий центрального банка и

¹⁴ Schnabl G. The Russian Currency Basket. The Rising Role of the Euro for Russia's Exchange Rate Policies. Tübingen University, Department of Economics and Business Administration. December, 2005

формирования системы принятия решений экономическими агентами. Сторонником таргетирования инфляции является и действующий глава Федеральной резервной системы США Бен Бернанке¹⁵, тогда как его предшественник Алан Гринспен не поддерживал идею перехода к установлению целевых ориентиров монетарной политики.¹⁶

Что касается развивающихся стран и стран с переходной экономикой, то выбор основного направления денежно-кредитной политики не является очевидным. Такие факторы, как давление со стороны правительства и недоверие со стороны населения, неустойчивая экономическая конъюнктура и резкие колебания валютного курса, требуют от центральных банков одновременного решения нескольких задач, плохо согласующихся друг с другом. Это приводит к совмещению, иногда неэффективному, разных методов денежно-кредитной политики, при этом в качестве номинального якоря, помимо инфляции, могут использоваться обменный курс, денежные агрегаты или различные их сочетания. Кроме того, заметное влияние на политику центробанков стран с переходной экономикой оказывают недостаточная эффективность финансовых рынков и проблемы институционального характера. Поскольку исследования денежно-кредитной политики в этих странах требуют специфических методов анализа и осложняются недостатком надежной статистической информации, их проводится существенно меньше, чем аналогичных исследований в ведущих странах.

В последние годы акцент в зарубежных исследованиях российской денежно-кредитной политики сместился к выявлению симптомов «голландской болезни», демонстрируемых экономикой страны. Наличие в России признаков «голландской болезни» отмечается уже в работах 2003-2004 гг., однако с постановкой окончательного диагноза в тот период эксперты не торопятся. Так, исследуя проблему формирования равновесных валютных курсов в восточноевропейских странах, эксперт Национального Банка Австрии Балас Эгерт¹⁷ приходит к выводу, что реальный валютный курс в России может объясняться не только традиционными факторами фундаментального характера, но и таким явлением, как «голландская болезнь». С первыми конкретными предупреждениями о том, что Россия становится «классической жертвой» этого неприятного феномена, в 2005 г. выступает рейтинговое агентство Standard and Poor's. Параллельно с ним в том же 2005 г. аналитики Всемирного банка констатируют, что повышение курса рубля приводит к снижению темпов роста в ряде отраслей российской обрабатывающей промышленности, а это, в свою очередь, является одним из существенных признаков «голландской болезни».

В экономической литературе Россию относят к странам, в отношении которых действует так называемое «ресурсное проклятье». Согласно данной гипотезе, экономическое развитие стран, имеющих большие запасы природных ресурсов, в среднем происходит медленнее, чем стран, этими запасами не обладающих. Существует несколько объяснений этого парадокса. Одно из них предполагает, что наличие больших запасов природных ресурсов в стране стимулирует борьбу за контроль над ними, а это, в свою очередь, негативно сказывается на институциональном развитии и темпах экономического роста. Другое объяснение основано на нестабильности цен на сырьевые товары, отрицательно сказывающихся на темпах экономического роста и, в конечном счете, приводящих к завышению стоимости капитала, падению объемов инвестиций и сниже-

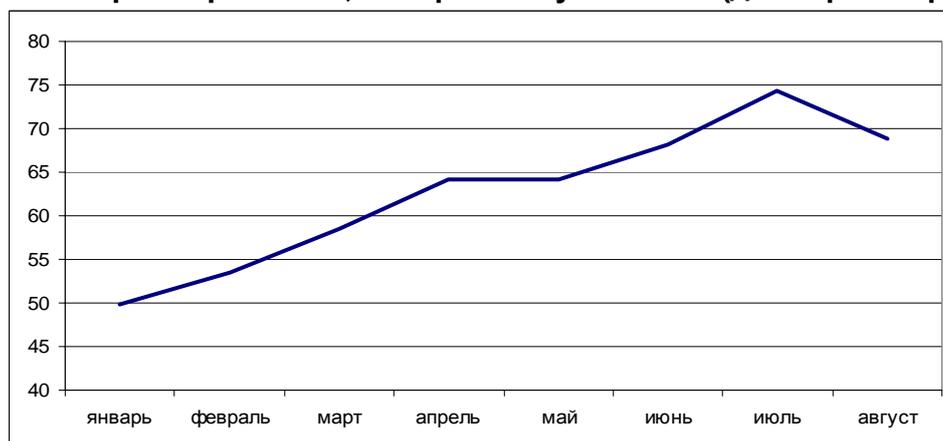
¹⁵ Bernanke, B., Laubach T., et al. (1999). Inflation Targeting: Lessons from the International Experience. Princeton, Princeton University Press.

¹⁶ Желание продемонстрировать преемственность и избежать резких изменений в методах проведения политики считаются основными причинами, по которым ФРС воздерживается от провозглашения целевого уровня инфляции. Впрочем, по мнению экспертов, в настоящее время при проведении денежной политики ФРС руководствуется допустимым уровнем инфляции в 1,5-2%, но не фиксирует этот уровень официально.

¹⁷ Egert B. Equilibrium Exchange Rates in Southeastern Europe, Russia, Ukraine and Turkey: Healthy or (Dutch) Diseased? Focus on European Economic Integration 2/2004

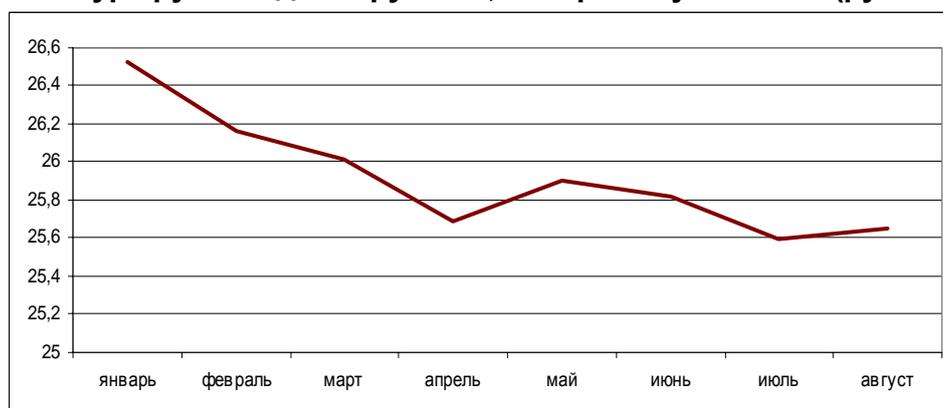
нию уровня благосостояния. И, наконец, третье объяснение связано с феноменом «голландской болезни», находящемся в центре внимания экономистов с начала 1980-х гг. Суть его заключается в том, что повышение цен на сырье и увеличение объемов производства в добывающих отраслях приводит к повышению реального валютного курса и снижению темпов роста обрабатывающей промышленности. В конечном счете, это ведет к снижению темпов экономического роста в долгосрочном периоде.

Цена на нефть сорта Urals, январь – август 2007 г. (долларов/баррель)

Источник: Банк России

Официальный курс рубля к доллару США, январь-август 2007 г. (рублей за доллар)

Источник: Банк России

К основным симптомам «голландской болезни» традиционно относят: 1) укрепление реального валютного курса; 2) замедление темпов промышленного роста; 3) ускорение темпов роста сферы услуг; 4) повышение заработной платы. Большинство исследований, посвященных этой проблеме, строятся на анализе данных признаков при одновременном отслеживании факторов экономического развития, которые могут иметь схожие симптомы.

В частности, в работе Нинке Оомс и Катерины Калчевой¹⁸, посвященной данной проблеме, признается, что рост цен на нефть ведет к ревальвации рубля, однако вопрос о том, является ли рубль переоцененным, остается открытым. Что касается второго и третьего симптомов, то, как утверждают авторы, ухудшение показателей роста обрабатывающей промышленности по сравнению со сферой услуг, не вызывающее сомнений,

¹⁸ Oomes N. and Kalcheva K. Diagnosing Dutch Disease: Does Russia Have the Symptoms? IMF Working Paper, Middle East and Central Asia Department, April 2007

может быть результатом не только «голландской болезни», но и следствием переходного характера экономики. Рост заработной платы во всех отраслях также может объясняться разными факторами, в том числе снижением доли «теневой» экономики, быстрым ростом производительности труда и общим восстановлением экономики после кризиса 1998 г.

Определенные опасения относительно появления признаков «голландской болезни» в российской экономике высказывают эксперты Европейского центрального банка Роланд Бэк, Аннет Кампс и Элица Милева¹⁹. Они отмечают, что высокая доля сырьевых товаров в структуре российского экспорта и значительное повышение курса рубля негативно сказываются на конкурентоспособности тех отраслей российской промышленности, которые не связаны с добычей и переработкой нефти.

Эксперты австрийского банка Штефан Баризитц и Симон-Эрик-Оллюс²⁰ в своем исследовании делают акцент на таком возможном следствии «голландской болезни», как, по выражению авторов, «деиндустриализация» экономики. Специфика подхода этих ученых к изучению данной проблемы состоит в том, что в основе лежит сравнительный анализ темпов роста российского промышленного импорта (на основе данных об объемах экспорта из ЕС(25) в Россию) с темпами роста внутреннего промышленного производства (на основе дезагрегированных данных по отраслям) в период с 2002 по 2006 гг. Во всех отраслях обрабатывающей промышленности, за исключением производства электротехнического оборудования и оптоволоконной техники, а также пищевой промышленности, эксперты отмечают более быстрый рост импорта по сравнению с внутренним производством. В некоторых отраслях объемы импорта превышают объемы производства. Ученые считают эту тенденцию следствием «голландской болезни», хотя и не исключают, что на отраслевые изменения могут оказывать влияние и другие факторы. Тем не менее, резюмируя исследование, эксперты констатируют, что, по крайней мере, в отдельных отраслях Россия сталкивается с развитием «голландской болезни». Таким образом, вопрос о том, действительно ли резкий рост цен на товарных рынках приводит к завышению реального обменного курса, что в итоге снижает конкурентоспособность промышленности и приводит к «деиндустриализации» экономики, решается не в пользу России.

В том случае, если замедление темпов роста обрабатывающей промышленности действительно является следствием завышенного курса рубля, необходимы меры, ограничивающие укрепление российской валюты. Такие рекомендации высказывают в своей работе Оомс и Калчева. Сдерживание роста рубля за счет инфляции и наоборот едва ли будет способствовать усилению конкурентоспособности российской промышленности, поскольку как инфляция, так и номинальная ревальвация ведет к повышению цен на российские товары за рубежом. Это, в свою очередь, снижает прибыль российских экспортеров (в равной степени нефтеэкспортеров и компаний обрабатывающих отраслей), вынужденных конвертировать иностранную валюту в рубли. По оценкам Оомс и Калчевой, валютные интервенции могут сдерживать укрепление рубля, но их действие будет весьма ограниченным. Более эффективными мерами по сдерживанию роста курса рубля эксперты считают сокращение государственных расходов в процентной доле от ВВП и увеличение налоговых поступлений – точка зрения, способная вызвать немало вопросов в условиях российской реальности, поскольку сокращение расходов нереально по политическим мотивам, а увеличение налогов нежелательно по экономическим причинам.

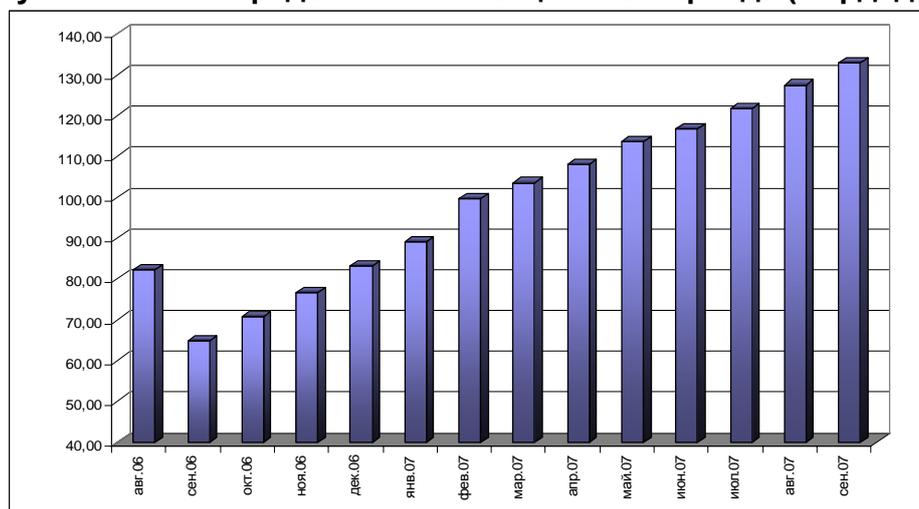
¹⁹ Beck R., Kamps A. and Mileva E. Long-Term Growth Prospects for the Russian Economy, European Central Bank, Occasional Paper Series No 58 / March 2007

²⁰ Barisitz S. and Ollus S.-E. The Russian Nonfuel Sector: Signs of the Dutch Disease? Evidence from EU-25 Import Competition, Focus on European Economic Integration 1/2007

Баризитц и Оллюс ориентируются в своих рекомендациях по противодействию «голландской болезни» на сдерживание внутреннего спроса посредством налогообложения, а также путем стерилизации части поступлений от экспорта нефти. Вопрос также состоит в том, насколько эффективно могут быть использованы средства, аккумулированные в стабилизационном фонде.

Благоприятная ценовая ситуация на мировом рынке нефти позволила России аккумулировать значительные валютные резервы в стабилизационном фонде, созданном в январе 2004 г. Первоначальными задачами фонда становятся сокращение зависимости государственного бюджета от колебаний цен на рынке нефти и стерилизация избыточной ликвидности. К 2006-2007 гг. как в российских политических и академических кругах, так и среди зарубежных ученых-экономистов преобладающим становится мнение о том, что стабилизационный фонд является одним из наиболее реалистичных методов решения проблем, связанных не только с проведением денежно-кредитной политики, но и с развитием экономики в целом. К сентябрю 2007 г. активы фонда достигли 132,91 млрд. долларов, а их валютная структура состояла из 45% долларов США, 45% евро и 10% фунтов стерлингов.

Совокупный объем средств стабилизационного фонда (млрд. долларов)

Источник: Минфин РФ

В работе Василия Астрова²¹, эксперта Венского института мировой экономики, утверждается, что фонд может отвечать решению таких задач, как поддержание макроэкономической стабильности и снижение зависимости темпов роста ВВП от динамики цен на нефть. Однако на момент публикации работы весной 2007 г. основной вопрос в отношении стабилизационного фонда заключался в том, должны ли средства фонда быть израсходованы на решение текущих задач или же использоваться в интересах будущих поколений. В России первый вариант получил негативную оценку как по причине возможной коррупции при выделении средств, так и из-за опасений относительно усиления инфляционного давления. Между тем, Астров выдвигает аргументы, которые противоречат сложившемуся мнению. Он отмечает, что высокие темпы роста ВВП страны позволяют не беспокоиться относительно обеспечения благосостояния будущих поколений; в то же время, инвестиции в инфраструктуру (посредством своего влияния на темпы роста производительности труда в различных секторах) способны противодейст-

²¹ Astrov V. The Russian Oil Fund as a Tool of Stabilization and Sterilization, Focus on European Economic Integration 1/2007

водить развитию «голландской болезни». Кроме того, увеличение финансирования государственного сектора может снизить уровень коррупции в стране.

Предложения Астрова в отношении стабилизационного фонда связаны с фиксацией определенного уровня активов и относительно свободного использования правительством оставшихся средств. Ссылаясь на оценки МВФ, он утверждает, что текущий уровень государственных расходов в России ниже оптимального и не обеспечивает максимально возможного уровня потребления в стране в долгосрочном периоде. Согласно его расчетам, государственные расходы необходимо увеличить на 5 процентных пунктов ВВП и направить их не только на стимулирование потребления, но и на инвестиции. В то же время, Астров позитивно оценивает законодательные изменения в отношении государственного бюджета и стабилизационного фонда, принятые в апреле 2007 г.

Помимо России, к практике формирования стабилизационных фондов прибегают еще полтора десятка государств, включая Норвегию, страны Ближнего Востока, Африки и Латинской Америки, а также Казахстан и Азербайджан. На Аляске действуют два нефтяных фонда, тогда как в Чили создан фонд, аккумулирующий отчисления компаний меднорудной отрасли, получающих сверхдоходы в условиях роста цен на медь. В целом, опыт использования стабилизационных фондов в других странах демонстрирует смешанную картину. В частности, в Кувейте, Норвегии и на Аляске они являются эффективным инструментом аккумулирования активов в целях сглаживания негативного влияния на финансы и экономику колебаний цен на рынке нефти и, как например, в Норвегии, в целях проведения эффективной социальной политики. В то же время, в ряде других стран – Омане, Нигерии, Венесуэле – опыт использования стабилизационного фонда является не столь позитивным, в значительной степени из-за частых изменений в правилах формирования и использования средств и отклонения от первоначальных целей.

Таким образом, практически во всех европейских исследованиях, проводимых в течение последних двух-трех лет, отмечается усиление риска для российской экономики в связи с укреплением рубля, происходящим на фоне роста мировых цен на нефть. Тем не менее, выводы экспертов относительно степени проникновения в Россию «голландской болезни» и методах противодействия ей существенно расходятся. Это расхождение объясняется, главным образом, тем обстоятельством, что отдельные симптомы «голландской болезни» могут вызываться разными причинами и являться не только следствием ревальвации рубля в условиях притока нефтедолларов в страну. Тем не менее, большинство специалистов сходится во мнении, что в настоящее время Россия имеет возможность воспользоваться благоприятной ситуацией в бюджетной сфере, сформировавшейся в связи с увеличением поступлений от нефтедобывающей отрасли, и диверсифицировать отраслевую структуру таким образом, чтобы снизить зависимость экономики от сырьевых ресурсов и цен на товарных рынках.

Все европейские исследователи политики Банка России единодушны в том, что эффективная денежно-кредитная политика может проводиться только при условии отказа от двойственной цели борьбы с инфляцией и стабилизации обменного курса. «Гибридные» режимы использовались в разных странах с переходными экономиками, однако неудовлетворительные результаты привели к отходу от этой практики, в частности, в ряде стран Восточной Европы. В Болгарии, Черногории, Боснии и Герцеговине во второй половине 1990-х гг. были изменены валютные режимы и в том или ином виде осуществлена привязка сначала к немецкой марке, а затем к евро. Немного ранее, в первой половине 1990-х гг. к режиму фиксированного валютного курса перешли прибалтийские страны: Эстония в 1992 г. привязала курс национальной валюты к немецкой марке, Литва в 1994 г. осуществила привязку к американскому доллару, а в 2002 г. – к евро; Латвия формально не вводила режим фиксированного валютного курса, но фактически следовала ему. В то же время такие страны, как Чехия, Польша, Словакия и Венгрия, пере-

шли к политике прямого таргетирования инфляционного уровня при режиме плавающего валютного курса. Политика была довольно успешно реализована в Чехии, тогда как ее осуществление в Польше проходило весьма болезненно.

Показательно, что конкретные рекомендации европейских ученых относительно выбора основного направления денежно-кредитной политики в России расходятся. При этом создается впечатление, что в основе рекомендаций лежит не только анализ российской ситуации, но и опыт проведения денежно-кредитной политики в конкретных странах. Так, экономисты из стран с развитой рыночной экономикой, то есть стран, легко адаптировавшихся к политике таргетирования инфляции, рекомендуют России именно этот вариант денежно-кредитной политики, тогда как ученые из восточноевропейских государств, где смена приоритетов центрального банка проходила не слишком гладко, предлагают рассмотреть альтернативные методы.

Многообразие рекомендаций со стороны европейских ученых подчеркивает сложность ситуации в области денежно-кредитной политики. Среди российских экспертов дискуссии относительно принципов проведения денежно-кредитной политики касаются преимущественно целесообразности перехода к таргетированию инфляции. Сомнения в реализуемости этого сценария обусловлены теми же обстоятельствами, которые отмечают и западные ученые. Недоверие экономических агентов к политике центрального банка даже в условиях декларируемого уровня инфляции способно стимулировать проинфляционные ожидания и тем самым свести на нет попытку сдерживания ценового давления. Такие факторы, как сохранение высоких цен на нефть и рост государственных расходов на социальные программы, заложенный в бюджет предвыборного года, носят проинфляционный характер. В любом случае, на данном этапе попытки Банка России расставить приоритеты и сместить акценты в сторону борьбы с инфляцией наталкиваются на серьезное политическое противодействие.

Между тем, отказ от достижения двойственной цели и переход к политике таргетирования валютного курса, поддерживаемый рядом исследователей, представляется более простым для реализации направлением политики центробанка. Существенное преимущество этого метода заключается в его прозрачности для экономических агентов. В то же время, данный метод нельзя назвать надежным в условиях высокой мобильности капитала и высокого риска валютных спекуляций. Дополнительными обстоятельствами в пользу валютного регулирования в сложившихся условиях служат опасения относительно развития в стране «голландской болезни», вызываемой ревальвацией национальной валюты в условиях роста цен на товарных рынках. На практике политика таргетирования валютного курса, неспособная в долгосрочном периоде решить проблему ценовой стабильности, может рассматриваться в качестве временного варианта в условиях формирования рыночных и институциональных механизмов. Это означает, что для смены ориентиров денежно-кредитной политики Банку России приходится ждать благоприятных внешних условий, развивая тем временем внутренние рыночные механизмы, необходимые для перехода к политике таргетирования инфляции. В заключение стоит отметить, что, несмотря на сложность текущей ситуации, проблемы, стоящие перед российской денежно-кредитной политикой, не являются уникальными в мировой практике. В частности, со схожими проблемами сталкивался целый ряд восточноевропейских стран, большинство из которых уже вошли в ЕС. Все это означает, что действующая в России модель денежно-кредитной политики не является препятствием для развития отношений между Россией и ЕС.

Н.К. Арбатова

Эксперты Европейского Союза о внутривнутриполитической ситуации в России в 2007 г.

Основными сюжетами аналитических статей и обзоров экспертного сообщества стран ЕС, посвященных внутривнутриполитической ситуации в РФ в 2007 г., являлись как тема демократии в целом, так и тема парламентских и президентских выборов в России.

Важно отметить, что критика «суверенной демократии» в России имела главным образом внешнеполитическую (и внешнеэкономическую) основу, а именно, критику неготовности России безоглядно принять позицию Запада по наиболее актуальным вопросам международной безопасности – от проблемы Косово, размещения элементов американской ПРО в Европе до иранской проблемы. Критика дефицита демократии в России строилась в соответствии с логикой: Россия не разделяет позиции демократических стран по важнейшим вопросам международных отношений, значит, Россия – не демократическая страна». Попытки нынешнего российского руководства изменить модель отношений с Западом, сложившуюся в 90-е гг., когда Россия шла на односторонние уступки по важнейшим вопросам международной жизни, будь то расширение НАТО или конфликт в бывшей Югославии, в обмен на лояльное отношение Запада к внутренней политике руководства Б.Ельцина (октябрьский кризис 1993 г., первая война в Чечне и др.) интерпретировались экспертами ЕС как отступление от демократических норм внутри России. Фактически демократия в России воспринимается лишь как следование России в фарватере внешнеполитического курса лидирующих стран Западной Европы и США. Так, в статье Клеменса Вергина «Геостратегический сапог Путина», опубликованной в газете *Die Welt* накануне саммита Россия–ЕС в Мафре, отмечалось, что политическая философия сегодняшней России носит откровенно антизападный характер. «В 1990-е гг. еще существовала надежда интегрировать Россию в ряды демократических государств. Торжество путинской «управляемой демократии» говорит о том, что этот проект потерпел неудачу. Сегодня назревает новый конфликт между системами, пусть и не обладающий идеологической остротой «холодной войны». То, что Россия последовательно становится на сторону автократических и диктаторских режимов, будь то Бирма, Северная Корея, Иран или Судан, невозможно объяснить одними лишь геостратегическими интересами. В этом проявляется инстинкт самосохранения путинской системы: один автократ защищает других автократов, ведь только совместными усилиями они могут гарантировать выживание своей системы в мире, в котором демократия пусть и не утвердилась повсеместно, но уже выиграла битву за умы людей. По крайней мере, в мире практически не осталось автократических режимов, которые бы не старались навести внешний демократический лоск. Западу можно посоветовать не провоцировать без особой нужды Россию. С другой стороны, европейцам не стоит быть столь наивными и ждать, что время уладит противоречия».

Сенатор Ив Поццо ди Борго (Yves Pozzo di Borgo) в недавно опубликованном отчете об отношениях между Европейским Союзом и Россией отмечает, что сложность заключается в «разработке модели особого сотрудничества», в которой учитывались бы особенности государства, которое не стремится стать членом Евросоюза. Каким образом можно убедить Россию уважать права человека, когда она воспринимает любое упоминание об «общих ценностях» как недопустимое вмешательство в свои внутренние дела?¹

Говоря о разрыве в ценностях между Россией и ЕС, многие европейские политологи ссылаются на опрос российского общественного мнения, проведенного по заказу

¹ Томаш Ференци (Thomas Ferenczi), *Le Monde*, 25.05.2007.

брюссельского Центра ЕС-Россия московским Левада-центром в начале 2007 г. на предмет представлений россиян о демократии и Европе в связи с нынешней ситуацией в России («Восприятие россиянами европейских ценностей»)². Представленный опрос свидетельствует о скептическом отношении россиян к Европе.

«Если европейцы рассматривают права человека, принципы правового государства и защиту частной собственности в качестве неотъемлемых составляющих демократического общества, то у россиян эти положительные ассоциации с демократией отсутствуют, – комментирует результаты опроса Фрезер Камерон, директор Центра ЕС-Россия. – Многие россияне вообще не понимают, что такое демократия. Такая же большая путаница царит в головах россиян в отношении западной рыночной модели, которая отождествляется с коррупцией, жадностью и нечестностью».³

Следствием этого скепсиса в отношении двух фундаментальных элементов европейского общества является, по мнению Камерона, общее негативное представление россиян о Европе. Европа никоим образом не воспринимается как фактор положительного влияния или как модель для подражания, но в первую очередь – как эксплуататор российского сырья и интеллектуального потенциала. «Этот дрейф в сторону от Европы после краха коммунизма должен беспокоить Европейский Союз, – считает Камерон, – а изменение этой тенденции должно стать приоритетом европейской политики».⁴

В комментарии газеты Financial Times Deutschland говорится: «В преддверии саммита председательствующая в ЕС Португалия распространила среди членов организации доклад об отношениях между ЕС и Россией, прозвучавший, как угрожающая "дипломатическая" канонада. В документе с тревогой говорится о все более агрессивной внешней политике России и выражаются опасения, что в скором будущем отношение России к ЕС может стать откровенно враждебным... Москва то и дело пытается внести раскол в ряды ЕС по важнейшим политическим вопросам. Это касается и проблемы края Косово, и американских планов по развертыванию элементов ПРО в Европе. И в вопросах энергетической политики Москва не упускает случая перессорить европейцев. На встрече в Лиссабоне представителям ЕС следует недвусмысленно заявить об этом Путину, даже если это и чревато очередным скандалом». Из этого делается вывод, что европейцам не следует любой ценой стремиться к гармоничному сосуществованию с режимом Путина. Примечательным в этом довольно жестком заявлении является то, что оно прозвучало в Брюсселе, где Россия официально считается стратегическим партнером.

Представляется, что проблема восприятия российской демократии в странах ЕС и США в действительности состоит в том, что Россия не хочет жить по старым правилам, а ее партнеры не готовы принять новые правила отношений. Сегодня российское руководство хочет от западных партнеров признания по четырем принципиальным для нее вопросам:

- признания России в качестве полноправного партнера на международной арене (а не в качестве послушного исполнителя чужих решений);
- признания права иметь и высказывать собственные интересы, как бы они ни отличались от интересов ЕС, НАТО и США (будь то проблема Косово, польское мясо или строительство элементов американской системы ПРО в Европе);
- признания права иметь особые интересы на пространстве СНГ;
- признания права проводить внутренние реформы с учетом тех особенностей внутривнутриполитической ситуации, которые сложились в результате реформ 90-х, и тех настроений в обществе, которые характеризуются сегодня сочетанием пост-версальского (унижения 90-х) и пост-веймарского (страха нищеты на выходе из кризиса) синдромов.

² www.eu-russiacentre.org, www.levada.ru

³ www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale__Politik/2007/IP02__2007/02.html - 66k -

⁴ Ibid.

Наряду с жесткой критикой «путинской России» существуют и более сбалансированные и объективные оценки. Так, в статье Джонатана Стила «Наследие Путина: Россия, которой не нужна милость Запада»⁵ отмечается, что в первую очередь Путина запомнят за стабильность и экономический рост. «После хаоса 90-х годов прошлого века, крупнейшими вехами которой были танковая атака Ельцина на парламент в 1993 году и крах практически всех банков страны в 1998-м, Путин принес с собой политическое затишье и рост на 7 процентов в год. Усилилось социальное неравенство, многие богачи эксцентричны и черствы до уродства; однако далеко не все, что Кремль заработал на нефти и газе – а заработано немало – ушло в частные карманы или сложено в кубышку государственного «стабилизационного фонда». Того, что потрачено на модернизацию школ и больниц, достаточно, чтобы народ своими глазами увидел разницу. В общем и целом уровень жизни стал выше. Вторая чеченская война, которую чаще всего ставили в упрек Путину, практически завершена... Нынешняя Россия не соревнуется с Западом и не противопоставляет себя ему – но и не бросается в другую крайность и не рвется в разнообразные западные клубы. Для нее лучше, чтобы отношения с Западом были хорошими, чем плохими, но если Запад хочет новой «холодной войны», выбор за Россией – не обратить внимания или ответить тем же».

Тема демократии в России в оценках экспертов ЕС напрямую связана и с вопросами энергетической безопасности Запада. Россию критикуют (Джон Робертс, «Политика удушения России и Турции»;⁶ Майкл Эмерсон, «Пакт стабильности для Кавказа»⁷) за сращивание государства с крупнейшими монополиями («Газпром», «Лукойл» и др.), использование энергопоставок в качестве средства политического шантажа на постсоветском пространстве, а значит и проявление неоимпериализма. Конфликты с Украиной, Грузией и Белоруссией по ценам на поставки энергоресурсов и стоимости их транзита, которые повлекли перебои в экспорте в Европу, вызвали на Западе взрыв возмущения, обвинения России в энергетическом империализме и шантаже и даже призывы использовать НАТО для гарантий энергетической безопасности стран-импортеров. Несмотря на то, что тактика Москвы была шероховатой, если не откровенно грубой, по существу дела переход на мировые цены в поставках энергосырья явился как раз отходом от прежней имперской линии экономических подачек в обмен на политическую или военно-стратегическую лояльность. Причем это подтвердилось фактом одинаково прагматичного подхода Москвы к столь разным соседям, как Украина, Грузия, Армения и Белоруссия. Пересмотр цен не был обусловлен политическими или военными требованиями, так что для обвинений в шантаже нет оснований. Это признается и некоторыми экспертами из стран ЕС. Как отметил председатель правления крупнейшей немецкой газовой компании E.ON Ruhrgas Буркхард Бергманн, «Россия свыше 30 лет является поставщиком газа в Европу, и за эти годы зарекомендовала себя в качестве надежного партнера. И никаких оснований для такой резкой реакции Запада на то, что Россия наконец решилась перевести свои отношения с партнерами по СНГ на рыночные рельсы, нет»⁸. В статье одного из наиболее трезвомыслящих европейских экспертов Марка Алмонда «Россия отстывает», которую опубликовала английская газета The Guardian, говорится: «В прошлом году украинские «оранжевые» революционеры вернули долг своим западным спонсорам, в угоду американской стратегии переключив направление потока на противоположное в нефтепроводе Одесса-Броды. Примерно в то же самое время Америка и Великобритания злорадствовали по поводу завершения строительства нефтепровода Баку — Джейхан, который исключает Россию из экспорта каспийской нефти.

⁵ The Guardian, 18.09.2007.

⁶ www.europesworld.org/EWSettings/Article/tabid/78/Default.aspx?Id=c9e552ef-cc10-4359-895c-6111761de506 - 40k -

⁷ Stability Pact for the Caucasus in Theory and Practice. CEPS Working paper 2007-09-18.

⁸ www.russia-today.ru/2006/no_03/03_analysis.htm - 29k

Затем они объявили о транскаспийском газопроводе, по которому природный газ Средней Азии будет транспортироваться на Запад, минуя территорию России, не говоря уже о том, чтобы платить Путину транзитную пошлину. Запад, а не россияне диктует глобальную трубопроводную политику. В действительности Запад наступает, в то время как российские войска уходят с Кавказа и из Средней Азии. «Газпром» увеличивает цены для бывших советских республик, чтобы компенсировать утрату Москвой геополитической значимости».⁹

По мнению известного немецкого политолога Александра Раара, стратегия ЕС в восточном направлении не сможет игнорировать вновь обретенную экономическую мощь таких энергопроизводителей, как Россия и Казахстан. Представление некоторых западных экспертов о том, что экономика России держится только на нефтяной игле, рассыпается при серьезном анализе. В новой Энергетической хартии необходимо найти новый баланс интересов трех категорий стран – потребителей, экспортеров и тех государств, через территорию которых осуществляется транзит энергоносителей. Идеи создания санитарного кордона из транзитных государств вокруг России, как это предлагает белорусский президент Александр Лукашенко, только усиливают конфликтный потенциал. На западную политику сдерживания Россия отреагировала бы обеспечением безопасности путей снабжения Калининграда военными средствами.¹⁰

В целом, из публикаций западноевропейских экспертов следует, что главный вопрос, который постоянно волнует ЕС, сводится лишь к одному – «дадите ли вы достаточно нам нефти и газа?». «В условиях оскудения мировых запасов природного топлива настаивать на приоритете общечеловеческих ценностей над экономическими интересами или хотя бы на их паритете – почти анахронизм. Во всяком случае, с точки зрения европейских финансовых и промышленных кругов»,¹¹ отмечает эксперт брюссельского Центра ЕС-Россия Елена Прохорова.

Создается впечатление, что экспортно-сырьевая ориентация буквально навязывается России, потому что не только внутри, но и на Западе есть мощные силы, заинтересованные в том, чтобы затвердить именно сырьевую ориентацию России. Такой подход в корне противоречит заинтересованности ЕС в демократическом развитии России. Преобладание экспортно-сырьевой ориентации создает препятствия не только для экономической модернизации России, но и для интеграции с ЕС. Экспортно-сырьевая модель экономики – это модель авторитарной политической системы, это модель системы, которая ведет к большой стратификации и общества, и регионов, это модель, которая в случае России ведет к политике доминирования на постсоветском пространстве, потому что нужно обеспечить безопасность своих транзитных трубопроводов. И это модель, которая в конечном итоге ведет к переориентации на Азию, потому что там более обещающие в долгосрочном плане рынки и более терпимое отношение к либеральному авторитаризму. Следует особо отметить, что при всей важности энергодиалога отношения России и ЕС не должны ограничиваться только этими вопросами, которые переносят сотрудничество между двумя партнерами в сугубо прагматическую плоскость избирательного сотрудничества, сужая сферу взаимодействия и являясь, по сути, антиподом интеграции России в четыре общих пространства.

Тема парламентских выборов в России в 2007 г. рассматривалась европейскими экспертами, главным образом, через призму решения В.Путина поддержать «Единую Россию», возглавив список ее кандидатов на декабрьских выборах в Государственную Думу. Немецкий политолог из берлинского фонда «Наука и политика» Райнер Линднер отметил, что на выборах «Единая Россия» с помощью кандидатуры президента получит очень хорошие результаты, вполне возможно, две трети голосов – к такому результату

⁹ Ibid.

¹⁰ www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale_Politik/2007/IP02_2007/02.html - 66k -

¹¹ news.bbc.co.uk/hi/russian/russia/newsid_6176000/6176582.stm - 35k -

она, собственно, и стремятся. Менее крупным партиям, таким как, например, «Справедливая Россия», соревноваться с ними будет очень сложно»¹². Эберхард Шнайдер из Брюссельского Центра ЕС-Россия дал несколько иную оценку решению В.Путина возглавить список «Единой России»: «По результатам соцопросов, оказалась весьма высокой опасность, что в половине регионов коммунисты получат большинство голосов избирателей. Поэтому было решено поставить Путина во главу списка партии "Единая Россия", хотя он не является ее членом. Последствием этого шага, возможно, будет высокий процент голосов, которые единороссы получают на грядущих выборах, скорее всего, даже больше 38 процентов, набранных ими в 2003 году. Вероятно, речь пойдет о 60 или 65 процентах голосов. Остается открытым вопрос, смогут ли новые партии, например «Справедливая Россия», преодолеть 7-процентную планку. Либеральные партии – «Яблоко» и СПС этот барьер не преодолеют. «Единая Россия» в новой Думе будет иметь очень сильные позиции. Второе место займут коммунисты, которые будут единственной оппозиционной партией. Если в Думу и сумеют попасть еще какие-либо партии, то их влияние будет очень невелико».¹³

Большое внимание экспертов и политологов в свете предстоящих парламентских выборов было уделено так называемому «плану Путина», ставшему основой избирательной стратегии «Единой России». Райнер Линднер отметил, что «план Путина» – это долгосрочная стратегия, которая направлена на укрепление созданной Путиным политической структуры внутри Кремля. Одновременно это и политическая повестка дня, включающая в себя план реформ в социальной сфере, а также укрепление позиций России в сфере энергетики. План Путина по утверждению России на международном энергетическом рынке, использующийся «Единой Россией» в качестве пропаганды, безусловно, связан с собственной персоной президента и с его деятельностью в последние годы.¹⁴

По мнению Эберхарда Шнайдера, «плана Путина» в узком смысле этого слова, как заявил и сам Путин, не существует. Этот план – результат работы экспертов, он содержит краткосрочные и долгосрочные стратегии в социальной сфере, в области обороны и вооружения, а также в экономике. В этом смысле «план Путина» определяет направление дальнейшего развития в этих сферах. А поскольку Путин, по всей вероятности, намеревается впоследствии стать главой правительства, то этот план будет залогом последовательности российской политики.¹⁵

Тема президентских выборов в России сводилась главным образом к вопросу: «Кто будет преемником Владимира Путина на посту президента России?». При этом в тени оставался факт, что Владимир Путин, достаточно молодой и физически здоровый политик, пользующийся огромной популярностью в российском обществе и имеющий возможность изменить Конституцию с тем, чтобы остаться на третий срок, неоднократно заявлял о своем намерении уйти с поста президента России. Важность конституционной смены власти в России во второй раз за время ее постсоветской истории практически не нашла отражения в публикациях европейских экспертов. Очень немногие из европейских экспертов обратили внимание на этот факт, исключительно важный для развития демократии в России. «Путин и через восемь лет после прихода к власти сохраняет чрезвычайно высокую популярность. По конституции, он не может оставаться президентом три срока подряд, и на прошлой неделе, общаясь с иностранными аналитиками и журналистами, пишущими о России, он в очередной раз подтвердил, что весной сле-

¹² www.dw-world.de/dw/article/0,2144,2830208,00.html - 50k -

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

дующего года покинет свой пост. Он заявил нам: никаких игр с конституцией не будет», отмечал Джонатан Стил.¹⁶

По мнению Александра Рара, хотя ЕС не может непосредственно вмешиваться в предвыборную борьбу в России, он вполне может заявить о своих предпочтениях для будущего стратегического партнерства и попытаться оказать влияние на российские элиты в интересах Европы.¹⁷

Группа европейских экспертов призвала к выработке единого подхода Европейского Союза к отношениям ЕС и России, находящимся на переломном этапе. Эксперты приняли участие в дискуссии под председательством Фрейзера Кэмерона, директора Центра ЕС-Россия, в рамках форума в Крынице (Польша) 6 сентября 2007 г. В обсуждении приняли участие: Евгениуш Смолар, президент Центр международных отношений в Варшаве; Гинтарас Степанавичюс, вице-спикер сейма Литвы; профессор Кари Лиухто из Школы экономики в Турку; профессор Жак Рупник из Центра международных исследований в Париже; профессор Паоло Кальчини из Болоньи и Иван Новицкий, депутат Московской Городской Думы.

Выступающие выразили обеспокоенность краткосрочными перспективами отношений между Брюсселем и Москвой в связи с внутривнутриполитическими тенденциями в России, в результате которых был разрушен плюралистический ландшафт 1990-х гг. Они упомянули также конфликт вокруг экспорта мяса из Польши, давление на Прибалтийские государства и экономические проблемы, в том числе наступление Кремля на стратегические активы, очереди на российско-финской границе и сложности, связанные со строительством газопровода Nord Stream. В тоне и риторике России, по мнению участников, произошли столь серьезные изменения, что ЕС вынужден поднять вопрос об общих ценностях, без которых невозможно долгосрочное партнерство. Тем не менее, участники дискуссии сошлись во мнении, что при новом президенте в России не произойдет радикальных изменений. И хотя в отношениях России со странами – участницами ЕС сохраняются некоторые проблемы, это ни в коей мере не означает возврата к «холодной войне». Отношения ЕС-России по-прежнему будут представлять собой сочетание дружбы и соперничества. Как отмечал Джонатан Стил, «Западу придется смириться с независимостью России – по крайней мере, на следующие несколько десятилетий. Запад должен понять, что к России относиться нужно как минимум так, как мы уже относимся к Китаю – как к экономическому и стратегическому гиганту, который больше не читает никому нраву и никого не провоцирует, а просто торгует с внешним миром и живет – живет реалистично и трезво»¹⁸.

Тем не менее, выработка общего подхода к России остается одной из самых сложных проблем для ЕС. Так, крупнейшие политические фракции Европарламента в Страсбурге отказались поддержать в преддверии саммита Россия – ЕС резолюцию, в которой выражалась серьезная обеспокоенность в связи с «авторитарными тенденциями» и ситуацией с фундаментальными правами в России, передает РИА «Новости» со ссылкой на европейские СМИ. Это фракция Европейской народной партии – европейских демократов и фракция Партии европейских социалистов. Проект резолюции был подготовлен и внесен накануне на рассмотрение участников пленарного заседания в Страсбурге. Его подготовили фракции европейских либералов и «зеленых». По мнению демократов и социалистов, отказавших в поддержке резолюции, на данном этапе «не является продуктивным вновь повторять то, что ранее уже заявлялось». В связи с этим они предложили депутатам Европарламента принять новую резолюцию по итогам встречи в верхах, которая состоится в португальском городе Мафра.

¹⁶ Джонатан Стил «Наследие Путина: Россия, которой не нужна милость Запада» // The Guardian, 18.09.2007.

¹⁷ www.moskau.diplo.de/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale__Politik/2007/IP02__2007/02.html - 66k -

¹⁸ Ibid.

Катинка Барыш, экономист Центра европейских реформ, считает, что недостаточно просто обратиться к странам-членам ЕС с предложением «говорить единым голосом». Нужно, чтобы они договорились и выработали общую позицию. Проблема в том, что «мнения и цели государств-членов ЕС разнятся». Евросоюз должен найти способ гармонизировать их подход. По мнению Катинки Барыш, страны Европы должны начать «открытое и перспективное» обсуждение своей политики в отношении России, чтобы «четко сформулировать» свои требования и ожидания.¹⁹

Выводы. Анализ публикаций экспертного сообщества ЕС, посвященных внутривнутриполитической ситуации в России, свидетельствует о глубоком непонимании процессов, происходящих в российском обществе. Нынешний этап развития России отражает не ее национальную специфику – особый путь, а определенный этап эволюции, который переживали и другие европейские страны. Нельзя в этом плане не согласиться с Дмитрием Трениным, который подметил, что сегодняшняя Россия «одновременно напоминает Германию 1920-х с ее динамичным экономическим развитием и острым чувством обиды из-за отношения других держав, Францию конца 1940-х, пытающуюся залечить раны недавнего прошлого, и Италию 1960-х, где власть, деньги и преступность были спаяны водино».²⁰ Демократизация – это процесс, и он оценивается не по принципу «есть или нет», а по критерию «больше или меньше» и в какую сторону идут перемены. Главный вопрос для России – это вектор ее внутреннего развития. Это ставит перед ЕС и Западом в целом сложнейшую проблему – определение политики в отношении России в ходе ее длительной, глубокой и крайне противоречивой трансформации. Пока что ведущие страны ЕС и США бросались в этом вопросе в крайности: от радужных надежд к горькому разочарованию, от чрезмерной вовлеченности к полному равнодушию и пренебрежению, от восторженности к подозрениям и враждебности. Представляется, что европейские партнеры должны определить для себя, что для них является более выгодным – отчуждение России и избирательное сотрудничество или постепенная и последовательная интеграция России в общие с ЕС пространства экономики, внутренней и внешней безопасности, науки и культуры. Последнее потребует от партнеров России политического реализма, понимания того, что 16 лет постсоветского развития – слишком короткий период в исторической перспективе для того, чтобы выносить окончательный приговор российской демократии.

Очевидно, что конкретные временные параметры, формы и пути равноправной и взаимовыгодной интеграции России с Евросоюзом, включая внешнюю безопасность, определит время. При конструктивной и последовательной политике Москвы ЕС рано или поздно примет новые «правила игры», поскольку они и в его долгосрочных интересах. А в перспективе переход России с экспортно-сырьевой на высокотехнологичную инновационную модель экономики в рамках расширения демократических институтов и норм совершенно естественно снимет противоречия по российским внутривнутриполитическим проблемам и сориентирует направление интеграционной политики России как самой крупной страны и потенциально самой сильной экономики Европы.

¹⁹ subscribe.ru/archive/media.news.online.inosmi/200705/26090511.html - 110k -

²⁰ Trenin D.,...The Washington Quarterly, March 15, 2007.

А.В. Кузнецов

Когнитивный фактор формирования представлений о российской экономической политике в странах ЕС

В последнее время в России очень активно стали обсуждаться вопросы формирования за рубежом, в частности в странах ЕС, позитивного (реального, объективного¹) образа страны. При этом основная часть предложений, к сожалению, содержит в основном две ключевых идеи – во-первых, за границей (например, в Европейском союзе) сформировались негативные (оторванные от реальности, необъективные) представления о России, а во-вторых, их следует целенаправленно исправлять с помощью пропагандистских усилий. При этом формирование определенного имиджа России многими экспертами связывается с нейтрализацией заведомо негативных сведений, приводимых в информационном поле соответствующих зарубежных стран (другое дело, что степень негативизма различными авторами оценивается по-разному).

В этой статье будет показана явная однобокость такого подхода, особенно если речь идет об оценках российской экономической политики, преобладающих в ЕС. По сути можно говорить о серьезном недоучете специфики получения знаний о любом зарубежном объекте или процессе, включая Россию и проводимую ее государственной властью политику. В наибольшей степени это относится к языковому фактору, а в случае «новых» членов Евросоюза также и к крайне неоднозначному восприятию общего социалистического прошлого.

Языковой барьер в эпоху развития сети Интернет

Безусловно, при личной поездке человека в другую страну его представления в значительной мере формируются через визуальные каналы информации. Внешний вид городов, состояние розничной торговли и общественного транспорта могут немало сказать иностранцу о проводимой в стране экономической политике. Более того, при реализации столь типичной для некоторых международных туристических центров стратегии «потемкинских деревень» (превращения наиболее посещаемых иностранцами городов и даже их отдельных частей в витрину социально-экономических достижений данной страны) такая информация на самом деле может быть даже не объективной, а заведомо позитивной.

В настоящее время этот фактор слабо учитывается в России для создания адекватного образа страны за рубежом, в том числе в ЕС. Так, в 2006 г. Россию посетило лишь 8,8 млн. граждан стран, не входящих в СНГ. Наибольший удельный вес составили как раз жители некоторых государств Европейского союза (в двадцатке лидеров оказались 13 стран-членов). Однако для большинства этих стран процент людей, побывавших в России в течение года, оказывается незначительным – исключения составляют лишь страны Балтии и Финляндия (см. табл. 1). Следовательно, развитие России как международного туристического центра, рост деловых контактов научного сообщества и предпринимателей России и ЕС, расширение трансевропейских студенческих обменов в ходе реализации Болонского процесса в любом случае будут способствовать изменению представлений о стране в Евросоюзе.

Тем не менее совершенно очевидно, что даже при интенсификации трансграничных поездок граждан стран ЕС в Россию подавляющий объем сведений они продолжают получать через вербальные каналы коммуникации и из письменных источников информации, а значит, только с помощью понятных им языков. При этом необходимо четко по-

¹ На наш взгляд, кажущееся разнообразие дополнительной смысловой нагрузки у различных авторов на деле связано с поиском ими адекватного слова для одного и того же определения.

нимать, что русский язык почти не распространен в Европейском союзе. С одной стороны, русскоязычные общины в ряде стран ЕС входят в число крупнейших национальных меньшинств. С другой стороны, русский язык в силу специфики этнической политики этих государств не имеет в них статуса официального. Как следствие, русский язык не получает никакой поддержки в рамках ЕС, который славится усилиями по сохранению языкового многообразия в Европе.

Таблица 1

Число прибытий граждан ряда стран ЕС в Россию в 2006 г.

Страна	Место по числу прибытий граждан в Россию в 2006 г.	Общее число прибытий граждан в Россию в 2006 г., тыс. чел.	Доля лиц, посетивших Россию в 2006 г., в общей численности населения страны, %	Число прибытий в Россию в 2006 г. с туристическими целями, тыс. чел.
Польша	1	1 149	3,0	234
Финляндия	2	1 078	20,5	148
Литва	3	979	28,7	43
Германия	5	553	0,7	328
Эстония	6	438	32,7	65
Латвия	7	380	16,6	49
Великобритания	9	233	0,4	124
Франция	11	193	0,3	102
Италия	12	188	0,3	116
Нидерланды	16	84	0,5	29
Испания	17	70	0,2	54
Швеция	18	64	0,7	31
Австрия	20	55	0,7	24

Примечание: показатель удельного веса лиц, посетивших Россию, оказывается завышенным из-за возможности совершения одним человеком нескольких поездок в страну в течение года. Поскольку многократные визиты особенно типичны при осуществлении служебных или частных целей, а доля туристов наименьшая у соседних с Россией стран Балтии, Финляндии и Польши, то показатель именно по этим государствам завышен в наибольшей степени.

Составлено автором на основе: Россия в цифрах 2007. – М.: Росстат, 2007. С. 153; UNCTAD Handbook of Statistics 2006-07. – New York, Geneva, 2007. P. 435-437.

Более того, если раньше русский язык изучался многими жителями восточноевропейских стран, то теперь ситуация заметно изменилась. Исключение по-прежнему составляют страны Балтии, однако и там наблюдается тенденция к вытеснению русского языка из сферы школьного образования. Помимо политических причин (например, связанных с неприятием России как наследницы Советского Союза, ассоциируемого с негативными аспектами социалистического прошлого), существует и более глобальная тенденция – все более активное изучение английского языка (в среднем по ЕС этот язык преподается 85% школьников).

В целом в рамках Европейского союза среднее число изучаемых иностранных языков в школе составляет 1,3 (т.е. лишь треть школьников изучает два языка зарубежных государств). Конечно, страны заметно различаются. Так, если в крупных странах в основном преподается только один иностранный язык, а в Англии вообще во многих школах такого предмета нет в качестве дисциплины, по которой необходимо сдавать экзамены, то в малых странах все более характерным становится изучение двух языков (см. табл. 2).

Таблица 2

Изучение иностранных языков в школах ряда стран ЕС в 2004 г.

Страна	Население, млн. чел.	Среднее число изучаемых иностранных языков	Доля школьников, изучающих следующие языки, %			
			английский	французский	немецкий	прочие
ЕС-25	459,5	1,3	84,9	19,2	16,8	ок.9
Германия	82,5	1,2	94,2	23,3	-	ок.3
Франция	60,6	1,2	96,5	-	18,4	ок.5
Великобритания	60,0	0,6	-	34,4	13,9	ок.12
Италия	58,5	1,3	88,4	30,5	5,4	ок.6
Испания	43,0	1,4	97,3	36,6	2,0	ок.4
Польша	38,2	1,4	79,6	5,8	46,0	ок.9
Греция	11,1	1,6	96,9	39,1	20,2	ок.4
Бельгия	10,4	1,7	69,5	52,0	14,8	ок.34
Чехия	10,2	1,2	75,8	4,8	38,2	ок.1
Венгрия	10,1	1,1	60,8	3,2	47,0	ок.0
Швеция	9,0	1,8	100,0	19,1	29,7	ок.31
Дания	5,4	2,1	99,1	14,9	84,5	ок.12
Финляндия	5,2	2,4	99,1	12,8	26,3	ок.100
Литва	3,4	1,7	85,3	5,0	27,8	ок.52
Латвия	2,3	1,7	95,2	1,5	24,6	ок.49
Эстония	1,3	2,1	92,3	3,7	30,2	ок.84
<i>Румыния (ЕС с 2007)</i>	<i>21,7</i>	<i>1,9</i>	<i>91,7</i>	<i>86,0</i>	<i>11,3</i>	<i>ок.1</i>

Примечание: лидером являются Нидерланды (показатель равен 2,6), но данные об изучении отдельных языков отсутствуют; для билингвистических стран второй язык обычно рассматривается как иностранный; данные по Великобритании приведены по Англии.

Составлено автором на основе: Europe in figures – Eurostat yearbook 2006-07. – Luxembourg, 2007. P. 51, 91.

При этом изучение второго языка объясняется не столько нежеланием делать ставку исключительно на английский (хотя в Восточной Европе нередко встречается предпочтение немецкого, а в Южной – французского), сколько билингвизмом ряда малых стран. Так, нередко в качестве иностранного языка в школах предлагается язык национального меньшинства, одновременно имеющий статус государственного в соседней стране – шведский в Финляндии, французский либо голландский² в Бельгии и т.д. В принципе в Эстонии и Латвии данная ситуация может в долгосрочной перспективе способствовать усилению позиций русского языка в образовании, однако пока политика дискриминации нацменьшинств приводит к приданию их языкам иностранного статуса с целью сокращения часов преподавания родной речи в национальных школах.

Все сказанное означает, что лишь несколько процентов жителей ЕС знают русский язык и такая ситуация скорее всего сохранится в будущем. Более того, она типична и для политической, деловой и даже научной элиты (хотя многие европейские эксперты обычно знают несколько иностранных языков, далеко не всегда русский входит в их число). Соответственно информацию о России типичный гражданин ЕС получает на родном языке, а если на нем публикуется (сообщается по телевидению, радио и т.д.) недоста-

² Если точнее, в Бельгии изучается фламандский диалект голландского языка.

точный для человека объем информации, он использует материалы на известном ему иностранном языке (как правило, английском).

В принципе российские эксперты, анализирующие проблемы адекватного образа России за рубежом, понимают эту проблему, однако по традиции сводят ее преимущественно к пропаганде через обычные средства массовой информации. При этом недостаточные, по их мнению, финансовые ресурсы и отсутствие цельной идеологии с российской стороны, а иногда просто отдельные просчеты приводят к поражениям в конкуренции с пропагандистами других стран. На наш взгляд, такого рода борьба действительно обречена на поражение российской стороны. Как показано выше, любая информация о России, включая российскую экономическую политику, чтобы дойти до массовой аудитории в ЕС, должна быть переведена на английский язык (или на несколько других ключевых языков сразу). При этом в Европейском союзе существует потребность иметь значительный объем сведений о России, следовательно, кто-то все равно должен переводить информацию из российских источников. Однако непосредственному переводу на другие языки предшествует отбор переводимой информации – тех или иных фактов, суждений и т.д. Именно на этой стадии при отсутствии у российской стороны адекватных возможностей по самостоятельному продвижению в странах ЕС информации о себе на английском и других иностранных языках закладываются предпосылки формирования весьма своеобразных представлений о России. О некоторых таких причинах когнитивного (познавательного) характера будет сказано в следующем разделе, а здесь уместно отметить, что на самом деле в последние несколько лет ситуация принципиальным образом изменилась из-за развития сети Интернет.

Сеть Интернет значительно облегчила доступ людей к разным источникам информации. Более того, она заметно снизила зависимость человека от конкретного чужого мнения. Среднестатистический гражданин ЕС регулярно получает сведения о России из ограниченного числа традиционных средств массовой информации (например, газет, телевизионных каналов). Так, даже в лидирующей по выпуску газет в Евросоюзе Финляндии на 1000 человек приходится ежедневно 445 экземпляров (в таких странах, как Польша и Италия, показатель едва превосходит 100)³. В частности, это означает, что типичный финн не читает одновременно нескольких разных газет, хотя в стране формально выпускается больше полусотни наименований. Даже ученый, стремясь охватить большее количество источников, на практике ограничится небольшим набором известных ему авторитетных журналов и т.д. Выбор источников информации с помощью сети Интернет оказывается значительно больше (в том числе из-за дешевизны доступа к огромному количеству ресурсов почти одновременно). Более того, несмотря на наличие определенного внешнего воздействия на результаты работы поисковых систем, они могут обеспечить человеку сравнительно легкий выход на малоизвестные (но при этом весьма ценные) источники информации.

По данным Евростата, уже половина домохозяйств в ЕС имеет доступ к сети Интернет, а доля граждан в возрасте от 16 до 74 лет, регулярно пользующихся сетью Интернет, составляет 80% (за счет обеспечения доступа на работе, по месту учебы). При этом уровень развития телекоммуникации в ЕС таков, что популярность сети Интернет уже не связана жестким образом с техническими возможностями подключения к сети конкретного компьютера (см. табл. 3). Например, в 2006 г. в Словакии лишь 27% домохозяйств имели доступ к сети Интернет, но 96% жителей пользовались ею, по Венгрии аналогичные показатели составили 32% и 97% (рекорд ЕС). Более того, такой разрыв быстро сокращается по мере создания новых оптоволоконных линий.

³ См.: Российский статистический ежегодник. 2006. – М.: Росстат, 2006. С. 759.

Таблица 3

Доступ к сети Интернет в странах ЕС в 2006 г.

Страна	Доля домохозяйств с доступом к сети Интернет, %	Доля лиц, использующих Интернет не реже раза в неделю, %	Страна	Доля домохозяйств с доступом к сети Интернет, %	Доля лиц, использующих Интернет не реже раза в неделю, %
ЕС-27	49	80	Франция	41	79
Нидерланды	80	91	Италия	40	62
Дания	79	91	Испания	39	71
Швеция	77	94	Кипр	37	66
Люксембург	70	88	Польша	36	74
Германия	67	84	Литва	35	80
Финляндия	65	89	Португалия	35	64
Великобритания	63	83	Венгрия	32	97
Бельгия	54	86	Чехия	29	81
Словения	54	77	Словакия	27	96
Австрия	52	78	Греция	23	78
Ирландия	50	84	Болгария	17	73
Эстония	46	84	Румыния	14	85
Латвия	42	83	<i>Мальта</i>	<i>нет данных</i>	

Составлено автором на основе данных Евростата, доступных через сеть Интернет (<http://epp.eurostat.ec.europa.eu>).

Наконец, развитие сети Интернет почти стерло государственные границы в информационном пространстве. Раньше жителю ЕС, чтобы получать регулярно сведения непосредственно из России, требовалось подписаться на российскую газету, начать принимать российский канал телевидения или радио. В условиях объективно плохой узнаваемости российских средств массовой информации в большинстве стран ЕС это означало высокую вероятность отказа от такой стратегии в пользу получения уже обработанной на Западе информации о России. Теперь же наблюдателю из ЕС достаточно зайти на любой российский сайт в сети Интернет (причем в случае представителей научного сообщества или чиновников, других образованных слоев населения тяга к первоисточнику должна, на наш взгляд, возобладать над готовностью потреблять «обработанный» на Западе продукт).

Тем не менее один серьезный барьер остается и в сети Интернет – языковой. Более того, слабое распространение английского языка в российском информационном пространстве усиливает свое негативное воздействие по мере роста распространения английского в других европейских странах. Если житель ЕС знает русский язык, то для него в последнее время действительно стало значительно проще находить интересующие его данные о России, проводимой в ней экономической политике (достаточно выйти в одну из известных поисковых систем, например, на сайт www.yandex.ru). Однако англоязычные версии газет, журналов, официальных сайтов министерств, научных институтов, компаний в России, как правило, плохого качества, реже обновляются либо отсутствуют вовсе. При этом легкость доступа к разным источникам информации в этой ситуации означает, что англоязычный пользователь, не найдя интересующей его информации в российских источниках, с легкостью перейдет на западноевропейские или американские сайты, которые содержат на понятном ему языке информацию о России (хотя уже каким-то образом отобранную, а возможно, и специально обработанную).

Когнитивный диссонанс как фактор негативных оценок России

Было бы ошибкой считать, что в Европейском союзе проводится массированная целенаправленная политика дискредитации России. На самом деле среди экспертов в разных странах ЕС можно встретить совершенно различные оценки событий, происходящих в России, проводимой в стране экономической политики. При этом иногда высказываемые суждения демонстрируют очень точное схватывание рядом ученых (как правило, начинавших еще как советологи и хорошо знающих русский язык) основных особенностей современной России. Более того, когда речь заходит о явно негативных оценках России, во многих случаях приходится признать их справедливость, хотя наблюдатели из ЕС и концентрируют на имеющихся проблемах особенное внимание.

Конечно, не обходится без откровенных фальсификаций. Примером может служить, например, выступление директора варшавского Центра международных отношений Евгениуша Смолара на проводившейся в сентябре 2007 г. в Праге конференции «Европейский союз и его восточные соседи – больше кооперации или конкуренции?»⁴. Е. Смолар доказывал, что деятельность государственного «Газпрома» слабо нацелена на развитие газового хозяйства в самой России (с целью повышения пока невысокого уровня жизни населения), зато теснейшим образом переплетена с внешнеполитическими шагами Кремля в ЕС. В частности, польский политолог указывал на то, что негативное отношение компании «Газпром» к Польше связано с неудачами российского гиганта в инвестиционной сфере в этой стране. На самом деле, Польша для «Газпрома» является одним из основных мест приложения капитала – на эту страну приходится свыше 400 млн. долл. прямых инвестиций компании⁵. Другое дело, что в Польше можно увидеть ожидание значительно больших объемов российских капиталовложений в газовое хозяйство (с тем, чтобы увеличить доходы от транзита российского сырья), которые вряд ли вообще придут при успешном строительстве Северо-Европейского газопровода. Более того, в течение 2004 г. накопленные прямые инвестиции группы «Газпром» в Польше сократились втрое, поскольку «Газпромбанк» решил реструктуризировать долгосрочные займы в ответ на изменение общероссийских критериев, установленных Центробанком.

В условиях существования вполне нейтральных и реалистичных представлений о современной России среди части экспертов в странах ЕС проблема господства оценок России, подчеркивающих негативные особенности современной экономической политики (иногда в сочетании с единичными подлогами неверных фактов), кроется в феномене когнитивного (познавательного) диссонанса. Психологами было показано, что обычный человек не хочет придерживаться двух противоположных взглядов одновременно. В результате, получая сведения, которые противоречат его исходным представлениям о действительности, он такую информацию часто игнорирует, отрицает или воспринимает в неполной мере.

Хорошо известно, что среди нынешних комментаторов российских событий в ЕС немало людей, в свое время участвовавших в противостоянии Советскому Союзу и рассматривавших Россию как главного противника НАТО. В Восточной Европе ситуация осложняется тем, что нередко ключевые посты, причем не только во власти, но и в научной среде занимают борцы с коммунистическим режимом, которые также никогда не воспринимали Россию позитивно. Уже упомянутый Е. Смолар после участия в студенческих протестах в 1968 г. был арестован, а с 1970 по 1997 гг. находился в эмиграции в Швеции и Великобритании. Президент другого известного экспертного центра в Польше – Фонда имени Стефана Батория – Александр Смолар также был политэмигрантом (в 1974-1990 гг. в Италии, Великобритании и Франции).

⁴ European Union and Its Eastern Neighbours – More Co-operation or Competition? // 21 September 2007, Institut pro evropskou politiku EUROPEUM (<http://www.europeum.org>).

⁵ Данные польской статистики (<http://paiz.gov.pl>).

При этом необходимо учитывать, что обычная аудитория ориентируется на мнение авторитетов, поэтому даже в условиях плюрализма в интеллектуальном пространстве ЕС посткоммунистическая героизация борцов с Советским Союзом в Восточной Европе часто опосредованно ведет к усилению дискредитации России. Более того, возглавив научные организации, эти люди способствуют воспроизводству экспертного сообщества, отрицательно относящегося к России. В качестве одного из примеров можно привести работу молодого аспиранта варшавского Центра международных отношений (возглавляемого Е. Смоларом) М. Качмарского, который в 2005 г. опубликовал и разместил в сети Интернет на английском языке работу, посвященную анализу политики России в отношении ЕС. Тенденциозность большей части тезисов данной публикации, на наш взгляд, не нуждается в комментариях. Автор пишет, что:

1) зарубежная политика России в отношении ЕС реакционна и лишена какого-либо плана;

2) в России не хватает стратегического мышления, к тому же в стране нет уверенности в необходимости поддержания дальнейшей интеграции внутри ЕС;

3) в 90-е гг. российская политика в отношении ЕС была подчинена логике российско-американского соперничества;

4) с приходом Путина отношения России с ЕС улучшились лишь на короткий период, а затем началось развитие более тесных связей с Германией и Францией в ущерб всему Европейскому союзу;

5) Россия видит в Евросоюзе противовес США, но боится быть вытеснена интегрируемым ЕС из Европы, причем игнорирует равенство членов ЕС;

6) если ЕС воздействует на Россию юридическими и экономическими рычагами, то Россия использует против ЕС свое право вето в Совете Безопасности ООН, газовые ресурсы и другое политическое давление;

7) экономика ЕС и России дополняют друг друга, есть возможности развивать все четыре общих пространства, однако на уровне политического диалога внутриевропейские проблемы решаются плохо;

8) Россия опасается дальнейшего расширения ЕС, в том числе за счет стран СНГ, не в последнюю очередь потому, что политический порядок в России развивается в противоположную сторону по сравнению с политической системой в странах ЕС;

9) Россия отталкивается от идеи о том, что характер развития европейской интеграции определяется «германско-французским мотором», а потому надо уделять больше внимания двустороннему диалогу с членами ЕС⁶.

Когнитивный диссонанс при формировании представлений о российской экономической политике проявляется и безотносительно к политическому прошлому, поскольку на протяжении целого десятилетия Россия была источником «плохих» экономических новостей. Неслучайно многие наблюдатели в ЕС в течение нескольких лет не могли осознать кардинального изменения ситуации после 1998 г., а некоторые позитивные действия российских властей до сих пор трактуются как откат назад.

К сожалению, проблема восприятия российской экономической политики осложняется тем, что во многих странах ЕС на первых ролях оказываются эксперты, в принципе слабо представляющие себе специфику российской экономики. Например, тема российской инвестиционной экспансии в ЕС является излюбленной для зарубежных политологов, социологов и тому подобных специалистов, тогда как с трудом можно насчитать в Евросоюзе десяток профессиональных экономистов, изучающих эту проблему (в основном это финны и венгры). Соответственно выводы о внешнеэкономической политике России в ЕС, как правило, оказываются дилетантскими.

⁶ *Kaczmarek M. The Policy of Russia towards the European Union // Center for International Relations. Reports & Analyses. 2005. №13.*

Что касается особенностей внутренней экономической политики России, то к ним в ЕС вообще демонстрируется незначительный интерес, особенно в малых странах – такое ощущение, что большинство экспертов считает, что социально-экономическое развитие России мало связано с политическими процессами, происходящими в стране. При этом последние как раз такими аналитиками четко увязываются с российской внешней политикой – как в сфере экономики, так и в области международных отношений, безопасности и т.д.

Даже многие специализированные институты в ЕС при рассмотрении внутренних экономических процессов в России ограничиваются пересказом официальных российских сообщений или «втискивают» происходящие в России процессы в схемы, построенные на зарубежном опыте. Примером может служить известный Институт изучения экономик переходного периода Банка Финляндии (*BOFIT*), который каждый месяц выпускает небольшие аналитические бюллетени, посвященные оценке экономической ситуации в России и мерам федеральной политики. В основном материалы носят информационный характер, причем с уклоном в анализ событий, прямо или косвенно влияющих на экспорт и инвестиции финляндских компаний (например, связанных с ростом потребительского рынка), что вполне закономерно. Тем не менее почти из каждого отдельного выпуска можно почерпнуть отдельные суждения по совершенно разным конкретным проблемам, так что по публикациям за весь год реально составить общее представление о мнении финских экспертов относительно всего спектра направлений российской экономической политики.

В частности, показателен анализ новых государственных инициатив на российском рынке жилья, представленный одним из экспертов института *BOFIT* – Мерья Текониэми⁷. Поводом для публикации послужило начало реализации национального проекта «Доступное жилье». М. Текониэми отмечает, что жилищный сектор почти не подвергся реформированию в 90-е гг. При этом ее удивление вызывает тот факт, что, несмотря на масштабную приватизацию жилья (более 85% квартир с удельным весом по общей площади на уровне приблизительно 60%), во многих домах так и не появилось необходимых удобств. Отмечая неэффективность современной ипотеки и проблемы обманутых соинвесторов (граждан, вынужденных покупать квартиры на стадии котлована и так и не дождавшихся окончания строительства), М. Текониэми странным образом считает уже свершившимся фактом рост доступности жилья к 2010 г. для 25% населения благодаря федеральному субсидированию кредитов на квартиры. Соответственно проблема крайне завышенных цен (когда продажа скромного жилища в крупнейших российских городах уже позволяет приобрести неплохие квартиры в столицах стран ЕС) и уж тем более оценка вероятности экономического кризиса при обвале этих цен финской исследовательницей вовсе не рассматриваются.

В этой связи главная проблема ей видится в нежелании некоторых «богатых» регионов переходить к 100-процентной оплате услуг ЖКХ. В частности, она считает волонтаристским решением столичных властей давать субсидии на оплату квартир, если удельный вес таких расходов превышает не 22%, а 10% доходов граждан, особенно с учетом того, что (по ее оценкам) в Москве население оплачивает лишь половину реальной стоимости услуг ЖКХ. Особый цинизм этих комментариев состоит в нежелании эксперта оперировать с абсолютными величинами, соотнося их с прожиточным минимумом. Самое любопытное, что М. Текониэми отмечает, что «реальная» стоимость услуг ЖКХ назначается монополистами и не связана с качеством оказываемых услуг, однако объяснять данную проблему финский эксперт не считает нужным, предлагая общий рецепт – внедрение конкуренции в сектор ЖКХ. Естественно, что никаких комментариев по поводу провальной реализации на практике идей вроде ТСЖ (товариществ собственни-

⁷ *Tekoniemi M. Russia's housing sector – on the verge of a better future? // BOFIT Russia Review. №4. P. 4.*

ков жилья), нет ни слова, поскольку на официальном уровне в России не принято говорить, что в типичном ТСЖ не только снижается качество услуг и повышается их стоимость, но просто отсутствует правовое поле российского государства. Ведь основная часть ТСЖ создается по решению городских властей в новостройках путем объединения в одно товарищество целого микрорайона при полном самоустранении властей, включая прокуратуру и другие контрольные и силовые ведомства, что приводит к захвату власти даже в некоторых столичных ТСЖ уголовными элементами.

В другом бюллетене *BOFIT* совершенно выхолощенным оказался анализ проблем российского бюджетного федерализма в свете перераспределения полномочий между разными уровнями власти⁸. В основном финских экспертов интересуют общие параметры федерального бюджета на 2007 г. в связи с типичным для всех стран наращиванием расходов из-за предстоящих парламентской и президентской выборных кампаний. Они отмечают, что бюджетные расходы в России были повышены с менее чем 17% ВВП в 2006 г. до 17,5% ВВП, чтобы к 2009 г. опять быть сниженными до 17%. При этом дополнительные средства будут направлены на демографическую политику, повышение зарплат бюджетников и пенсий, национальные проекты, оборону, региональную политику, строительство дорог и другие популярные среди населения цели⁹. Опять-таки, как это принято в российской официальной пропаганде, в материалах *BOFIT* нет даже вопроса о пустом популизме решений по индексации пенсий на несколько процентов, когда их размер у многих стариков не достигает даже размера прожиточного минимума.

Анализируя последствия досрочного погашения внешних долгов перед Парижским клубом, институт *BOFIT* разделяет оптимизм Минфина России, что страна сэкономила 12 млрд. долл., которые могут быть направлены на инвестиции в новые важные инфраструктурные объекты. При этом параллельно решена задача частичного обуздания инфляции. Кроме того, авторитетные международные рейтинговые агентства повысили кредитный рейтинг России, что обеспечивает стране в будущем доступ к новым дешевым источникам заимствования средств (при этом проблема стремительного роста внешнего долга российских корпораций, которым не удастся привлечь дешевые кредиты у себя на родине, даже не поднимается)¹⁰.

Как правило, не столь оптимистичные материалы, по крайней мере в малых странах ЕС, представляют приглашенные американские исследователи (возможно потому, что в США, как и в ключевых странах ЕС, таких как Германия, в XX в. возникли серьезные школы советологии, которые до сих пор позволяют проводить квалифицированный анализ экономических процессов, происходящих внутри России).

В качестве иллюстрации можно привести упомянутый выше польский Фонд имени Стефана Батория. Реализуя в 2006 г. международный проект «Империя Путина», он пригласил в качестве одного из авторов Майкла МакФола – профессора Стэнфордского университета и сотрудника Института Гувера. Характеризуя современную российскую экономическую политику, М. МакФол позволил себе немислимое для большинства наблюдателей в ЕС признание, что называть такие фигуры, как А. Чубайс, и их политику «либеральными» является «нелепейшим гротеском»¹¹. Напротив, именно в грабительской приватизации и появлении олигархов, тесно взаимодействующих с чиновничеством, приглашенный в Польшу американский эксперт видит дискредитацию либеральных идей в России (а отнюдь не в ее историческом прошлом). Что касается политики В. Путина, то М. МакФол справедливо отмечает в качестве главного фактора везение. Решения правительств во время президентства В. Путина не имели никакого отношения ни к позитивным эффектам для российской экономики от финансового кризиса и девальва-

⁸ BOFIT Russia Review. №3. 17.03.2006.

⁹ BOFIT Russia Review. №7-8. 7.07.2006.

¹⁰ BOFIT Russia Review. №9. 29.08.2006.

¹¹ *McFaul M.* Russian Liberalism is Retreat // *Putin's Empire.* – Warsaw, 2007. P. 45 ff.

ции рубля в 1998 г., закончившим самые важные этапы сложной трансформации к рынку, ни к стремительному росту мировых цен на энергоносители, обеспечившему бюджетное благополучие в России. В этой связи не может даже однозначно трактоваться по сути либеральное решение о значительном снижении подоходного и некоторых других налогов.

Пути изменения представлений о российской политике

Как было показано выше, нежелательный для многих в России образ страны и проводимой в ней экономической политики, сформировавшийся в странах ЕС, базируется главным образом на реальных фактах, хотя и своеобразно отобранных внешними наблюдателями. Соответственно основным способом изменения представлений о российской политике в Евросоюзе служит улучшение качества самой экономической политики. При этом речь не идет о реакции на каждую претензию из-за рубежа – ведь по некоторым вопросам российские интересы действительно не отвечают целям, которые преследуют европейские партнеры. В то же время, наверное, ни для кого в самой России не является откровением наличие острых проблем, при решении которых исполнительная власть в период президентства В. Путина так и не смогла предпринять действенных мер.

Второй причиной неадекватного восприятия российских экономических процессов в ЕС служит отсутствие легкодоступных аналитических материалов, в которых выявляются причинно-следственные связи в российской социально-экономической сфере. Вполне объяснимо, что наблюдателей в Евросоюзе интересуют главным образом внешнеэкономические и внешнеполитические действия российских партнеров, тогда как ситуация внутри страны рассматривается в качестве фона и потому анализируется весьма поверхностно. Однако именно внутренние события обычно определяют действия государственной власти и частного бизнеса за рубежом. Когда же подлинные процессы оказываются закрыты для зарубежных наблюдателей, им не остается ничего другого, как описывать карикатурные конструкции наподобие маниакальной страсти Кремля построить новую авторитарную империю за счет удушения всяческих свобод внутри страны и экономической эксплуатации зарубежных государств.

Основная вина за такую картину действительно лежит на государственной власти. В нынешней России реально существует проблема свободы слова, но не в том понимании, который был характерен для Советского Союза (что часто не осознают в ЕС). В современной России эксперты вправе писать и говорить о своем понимании происходящих процессов, каким бы оно ни было (т.е. в буквальном смысле «свобода слова» существует), но вопрос в том, кто их мнение сможет услышать. На фоне массивной официальной пропаганды в лубочном стиле брежневского застоя результаты серьезных научных исследований отдельных проблем, издаваемые тиражом от 100 до 1000 экземпляров, остаются для основной части российского общества незамеченными.

При этом представителям правящих групп не стоит питать иллюзий, что возможно проведение действенной российской пропаганды такой же направленности в странах ЕС. Стремление к ретушированию многообразия позиций российского экспертного сообщества, в том числе нелюбимых для самой власти, не дает никакого результата за рубежом. Действительно, признанные в научном сообществе российские эксперты часто не имеют возможности обращаться к широким слоям населения, что было характерно для конца горбачевской перестройки и первых лет ельцинских реформ. В итоге не только их мнения, но и сам факт их авторитета у интеллектуальной элиты в России остаются неизвестными на Западе. Как результат, их место в информационном поле может быть легко занято любыми другими лицами. Это хорошо прослеживается по англоязычным публикациям российских авторов в европейских научных журналах и сборниках представительных научных конференций. Ведь формально никакого дефицита статей

россиян нет, однако основной массив российских авторов представляют всякого рода стажеры, магистранты и докторанты западных университетов, мало кому известные в самой России и пересказывающие в ЕС в основном позицию местных авторитетов (хотя эпизодически эти «труды» разбавляются работами известных российских ученых).

Таким образом, в целом успешная политика российской власти по оттеснению подлинной дискуссии по острым политическим и социально-экономическим вопросам (нелицеприятной для бюрократии, но все-таки в основном нацеленной на отстаивание интересов населения России) на задний план общественной жизни оборачивается появлением в странах ЕС ее эрзаца, причем в целом антироссийского содержания. Более того, некоторые отечественные исследовательские структуры (как правило, неолиберального толка) старательно игнорируют русскоязычные публикации, считая россиян не способными произвести сколько-нибудь ценный научный продукт. Правда, публикация на английском языке на Западе уже известных в России работ отечественных ученых может сразу оказаться «признанием» их научной значимости.

В этой связи одним из самых действенных (и не требующим значительных расходов по сравнению с ведением прямой пропаганды за рубежом) является стимулирование качественных англоязычных сайтов у российских организаций самого разного статуса и специализации – от министерств и ведомств до независимых исследовательских структур. К сожалению, в российском экспертном сообществе до сих пор бытует мнение, что англоязычные версии аналитических материалов не будут востребованы в России, а значит, затраты на их создание неоправданны. На самом деле, в эпоху Интернета электронные версии легко находят своих потребителей по всему миру. При этом издание англоязычных электронных журналов, обнародование результатов серьезных исследований на английском языке самими российскими институтами (при возможной финансовой поддержке государства) избавляет отечественных экспертов от цензуры со стороны ЕС. Ведь не секрет, что во многих европейских изданиях вычеркиваются фразы о проблемах меньшинств в странах Балтии и т.д.

Естественно, что возникает крайне болезненная для нынешней российской власти дилемма – то ли поддерживать зарубежную информационную экспансию всех ключевых отечественных исследовательских центров безотносительно к их фактической, а то и формальной независимости, то ли ограничиться наращиванием объемов официальной пропаганды, материалы которой часто игнорируются внешними наблюдателями. Лишь в первом случае возможно, на наш взгляд, завоевать доверие широкой аудитории в ЕС, поскольку многообразие мнений, сам факт острой дискуссии позволяет задуматься даже над отторгаемыми вследствие когнитивного диссонанса идеями. Например, пока часть заявлений российских официальных лиц находит широкую поддержку и у населения страны, и у российского экспертного сообщества, но оказывается неверно понятой в ЕС и воспринимается как часть идеологии узких властных групп.

К сожалению, нынешняя власть больше склонна мечтать о единой идеологии, поиске мифической национальной идеи, нежели доверять разрозненным действиям представителей национальной интеллектуальной элиты (хотя их патриотизм, как правило, не вызывает тех вопросов, которые встают при анализе действий некоторых российских чиновников). Конечно, у российской власти всегда остается выбор – или поддерживать еще несколько лет статус-кво, игнорируя усиления негативности образа России за рубежом (переложив решение возникающих в связи с этим проблем на следующее поколение), или принимать рискованные для конкретных политических групп решения о большей либерализации общественной жизни. Однако только во втором случае возможно такое изменение представлений о России, проводимой в стране экономической политике в странах ЕС (начиная с экспертного сообщества и евробюрократов и заканчивая европейскими обывателями), которое способствовало бы облегчению российско-европейского диалога по углублению интеграции сторон.